

Ханс Баггер

РЕФОРМЫ

ПЕТРА

ВЕЛИКОГО

Ханс Баггер

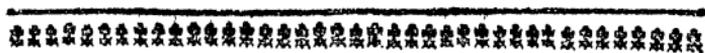

РЕФОРМЫ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО

«Прогресс»

Hans Bagger

**PETER DEN STORES
REFORMER**

En forskningsoversigt

**Jysk Selskab for Historie
1979**

Ханс Баггер

**РЕФОРМЫ
ПЕТРА
ВЕЛИКОГО**

**Обзор
исследований**

Перевод с датского
кандидата исторических наук
В. Е. Возгрин

Вступительная статья и общая редакция
доктора исторических наук
В. И. Буганова

**МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1985**

Примечания *Медушевского А. Н.*
Послесловие *Возгина В. Е.*

Редакция литературы по истории

© Hans Bagger 1979

© Перевод на русский язык, вступительная статья,
примечания и послесловие издательство «Прогресс», 1985

Б $\frac{0504030000-115}{006(01)-85}$ 19-85

«РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»
Х. БАГГЕРА
И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ
КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII в.

Эпоха Петра I в истории России, личность этого выдающегося государственного деятеля, полководца, дипломата пользуются неизменным вниманием в отечественной и зарубежной историографии. Их изучение имеет богатую традицию. Началось оно еще при жизни самого великого реформатора; в настоящий момент литература о Петре Великом и его времени может составить целую библиотеку.

Большие достижения во всех областях жизни, превращение России в великую мировую державу, ставшее своего рода феноменом истории, объясняют длительный, устойчивый, повышенный интерес к эпохе Петра в русской и зарубежной исторической науке. Все крупнейшие ученые-историки, специалисты по истории России за рубежом, начиная с XVIII столетия и до наших дней, так или иначе откликались на события петровского времени.

Зарубежной литературе о России эпохи Петра I, несмотря на различия в подходе ученых к оценке событий того времени, присущи некоторые общие черты. Отдавая должное правителю, тем успехам, которые были достигнуты страной, иностранные авторы, как правило, с известной недооценкой или открытым пренебрежением судили о допетровской эпохе в истории России. Широкое распространение получили взгляды, согласно которым Россия совершила скачок от отсталости, дикости к более передовым формам общественной жизни с помощью «Запада» — идей, заимствованных отсюда, и многочисленных специалистов, ставших

помощниками Петра I в проведении преобразований. Столь же давнюю традицию имеет распространенное в зарубежной (а до Октября 1917 г.— и в значительной степени в русской дворянско-буржуазной) историографии противопоставление России и стран Запада, антитеза «Россия — Запад», «Восток — Запад». Изображение России и СССР в качестве антипода Западу всегда имело, помимо антиисторизма в плане методологическом, определенную политическую направленность, нередко приводившую и приводящую в конечном счете к русофобии, антисоветизму и антикоммунизму. Это относится не только к трудам современных историков, политологов, социологов по истории советской эпохи, но и работам многих зарубежных авторов по истории дооктябрьской России, поскольку Советскую власть они изображают как преемника самодержавия. До сих пор можно встретить утверждения о кардинальном отличии исторического пути России в сравнении с западными странами, «разных корнях» их исторических традиций, отсталом, «азиатском» характере хозяйства, общественной жизни, культуры России в отличие от передовой европейской цивилизации, будто бы представлявшей некое единство и противостоявшей тому, что имелось и имеется в отсталой России. Эти два мира являют-де две «противостоящие» друг другу культуры. Представления о фатальном расхождении исторических путей России и Западной Европы питаются, среди прочего, концепциями, согласно которым на формирование русской государственности сильное или даже решающее влияние оказали византийские традиции, монголо-татарское иго, которые сыграли свою роль в том, что развитие Руси, затем России пошло в сторону, противоположную от Европы¹.

Сторонники так называемой «евразийской теории», корни которой восходят к государственной школе и славянофилам, проповедуют идеи о том, что Россия, будучи «смесью восточного и западного», «остается

¹ Игрицкий Ю. И. Современная буржуазная историография проблемы «Россия и Запад». — Вопросы истории, 1984, № 1, с. 35—38 и сл.; Мионов Б. Н. Некоторые схемы истории СССР в современной англо-американской историографии. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976, с. 83 и др.

мостом между Востоком и Западом». Отсюда — утверждения о благодетельном воздействии Золотой Орды на эволюцию государственности в Северо-Восточной Руси, о некоем симбиозе Орды и Руси, наложившем сильный отпечаток на всю последующую историю России царской и императорской эпох.

В связи со сказанным выше отрадно отметить появление за рубежом книг, отмеченных более или менее объективным подходом к проблемам истории России, выступлением против антиисторичной концепции аптитезы «Россия — Запад»¹. Среди них немало работ о Петре I, его эпохе, вышедших в свет в послевоенное время², в том числе и в Скандинавских странах. Интерес скандинавских ученых к истории внутренней и внешней политики России первой четверти XVIII в. объясняется не только важностью петровской эпохи для понимания последующей истории страны, но и тем, что Северная война и другие события того времени оказали существенное влияние на судьбы стран Скандинавского региона. К тому же их труды, как правило, основаны на изучении материалов из архивов Скандинавских стран³.

Предлагаемая вниманию читателей работа принадлежит датскому историку Х. Баггеру, автору исследований о русской внешней политике в 1724—1732 гг. и реформах Петра I. В ней дается проблемно-историографический разбор научных трудов русских и иностранных авторов о России эпохи Петра Великого. Хотя название книги акцентирует внимание на реформах конца XVII — первой четверти XVIII в., материал, приводимый в ней, охватывает более широкий круг проблем, чем реформы в строгом смысле слова: здесь, помимо реформ, рассмотрен ряд общих проблем, успехи в области внешней политики России, ее культурная жизнь.

Изданная в 1979 г. книга «Реформы Петра Великого» является второй работой из задуманной в

¹ Павлова-Сильванская М. П. Аннотированная библиография иностранной литературы о Петре I (1947—1970 гг.). — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

² Игрицкий Ю. И. Современная буржуазная историография..., с. 47—50.

³ Возгрин В. Е. Петровская эпоха в новейшей скандинавской историографии. — История СССР, 1981, № 3, с. 206.

Дании серии «Проблемы истории России и Советского Союза». В историографии истории России XVIII в., по мнению автора, основное внимание уделяется времени правления Петра I и Екатерины II. Анализ литературы по петровской эпохе, как он считает, лучше всего проводить в рамках основной темы о реформах. Такой подход определяется тем, что специалисты изучали прежде всего государственную власть, ее цели, правительственную политику, на фоне которой рассматривали более широкие проблемы экономического, социального, культурного развития России, ее внешней политики. По сути дела, речь идет, и содержание всей книги подтверждает подобное заключение, о подходе, идущем от традиций государственно-юридической школы русской историографии, от С. М. Соловьева и других ее представителей.

Книга Х. Баггера имеет подзаголовок «Обзор исследований», и весьма характерно, что обзор начинается с середины XIX в., с того же С. М. Соловьева. Обширная русская и иностранная литература XVIII — первой половины XIX в., по существу, отсутствует, хотя автор осведомлен в ней так же, как и в более поздней (см., например, с. 24)¹. Конечно, по своим научным достоинствам она заметно уступает трудам историков середины XIX — 70-х гг. XX в. Но все же следует заметить, что многие крупные ученые послепетровского времени, «досоловьевской» эпохи в русской исторической науке писали о России первой четверти XVIII столетия; среди них — В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин, М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов и др. Большое внимание уделяли эпохе Петра Великого А. Н. Радищев и А. С. Пушкин, декабристы и революционеры-демократы². Из зарубежных авторов достаточно назвать Вольтера, написавшего «Историю Петра Великого».

Подобная позиция автора вызвана, очевидно, тем, что он стремится дать читателю представление о профессиональной исторической науке, специальных исследованиях по истории России петровского времени; таковых до Соловьева было немного, хотя можно было

¹ Здесь и далее ссылки на данную книгу.

² Очерки истории исторической науки СССР, т. I. М., 1955.

бы назвать и «Историю Свейской войны», созданную при участии самого императора Петра, книги и статьи М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова и содержавшие новые идеи статьи А. С. Пушкина и Н. А. Добролюбова (у последних наряду с высокой оценкой реформ — критика петровского деспотизма, крепостничества и др.).

«Обзор» Х. Баггера примечателен как показатель интереса современной западноевропейской исторической науки к истории России, в частности к петровской эпохе, как свидетельство объективного, серьезного подхода автора к изучению предмета. Х. Баггер справедливо отмечает, что имеющиеся общие обзоры литературы посвящены русской или советской историографии; другие — частным аспектам проблемы «комплекса реформ». Из иностранных работ он выделяет в этом плане двухтомный труд западногерманского ученого Р. Виттрама «Петр I. Царь и император. К истории Петра Великого и его времени» (Гёттинген, 1964), содержащий чрезвычайно богатый справочный аппарат и представляющий собой настоящую сокровищницу множества несхожих точек зрения, хотя и называет его в другом месте «эклектично-синтезирующей работой» (с. 133, сн. 40).

«Обзор», как и другие книги упомянутой серии, должен являть собой сочетание пособия для профессиональных историков и учебника; дать в рамках одной небольшой книги представление о взглядах тех ученых, русских и иностранных, которые работали в течение последнего столетия с четвертью по различным проблемам истории России.

Следует сказать, что и за это время «Обзор» не дает достаточно полного перечня всех исследований о петровской эпохе. Очевидно, такая задача и не ставилась Х. Баггером, который уделяет внимание ведущим тенденциям развития историографии темы, называет основные труды и их авторов. Трактовка проблем, которые ставятся в книге, естественно, является результатом его собственного понимания, подхода к тому, что можно и нужно считать главным, центральным и в самой изучаемой эпохе, и в литературе, ей посвященной. Автор, хорошо знающий литературу, ведет изложение не в строго хронологической последовательности, а рассматривает историографический материал

в соответствии с теми вопросами, каждый раз новыми, особыми, которые обозначены применительно к разным аспектам петровских реформ. Х. Баггер склонен к свободной манере изложения и компоновки материала, нередко нарушает хронологический принцип его расположения.

В первой главе труда («Постановка ключевых проблем») справедливо отмечается, что в дореволюционной историографии изучаемые проблемы рассматривались как центральный, ключевой вопрос в истории России. После 1917 г. они, «безусловно, несколько отошли на второй план» (с. 24), но петровская эпоха и в советской историографии считается одной из важнейших. В западной науке преимущественное внимание уделялось внешней политике Петра I, его незаурядной личности (с. 24).

Выше отмечалось, что Х. Баггер в самом начале своего труда заявляет себя приверженцем «государственной» школы в историографии. Принципы материалистического понимания истории, классового подхода к изучению исторических событий в той или иной степени упоминаются в тех местах книги, где речь идет о советской науке. Автор проявляет и здесь свою объективность, отмечая то, что имеется в литературе. Но особое место в изложении занимают труды русских ученых — «государственников» — от С. М. Соловьева до М. М. Богословского. Специалистов и их труды Х. Баггер группирует не по историографическим направлениям, классовым установкам, а по характеру, содержанию трудов (специальные или общие), по позициям авторов, одни из которых рассматривают эпоху Петра I на фоне предыдущего периода русской истории, другие — в сравнении с положением в тогдашней Европе, третьи — в плане ее значения для последующего развития России (с. 25). Правда, он констатирует факт влияния на историков петровских реформ оценочных «норм современной им политики и морали» и «общефилософских систем» (с. 26). Полемизирует с П. Н. Милюковым, который менторски заметил однажды, что дело историка — не рассуждать о позитивности или негативности событий прошлого, а выступать их экспертом, но сам Милюков, как и другие ученые, участвовал в дискуссиях на подобные темы. Х. Баггер соглашается с Богословским относительно влияния

общефилософских систем на «более или менее обобщающие оценки петровской эпохи» («в особенности,— добавляет он,— если полагать национализм достойным титула «философская система») (с. 27).

Разумеется, эти рассуждения, сформулированные в довольно проничном духе, весьма спорные и своеобразные, характеризуют автора, конечно, как знатока эпохи, посвященной ей литературы, о которой он судит по-своему. Но, естественно, не со всем здесь можно согласиться. В истории, как и в других общественных науках, как известно, невозможно уйти от определения авторских позиций — методологических, теоретических, идеологических, политических, всего того, что автор именует оценочными нормами политики и морали, «общефилософскими системами», «национализмом». К тому же уход в науке от политики, идеологии — это тоже политика, идеология.

В первой же главе автор выявляет наличие в историографии разных, зачастую противоположных точек зрения, концепций по истории петровских преобразований. Так, если С. М. Соловьев и М. М. Богословский, представители старой буржуазной науки, затем историки-марксисты М. Н. Покровский и Б. И. Сыромятников, а из западных историков Г. Штёкль, М. Раев характеризовали реформы Петра I как революцию, полный разрыв со старомосковским обществом, то В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, О'Брайен говорили о преемственности между старомосковским прошлым и реформами. Вторая концепция, как констатирует автор, на сегодняшний день получила преобладающее влияние в науке (с. 30).

Так же автор разбирает точки зрения ученых по другим вопросам: о наличии или отсутствии планомерности, систематичности в проведении реформ, их национальной или «европейской» основе, роли, намерениях Петра I («европеизация» России, создание абсолютистского «регулярного» государства), отражении в реформах позиций, интересов классов, сословий, классовой и внутриклассовой борьбы. Отдавая свои симпатии историкам-государственникам, Х. Баггер отмечает, что тезис о большой роли государственного принципа («принципов государственности, в понимании царя») восходит к самому Петру I, а сформулированные в соответствии с ним положения в научной

литературе, например у Соловьева, восходят к предшествовавшей ему историографии и литературе, во многих случаях — к трудам «непосредственно послепетровской эпохи» (с. 31).

Автор справедливо говорит, что советские ученые главное внимание уделяют экономическим и социальным преобразованиям, классовым отношениям (с. 37). К этому можно прибавить, что именно такой подход позволяет выявить глубинные основы, причины реформ Петра Великого. Да и в целом выдвижение социально-экономического фактора в качестве главного, комплексный подход (учет и всех других факторов — политического, государственно-правового, географического, этнического, демографического, идеологического и др.) позволяют с необходимой полнотой и всесторонностью исследовать исторические явления, процессы во всей их сложности, запутанности и противоречивости, сравнить их с аналогичными процессами и явлениями в других регионах. Как известно, несмотря на специфику в развитии разных регионов, его неравномерность (одни страны и регионы в определенные исторические периоды вырываются вперед, другие отстают, затем догоняют и обгоняют первых и т. д.; вариантов здесь множество), все они в своем развитии проходят, с теми или иными вариациями, одни и те же этапы, периоды, движутся от одной общественно-экономической формации к другой. Всем им, иначе говоря, присущи одинаковые закономерности исторического развития, по-разному, в разное время, с неодинаковой интенсивностью проявляющиеся в различных странах и регионах.

В связи с этим снова приходится отмечать неубедительность, антиисторичность концепции «особого пути» исторического развития России, ее резкого противопоставления Западу, до сих пор бытующих в западноевропейской и американской историографии. Х. Баггер отмечает эту позицию «западных историков»: согласно их мнению, на Западе общественный строй определял правительственную и административную структуру, а в России, наоборот, государство и его политика определяли социальную структуру (с. 36). М. С. Андерсон, А. Гершенкрон, М. Раев и другие современные представители зарубежной буржуазной науки, на которых в данном случае ссылается Х. Баггер, пропа-

гандируют, как и многие их предшественники, пресловутую антитезу «Россия — Запад», гальванизируют положения русской государственно-юридической школы о решающей роли государства в закреплении и раскреплении сословий и т. д. Со ссылкой на некоторых авторов Х. Баггер пишет, что точка зрения о значительно более сильной позиции государственной власти в России по отношению к обществу, чем на Западе, нашла сторонников и среди советских историков во время дискуссии конца 1960-х гг. об абсолютизме в России (с. 36). Во время упомянутой дискуссии действительно выдвигались спорные положения, концепции (например, о крестьянстве, как якобы массовой социальной опоре абсолютизма, о якобы имеющем место в работах некоторых советских ученых преувеличении роли классовой борьбы в формировании абсолютизма и др.). Но при этом нельзя упускать из виду, что подобные суждения, подчас ошибочные, выдвигались в рамках материалистического подхода к изучению истории. Участники дискуссии исходили из того, что при всей специфике российского абсолютизма, истории России в целом развитие последней шло по тем же законам, что и в других странах, в том числе и западноевропейских.

В связи с вопросом о том, в чьих интересах — дворянства или купечества — проводились реформы, Х. Баггер приводит теории, согласно которым в петровское время доминировали интересы «торгового капитала» в лице купцов (М. Н. Покровский) или дворян (Н. А. Рожков) (с. 37). Вряд ли можно согласиться с автором, когда он утверждает, что в советской историографии с середины 1930-х и до середины 1960-х гг. по вопросу о классовой, дворянской основе русского государства времени Петра I оставалось господствующим мнение Н. А. Рожкова. Ведь характеристика этого государства как «национального государства помещиков», «диктатуры дворянства» исходит из марксистско-ленинского понимания социальной природы феодального государства. Н. А. Рожков был здесь отнюдь не оригинален, а понятие «торговый капитал», которое он, как и М. Н. Покровский, принял на вооружение, было, как отмечает и Х. Баггер, отвергнуто советской наукой (с. 38).

В плане изучения той же классовой основы феодально-абсолютистского государства разбирается в книге известная ошибочная концепция Б. И. Сыромятникова, который, как и М. Н. Покровский, считал, что абсолютизм Петра I был буржуазным, антидворянским, что его социальная политика защищала интересы крестьянства (Петр якобы стремился ограничить крепостное право)¹. Согласно его же точке зрения, в России эпохи Петра I пришли к равновесию два противоборствующих класса — дворянство и буржуазия, благодаря чему государственная власть достигла известной независимости, стала посредником между ними, поднялась над классовой борьбой. Х. Баггер отмечает, что тезисы Сыромятникова не нашли поддержки у советских историков и вскоре после выхода в свет его книги, и в ходе дискуссии об абсолютизме (с. 39). К сказанному автором можно добавить, что понятие «классовая борьба» едва ли можно применять, когда речь идет о противоречиях между дворянством, которое тогда и позднее занимало господствующие позиции во всех областях жизни, и буржуазией, которая только еще формировалась, не могла сравниться с дворянством по роли в экономике, политике, идеологии.

Что касается «равновесия» между дворянством и буржуазией, характерного для западноевропейского абсолютизма, то К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду не только поздние стадии, «зрелые формы», но и более ранние стадии этого равновесия. Они учитывали, в частности, тот этап в развитии абсолютизма, когда наряду с дворянством, представлявшим собой уже давно сложившийся развитый класс, на историческую арену вступило бюргерство, купечество, еще не достигшее статуса высокоразвитого класса буржуазии.

Кратко охарактеризовав дискуссию о российском абсолютизме и разные точки зрения, высказанные ее участниками, Х. Баггер отмечает особую спорность утверждений А. Я. Авреха, согласно которым абсолютизм возник и окончательно утвердился при Петре I в результате «революции сверху», достиг невиданно прочного положения благодаря относительно низкому

¹ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М. — Л., 1943, ч. I.

уровню классовой борьбы, застою в социально-экономическом развитии страны. Это, по словам Х. Баггера, приращение Аврехом классовой борьбы имело своим следствием отказ от известной марксистской аксиомы (с. 41). Конечно, спорность и неприемлемость для большинства советских исследователей «гипотезы Л. Я. Авреха» отмечены автором верно, хотя нельзя принять его тезис об отказе Авреха от марксистской теории классовой борьбы. Скорее, можно говорить о недооценке им влияния классовой борьбы на формирование российского абсолютизма; в целом же Аврех, как и все советские историки, исходит из положения о классовой борьбе, как движущей силе истории.

Во второй главе дается обзор мнений ученых о реформах государственного аппарата при Петре I. Х. Баггер справедливо оттеняет мысль о том, что в специальных трудах, принадлежащих прежде всего юристам, преимущественное внимание уделялось законодательству, нормативным аспектам, теоретическим положениям, идеям. Лишь в редчайших случаях речь шла о реальном функционировании учреждений. В советской исторической науке главное внимание уделяется изучению социально-экономических проблем; по середине 1960-х гг. усиливается интерес к изучению и надстроечных явлений, в том числе государства, реформ первой четверти XVIII в.

В ходе изложения материала о реформах автор не малое внимание уделяет вопросу о так называемых иностранных образцах, моделях (например, использование шведского опыта при организации коллегий); эти идеи получили довольно широкое распространение в западной литературе. Следует при этом иметь в виду, что использование опыта зарубежных стран при Петре Великом, несомненно имевшее место, как и во многих других государствах, носило в целом творческий характер, исходило из учета прежде всего русских условий и потребностей. Главное заключается в том, что реформы конца XVII — первой четверти XVIII в. являлись продолжением и завершением тех начинаний, которые проводились в жизнь в 1630—1680-е гг. Ввиду этого такие явления, как секуляризация и вестернизация, о которых автор говорит как о новых для времени Петра явлениях (с. 47), тоже,

можно сказать, имеют свое начало в XVII столетии¹. Интересны рассуждения о русском самодержавии, которое, усвоив западноевропейское учение о естественном праве, стало легитимироваться с помощью прежде всего рационализма. Заключение автора о том, что провиденциализм теперь сделался излишним, спорно: ведь опора на волю божью, на провидение была характерна для идеологии российского самодержавия вплоть до его свержения. Но, конечно, рационализму принадлежало важное место. Следовало бы, мне кажется, подобные мысли автора дополнить положением о том, что тезис официальной идеологии петровского времени об отделении понятия «государство» от личности правителя, которого следовало считать первым слугой этого государства (с. 47), имеет скорее декларативное значение, чем реальное содержание.

Снова характеризуя разные точки зрения, на этот раз по проблемам, связанным с изучением реформ государственного управления, Х. Баггер отмечает также вопросы, которые изучены в литературе более или менее полно или же недостаточно. Он констатирует, что исследование реформ местного управления продвинулось дальше в сравнении с изучением реформ центрального управления в смысле сопоставления их целей и практических результатов. Спорно при этом выдвигаемое им положение, что более негативная оценка преобразований на местах многими историками вызвана тем, что они рассматривали проведение реформ местного управления как проявление конфронтации с существовавшей социальной структурой. Объясняется это тем, что местное управление чаще всего вступало в контакты с населением (с. 62). В данном случае Х. Баггер, как кажется, видит в государственной власти, ее законодательной деятельности своего рода высшую, решающую силу по отношению к социальной структуре, общественному устройству. Было бы, очевидно, целесообразно рассматривать эти исторические феномены как прежде всего порождение социально-экономических отношений, экономического базиса.

¹ Клибанов А. И. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начале XVIII вв. — История СССР, 1963, № 6.

В целом, характеризуя результаты преобразований в управлении, автор, пожалуй, отдает предпочтение изложению тех суждений дореволюционных русских и современных западных ученых, которые пишут об их «неудаче», «провале», чем исследованиям историков, прежде всего советских, в которых им дается более сбалансированная, положительная в целом оценка. Отдавая должное успехам России в военном деле, в военных реформах, автор по праву иронизирует по адресу одного из современных зарубежных историков, Е. Аннерса, который, по его словам, «не может, судя по всему, отыскать иной причины русским победам, как эффективность использования наемных за рубежом офицеров» (с. 75, сн. 93). В то же время заметна и некоторая недооценка уровня военного дела в петровское время, проявляющаяся и в работах ряда западных ученых, которые упоминаются в книге.

В главе III речь идет об экономических и социальных реформах. Давая общую характеристику политике Петра I в этой области, Х. Баггер отмечает, что она, согласно мнению ряда ученых, занимает важное место в комплексе преобразований, отличается последовательностью, целеустремленностью, дальновидностью. Приводятся различные точки зрения по этому вопросу, в том числе и спорные, в частности о зависимости Петра от западных теорий меркантилизма (или ультрамеркантилизма), «искусственности», ненатуральности русской промышленности его времени, «оранжерейных условиях», созданных для нее властями. Упоминается о работах В. Леонтьева и А. Гершенкрона, которые писали о проводившейся Петром I «политике силы» в этой области, «форсированной индустриализации». В подобных высказываниях проглядывают те же характерные для некоторой части дооктябрьской русской и современной западной историографии идеи отсталости России от Запада, утверждения о скачке в области промышленного развития в результате «революционных» мер Петра I. Разумеется, объективный подход к этой проблеме, изучение источников, богатой литературы, накопившейся к настоящему времени, свидетельствует, что развитие русской промышленности в ее мануфактурной форме началось еще задолго до Петра I, в XVII в., а отдельные мануфактуры существовали

уже в конце XV—XVI в., и автор отмечает наличие такой точки зрения в литературе (с. 83 и др.).

Разбирает автор споры о социальной природе русской мануфактуры (крепостническая, капиталистическая, «феодализованная»), генезисе капитализма в целом. Он приходит к выводу, что в настоящее время советские историки, изучающие мануфактуру, «склонны... ограничиваться констатацией факта одновременного широкого применения и принудительного и наемного труда» (с. 94). Думается, что это критическое замечание имеет в виду наличие разногласий среди ученых по указанной проблеме. По-прежнему ряд специалистов относит начало генезиса российского капитализма ко второй половине XVIII в., поскольку именно в это время, и с этим согласно большинство исследователей, появляется капиталистический уклад в экономике страны. Но при этом упускается из виду, что сам капиталистический уклад имел свою историю, свои зачатки; развитие и нарастание новых явлений привело в конце концов к формированию самого уклада. Исходя из этого, нельзя сбрасывать со счета (в плане изучения истории капиталистического уклада) и эпоху Петра I, и послепетровское время, а также и предшествовавшее им XVII столетие, к которому многие ученые считают возможным относить начало генезиса капиталистических отношений в России.

Х. Баггер проявляет, как можно заметить, весьма скептическое отношение к точке зрения советской историографии на социальную политику Петра Великого, которая характеризуется, естественно, как классовая, дворянская в своей основе. Так, он отмечает, что в советской историографии до 1964 г. «доминировала чрезвычайно лаконичная точка зрения: функцией государства по отношению к обществу являлась охрана интересов господствующего класса. Других «объективно» возможных направлений государственной политики просто не существовало; зато правительство могло быть в достаточной степени уверено в ее результатах, ибо господствующий класс был заинтересован в постоянном проведении такой политики». Интересны и последующие рассуждения: «Но если руководствоваться данным положением, то различие между причинами

и следствиями выглядит как к делу не относящееся: ведь обе его части в основе своей — что-то само собой разумеющееся, если априори установлено, кто конкретно входит в понятие „господствующий класс“». И далее следует со ссылкой на работу Р. Вирхауса вывод: «Поэтому не столь уж неожиданно эта типичная точка зрения была охарактеризована как результат скорее интерпретации, чем собственно исследовательской работы» (с. 95—96).

В подобных положениях видно сдержанное отношение автора к марксистской концепции классовой природы государства в антагонистических формациях, в данном случае — при феодализме. Но невозможно согласиться с тем, что понятие «господствующий класс» в советской науке «априори установлено», что в целом концепция классовой функции государства при Петре I — результат интерпретации, т. е. теоретического анализа, а не конкретно-исторического исследования. В данном случае, как и во всех других, классовый подход к анализу исторических явлений, характерный для советской науки, связан с неизменным условием — всесторонним исследованием проблемы, включающим как теоретический, так и конкретно-исторический анализ.

Относительно того, какой класс был господствующим в эпоху Петра I, Х. Баггер говорит об отсутствии «единого ответа» в советской науке на этот вопрос: если М. П. Покровский считал таковым «капиталистическое купечество», то сторонники точки зрения, пришедшей на смену его взглядам, писали в этом плане о «помещичьем дворянстве» (с. 96). Вряд ли можно считать вторую из них, как это делает автор, «новым положением» в строгом смысле слова — этот тезис пришел в науку в результате осмысления материалистической концепции классов, классовой борьбы, социальной природы государства при феодализме. В связи с этим Х. Баггер, видимо, склоняется к мнению некоторых ученых, как дореволюционных русских (М. А. Рейснер, М. М. Богословский), так и современных зарубежных (М. Расв, А. Гершенкрон), согласно которому социальная политика не отражала интересы какого-то одного класса, группы, а имела «четко декларированную цель — служить всем», «общее бла-

го», «благо народа». Последнее, правда, на практике означало «государственный интерес». Приводится и заключение А. Гершенкрона: «Петровское государство не было государством того или иного класса. Это было государство государства». Х. Баггер называет подобное утверждение «полюемическим», хотя, как можно видеть, оно является попросту неправильным с теоретической точки зрения.

Любое государство в классово-антагонистических обществах отражает интересы господствующих классов, сословий, и русское государство в правление Петра Великого, конечно, не было исключением, а являлось органом господства дворянства.

Интересны приводимые автором мнения ученых, тоже разпоречивые, о судьбах различных классов, сословий, социальной мобильности, роли сословий в делах государственного управления, их взаимоотношениях.

В четвертой главе Х. Баггер отмечает хорошую разработанность темы церковной реформы Петра I, особенно в дореволюционной русской науке, меньшее внимание к ней в советское время, оживление интереса к этой области исторических исследований в последние десятилетия. Целью властей в данном случае было, как верно отмечает автор, окончательное лишение церкви ее автономии, самостоятельности в отношениях со светской властью, подчинение ее светской власти, подрыв экономического могущества, секуляризация церковных земельных владений. Излагаются разные точки зрения по вопросу об идейных истоках церковной реформы (использование западноевропейских, протестантских или же восточных, византийских, старомосковских традиций). В целом реформа привела, и это верно отмечается в книге Х. Баггера, к инкорпорированию церкви в систему государственных учреждений, потере ею самостоятельности, началу «синодального периода» ее истории, продолжавшегося около двух столетий (с. 126), хотя с мнением ряда ученых о «революционном характере» реформы (с. 127) согласиться невозможно. Более правильно положение о том, что она «лишь знаменовала завершение длительного политического процесса» (там же). Здесь Х. Баггер ссылается на данные о влиянии царя Алексея, отца

Петра I, на церковные дела в пору его спора с патриархом Никоном. Можно к этому добавить, что разпогласия светской власти с церковной начались гораздо раньше — достаточно вспомнить споры о церковном землевладении при Иване III в конце XV — начале XVI в., расхожденья между его внуком Иваном Грозным и церковными иерархами, принимавшие порой весьма драматический характер.

Преобразования в области культуры в исследованиях ученых, по мнению Х. Баггера, «в основном концентрируются вокруг школьной политики и организации науки». Такова литература об организации школ и других учебных заведений, основании Академии наук. Снова отмечаются различные точки зрения по некоторым аспектам темы (результативность введения школ, его влияние на последующее развитие просвещения в стране). Обращено внимание на полное единодушие в литературе относительно светскости культуры петровского времени, ее секуляризации, хотя, как отмечалось выше, начало этому было положено в XVII столетии. В западноевропейской и дореволюционной русской науке считалось и считается, что это обмирщение культуры, принесенное из Европы, тождественно вестернизации; в советской науке господствует другой подход: светскость культуры данного народа, ее восприимчивость к другим культурам — «характерные имманентные черты новой культуры»; русская культура не копировала слепо все западное; к тому же в Западной Европе имелась не одна культура, а ряд национальных культур со своими особенностями.

Преувеличение степени западного влияния в этой области русской жизни, утверждения о подчинении государству научной и преподавательской деятельности — характерные черты работ многих современных западных русистов, и это отчетливо видно из книги Х. Баггера. Он отмечает наличие, прежде всего у советских исследователей, концепции национального характера русской культуры петровского периода.

В рамках темы о реформах Петра I рассматривается в книге, в соответствии с имеющейся историографической традицией, и международное положение России первой четверти XVIII в. Кардинальные изменения в этой области, приобретение страной статуса великой

державы, действительно, сами по себе квалифицировались в качестве одного из преобразований. В связи с чем можно отметить, что эти изменения были стимулом для преобразований, с одной стороны, и в значительной степени их результатом — с другой. В книге справедливо отмечаются советские систематично организованные научные разработки по теме, проведенные в последнее время (с. 147). Касаясь мотивов внешней политики России времени Петра Алексеевича, автор отмечает также: нужды ее экономики, политические устремления Петра I, интересы дворянства и купечества. Х. Баггер не соглашается с концепцией советских ученых, согласно которой внешняя политика Петра I отражала интересы дворянства, т. е. правящего класса: «...Эта точка зрения является результатом не собственно исследований, а скорее чисто теоретического толкования истории» (с. 154). Подобный методологический подход, отмеченный выше по другому случаю, свидетельствует об определенном отношении автора к теории классов, классовой природе государства, его внутренней и внешней политике, и это отнюдь не самая сильная сторона его книги.

Затрагивая вопрос о целях внешней политики, автор упоминает и пресловутое «завещание Петра Великого». Можно было бы в связи с этим упомянуть, что в советской науке (некоторые работы называются в книге) давно доказана его подложность. Оно неоднократно использовалось врагами России во враждебных целях (например, во время нашествия Наполеона на Россию, нападения гитлеровской Германии на СССР и др.).

Таковы основные соображения, которые возникают при чтении интересной и полезной книги Х. Баггера. Некоторые дополнительные сведения, факты в связи с проблемами, которые в ней освещаются, а также разбор некоторых спорных суждений автора даются в примечаниях, помещенных в конце книги.

В целом читатель получает книгу, содержащую весьма важную сводку историографического материала с середины XIX в. до второй половины 70-х гг. нашего столетия. Она во многих отношениях характерна и показательна для западноевропейской специальной литературы последних десятилетий по русистике. В ней отчетливо проявилось стремление к возможно более

полному учету различных точек зрения, концепций по избранной проблеме, достаточно широкий подход к тому, что необходимо включать в сферу исследования. Автору, и это естественно, импонирует ряд положений, тезисов, выдвигаемых в этой области исторических исследований западной наукой и идущих в значительной степени от дореволюционной русской историографии, прежде всего от «государственной школы». Некоторые важнейшие теоретико-методологические положения, принятые в советской науке, он оспаривает.

Главное место в книге занимает изложение различных спорных, нередко противоречащих друг другу точек зрения, концепций, обобщение того богатого материала, который накопился в отечественной и зарубежной науке по истории преобразований в России при Петре Великом. Немалый фактический материал (далеко, конечно, не исчерпанный полностью), стремление к объективности, спокойная и своеобразная манера письма, уважительное отношение к самой теме — все это не может не привлечь внимания к книге Х. Баггера и не вызвать уважения к ее автору, несмотря на несогласие с ним по некоторым, порой весьма важным вопросам.

Привлекательной стороной книги является и упоминание о недостаточно изученных вопросах истории России петровской эпохи, о чем неоднократно говорилось в советской и зарубежной историографии (борьба допетровской и новой систем управления, история Тайного совета и некоторых других учреждений, влияние классовой борьбы на внешнеполитический курс, личное участие Петра I в его формировании, внешняя политика России допетровского времени и др.).

Книга Х. Баггера — заметный вклад в историографию истории России конца XVII — первой четверти XVIII столетия. Наряду с другими работами историографического характера она стимулирует изучение ряда проблем этого важного периода отечественной истории.

В. И. Буганов

ПОСТАНОВКА КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ

начительная часть исторической литературы о России XVIII в. посвящена реформам Петра I; объяснение этого факта заключается в том, что дореволюционные историки рассматривали связанный с ними узел проблем как центральный, ключевой в истории России¹. Безусловно, после 1917 г. эти проблемы несколько отошли на второй план, но и в советской историографии петровская эпоха считается одним из важнейших периодов в истории страны². Интересы западных исследователей сосредоточились прежде всего на внешней политике России и биографии Петра I; после Наполеона царь характеризовался ими как личность, наиболее поразительная в истории Европы³, как «самый зна-

¹ Ср.: Мильштейн А. А. Восемнадцатый век в русской истории и некоторые методологические замечания к постановке вопроса. — Труды Вятского педагог. ин-та, 1926, № 1, с. 35; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 522; Кафенгауз Б. Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого. — Исторический журнал, 1944, № 9, с. 24, 32.

² См.: Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки. — В кн.: Петр Великий./Под ред. Андреева А. И. М. — Л., 1947, т. I, с. 334, 388—389; Россия в период реформ Петра I./Под ред. Павленко Н. И. и др. М., 1973, с. 5; Black C. E. The Reforms of Peter the Great. (Rewriting Russian History. New York, 1962), p. 233.

³ Anderson M. S. Peter the Great. London, 1969, (Historical Association Pamphlets, General Series, 71), p. 3.

чительный монарх раннего европейского Просвещения»⁴.

Основная часть литературы по интересующей нас теме — специальные труды, посвященные отдельным аспектам преобразовательной деятельности Петра. Выводы, содержащиеся в этих работах, вследствие различия в конкретных объектах исследования, инструментарии и уровне анализа по большей части несопоставимы. Таким образом, в общей дискуссии о петровских реформах может участвовать лишь малая часть литературы, однако и она содержит чрезвычайно широкий спектр оценок и трактовок преобразований. Может быть, объяснение крайнего расхождения точек зрения* состоит просто-напросто в том, что, как указывали некоторые исследователи, сложность, комплексный характер темы делают невозможным для отдельного ученого ее всестороннее раскрытие, поэтому многие историки превращали оценки отдельных аспектов реформ в составную часть общей характеристики преобразований, придавая им при этом весьма различный вес⁵.

Не менее разнообразен был и фоп, на котором тот или иной исследователь оценивал реформы Петра. В то время как одни историки рассматривали тему преимущественно в сравнении с предыдущим периодом русской истории, чаще всего непосредственно предшествовавшим, другие — в сопоставлении с положением в Европе начала XVIII в., а третьи оценивали историческое значение реформаторской деятельности Петра сквозь призму последующего развития России.

Первая из названных точек зрения, естественно, порождает вопрос о том, в какой степени петровская эра означала разрыв с прошлым (или продолжала тенденции развития XVII в.). Вторая заставляет уделять повышенное внимание дискуссии о зарубежных образах реформ и их адаптации в российских условиях.

⁴ Wittram R. Russland von 1689 bis 1796 (Handbuch der europäischen Geschichte. Herausgeber Wagner, Fritz. Band 4, Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung, Stuttgart. 1968), p. 478.

⁵ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Спб., 1905, с. 544—546; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 440; Raeff M. Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Boston, 1963, (Problems in European Civilization № 4), p. XIII.

Третий угол зрения, актуализирующий вопрос о последствиях реформ и их пригодности в качестве образца, уступает, по мнению многих, двум первым в научной плодотворности: реформы Петра превратились в дореволюционной России в излюбленную для публичных дебатов тему, которая была, так сказать, политизирована задолго до того, как началась ее научная разработка⁶.

Хотя известный русский историк и политик П. Н. Милюков и заметил менторским тоном, что не дело историка пускаться в рассуждения о том, были ли события прошлого позитивными или негативными, что он обязан вместо этого целиком сосредоточиться на своей деятельности «в качестве эксперта», т. е. выявлять подлинность фактов, чтобы их можно было использовать в научных дебатах о политике⁷; сам он тем не менее, будучи ученым, столь же мало, как и его коллеги, преуспел в стремлении уйти от бесконечных публицистических дискуссий о том, насколько реформы Петра I были вредны или полезны, предосудительны или достойны подражания с точки зрения морали или интересов нации. Точно так же и более поздние поколения историков не могли похвастаться тем, что они полностью побороли соблазн строить свои выводы о результатах и методах деятельности Петра в соответствии с нормами современной им политики и морали, в особенности если они видели в этих реформах прообразы иных российских социальных преобразований. М. М. Богословский в своей фактографической биографии Петра с сожалением констатировал, что более или менее обобщающие оценки петровской эпохи были выработаны главным образом под влиянием общефилософских систем, постоянно вторгаю-

⁶ Кизеветтер А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества. — Русское богатство, 1896, № 10, с. 20—26; Roetter J. H. Russian Attitudes Toward Peter the Great and His Reforms Between 1725 and 1910. Diss. in University of Wisconsin, 1951, Preface, p. 1 and Introduction. p. 1—3; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great, New Jersey, 1969, p. 1—5; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 439—445; Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 297; Raeff M. Peter the Great. p. XIII, XV.

⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1905, ч. II, с. 392.

щихся в область исследования источников⁸. Видимо, эта характеристика М. М. Богословского вполне годится для оценки всей предшествовавшей истории исследования темы (в особенности, если полагать национализм достойным титула «философская система»).

СВЯЗАНЫ ЛИ РЕФОРМЫ С РАЗВИТИЕМ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ?

В большинстве обзорных трудов петровский период рассматривается как начало новой эпохи в истории России. Однако глубокое несогласие царит среди историков, пытающихся ответить на вопрос, в какой степени эпоха реформ означала кардинальный разрыв с прошлым, отличалась ли новая Россия от старой качественно. Рубежи, разделяющие участников этой дискуссии, в большой мере исторически обусловлены, поскольку по мере все более основательного исследования как XVII, так и XVIII вв. увеличивалось число сторонников концепции, согласно которой реформы петровского времени являются закономерным результатом предшествующего развития страны*.

Революция

Ярким выразителем одной из крайних точек зрения в рамках «революционной» концепции был С. М. Соловьев, который своей «Историей России» сделал крупный вклад в научное исследование эпохи правления Петра. Его взгляды находятся в прямом родстве с представлениями, господствовавшими во всей предшествовавшей этому труду историографии и публицистике. Он интерпретирует петровский период как эру ожесточенной борьбы между двумя диаметрально противоположными принципами государственного управления и характеризует реформы как радикальное преобразование, страшную революцию, рассекающую историю России надвое и означавшую переход из одной эпохи в истории народа в другую⁹. Однако, в противо-

⁸ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940, т. I, с. 10.

⁹ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872, с. 5, 9, 120; Он же: История России с древнейших времен. М., 1962, кн. VII, с. 180, 439—450; М., 1963. кн. IX, с. 541—542.

положность славянофилам, С. М. Соловьев считает, что реформы были вызваны исторической необходимостью и поэтому должны рассматриваться как целиком и полностью национальные*. Русское общество XVII в. находилось, по его мнению, в состоянии хаоса и распада, что и обусловило применение государственной властью радикальных мер — точно так же, как серьезная болезнь требует хирургического вмешательства¹⁰. Таким образом, ситуация, которая сложилась в России накануне петровских реформ, оценивается Соловьевым негативно¹¹.

М. М. Богословский, не придерживаясь четко материалистических позиций, также представлял реформы как радикальный и полный разрыв с прошлым¹². Схожая точка зрения, но с позиций марксистской историографии проводилась М. Н. Покровским и Б. И. Сыромятниковым — оба они основывали свое мнение относительно революционного характера преобразований на переменах в расстановке классовых сил в начале XVIII в.¹³ В западной литературе так-

¹⁰ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 27 и далее; Он же: История России..., кн. VII, с. 180, 440; кн. IX, с. 543, 549.

¹¹ Позиция С. М. Соловьева по отношению к проблеме преемственности характеризовалась во всех изданиях его «Истории России» известной двусмысленностью, за что на него ополчаются иногда и сторонники «эволюционной» концепции. В предисловиях к изданиям своего труда, где он призывает «не делить», «не дробить» русскую историю на отдельные части, периоды, «но соединять их», С. М. Соловьев подчеркивает, в противоположность своей точке зрения, изложенной в основном тексте, наличие преемственности, существующей между XVII в. и петровской эпохой. — См. «Историю России...». М., 1959, кн. I, с. 55, 58. Сопоставление различных изданий «Истории России...» друг с другом, а также с «Публичными чтениями...» С. М. Соловьева не подтверждает, на наш взгляд, тезис, выдвинутый С. Ф. Платоновым в его «Лекциях...», с. 446—447 и Л. В. Черепниним в его вступлении к советскому изданию «Истории России», а именно, что точка зрения С. М. Соловьева на данную проблему претерпела в течение его творческой жизни существенные изменения.

¹² Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1729 гг. М., 1902, с. 13, 21.

¹³ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времеч. — Избр. произведения. М., 1966, кн. I, с. 518—519, 568; Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М., 1943, с. 78—79, 151.

же имеются отдельные примеры оценки реформ как революции или по меньшей мере «трансформации»¹⁴.

Эволюция

Среди ученых, отстаивающих «эволюционную» концепцию, особенно выделяются В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов, историки, глубоко исследовавшие допетровский период и в своих опубликованных курсах лекций по отечественной истории постоянно проводившие мысль о наличии преемственности между реформами Петра и предшествующим столетием. Они резко отмежевываются от дагной С. М. Соловьевым характеристики XVII в. как эпохи кризиса и распада и, в противоположность ему, утверждают, что в этом столетии шел позитивный процесс создания предпосылок для реформаторской деятельности и была не только подготовлена почва для большинства преобразовательных идей Петра Великого, но и пробуждено «общее влечение к новизне и усовершенствованиям». «XVII столетие не только создало атмосферу, в которой вырос и которой дышал преобразователь, но и наметило программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую даже дальше того, что он сделал». Петр в порядках старой Руси ничего кардинально не менял, он продолжал возводить постройку в развитие уже существовавших тенденций, обновление же состояло лишь в том, что он «переиначивал сложившееся сочетание составных частей». По мнению В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, если в реформах Петра и было что-то «революционное», то лишь насильственность и беспощадность использованных им методов¹⁵.

¹⁴ Stökl G. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. 2. Auflage, Stuttgart, 1965, S. 331f; Raef M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility, New York, 1966, p. 34; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century. From Peter the Great to Catherine the Great, 1696—1796. London, 1973, p. 41.

¹⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. — Соч. М., 1957, ч. 3, т. III, с. 363—364; т. IV, с. 208, 213, 216—217; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 448, 540 и далее; на Западе подобную точку зрения представляет O'Brien C. B. Russia under Two Tsars, 1682—1689. The Regency of Sophia Alekseevna. Berkeley and Los Angeles, 1952 (University of California Publications in History, v. 42), p. 147—151.

Акселерация

На сегодняшний день в науке преобладающим является мнение, что реформы Петра не означали радикального разрыва с прошлым, хотя и в XX в. отдельные крупные историки, как, например, выдающиеся ученики В. О. Ключевского М. М. Богословский и М. Н. Покровский, в этом вопросе солидаризировались с С. М. Соловьевым. Начиная с середины 1930-х гг. для советских историков характерно твердое убеждение в том, что сущность петровской России по сравнению с XVII в. не изменилась. Точка зрения Б. И. Сыромятникова принадлежит в этом смысле к исключениям. Но в то же время и советские¹⁶, и западные¹⁷ историки едины во мнении, что реформы Петра дали толчок к резкой акселерации важных тенденций развития России, именно эта черта в первую очередь придает петровской эпохе ее особый характер.

БЫЛИ ЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЛАНОМЕРНЫМИ?

Вторая из наиболее отчетливо поставленных проблем в общей дискуссии о реформах Петра I содержит в себе вопрос: в какой мере для реформаторской деятельности были характерны планомерность и систематичность? У С. М. Соловьева реформы Петра представлены в виде строго последовательного ряда звеньев, составляющих всесторонне продуманную и предварительно спланированную программу преобразований, имеющую в своей основе жесткую систему четко сформулированных целевых установок.

¹⁶ Томсинский С. Значение реформ Петра. — Историк-марксист, 1936, № 2(54), с. 17; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразование Петра I./Под ред. Кафенгауза Б. Б. и Павленко Н. И. М., 1954, с. 8, 766, 771; Софропенко К. А. Законодательные акты Петра I. М., 1961, с. 5, 10; Павленко Н. И. Петр I. (К изучению социально-политических взглядов). — В кн.: Россия в период..., с. 102.

¹⁷ Wittram R. Russland von 1689 bis 1796, S. 478; Anderson M. S. Peter the Great, p. 28; Riasanovsky N. V. A History of Russia, second edition, Oxford Univ. Press. 1969, p. 266; Sumner B. H. Peter's Accomplishments and Their Historical Significance (in: Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Ed. M. Raeff. Boston, 1963), p. 105; Milioukov P. Pierre le Grand et sa réforme (Le Monde Slave, Février, 1925), p. 168, 183.

Систематичность

В этой системе даже войне отведено заранее определенное место в числе средств реализации общего плана¹⁸. И в этом отношении фундаментальный труд С. М. Соловьева также испытал влияние предшествовавшей его написанию историографии и публицистики. Его основные идеи, кстати, могут быть прослежены во многих случаях вплоть до работ непосредственно послепетровской эпохи. Так, задолго до С. М. Соловьева всеобщим стало мнение о том, что деятельность Петра и ее результаты были порождением почти сверхчеловеческого разума: осуществлением дьявольского плана или проявлением высшей мудрости, реформатор традиционно характеризовался как «антихрист» (раскольниками) или «человек, богу подобный» (М. В. Ломоносовым).

Спонтанность

Своим общим выводом в работе о системе государственных финансов П. Н. Милюков поставил на этом традиционном положении вызывающий знак вопроса. Для П. Н. Милюкова реформы выступают в виде непрерывной цепи просчетов и ошибок. Преобразовательная деятельность Петра обнаруживает, по его мнению, поразительное отсутствие перспективной оценки ситуации, систематичности, продуманного плана, следствием чего и явилась взаимная противоречивость многих реформ. Объясняет это явление Милюков тем обстоятельством, что внутренние реформы были случайной, спонтанной реакцией на требование момента, конкретно — ситуации, складывавшейся на театре военных действий, что вся внутренняя политика была лишь средством, инструментом для достижения внешнеполитических целей, реализация которых была оплачена разрухой*, разорением страны¹⁹.

Точка зрения относительно очевидной бесплановости и непоследовательности преобразовательной

¹⁸ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 60, 73; О нем же: История России..., кн. IX, с. 451, 548.

¹⁹ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 543, 545—546.

деятельности разделяется В. О. Ключевским²⁰, который с еще большей, чем П. Н. Милюков, настойчивостью подчеркивает, что главной движущей пружиной реформ была война. По его мнению, структура реформ и их последовательность были обусловлены потребностями, навязанными войной, которая, впрочем, также велась довольно бестолково. В противоположность С. М. Соловьеву В. О. Ключевский отрицает, что Петр уже в ранний период своей жизни ощущал себя призванным преобразовать Россию; лишь в последнее десятилетие царствования он начал осознавать, что создал нечто новое; вместе с этим и его внутренняя политика стала утрачивать черты скоропалительности и незавершенности решений, принимавшихся *ad hoc*. Это последнее утверждение В. О. Ключевского положило начало ряду более нюансированных точек зрения, характерных для последующей фазы дискуссии.

Переход импровизации в планомерность

По вопросу планомерности реформ советские историки не выработали единую позицию²¹. Но, как правило, они имплицитно предполагали иной, более глубокий, чем интенсификация и повышение эффективности военных действий, смысл преобразований²². В западной литературе последних десятилетий трудно найти безусловных приверженцев тезиса о войне как главном стимуле реформаторской деятельности Петра*. С другой стороны, распространено убеждение, что ход войны имел определяющее влияние на характер процесса преобразований, причем, как указывается, реформы

²⁰ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 44, 49—50, 60—63, 200, 206—207, 221. Насколько известно, тезис о решающем влиянии войны на ход реформ впервые был высказан в рецензии Карла Шпрена, напечатанной в *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1880, Stück 30, S. 932, на монографию А. Г. Брикнера о Петре Великом. Но вовлечена в дискуссию эта точка зрения была лишь после появления книги Милюкова, выводы которой были сделаны скорее всего под влиянием университетских лекций В. О. Ключевского.

²¹ Томсинский С. в работе «Значение реформ Петра», с. 11—13, подчеркивает в реформах черты случайности.

²² См.: Кафенгауз Б. Б. Вопросы историографии..., с. 28; Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., с. 139; Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 34.

приобретали все более отчетливые черты планомерности и последовательности в зависимости от неуклонно возраставшего перевеса России над Швецией в Северной войне. Характерным для авторов этих исследований в целом является стремление провести границу между первой, «лихорадочной» фазой войны, когда внутривойсковые реформы имели в основе своей непродуманные и временные решения *ad hoc*, и последним десятилетием жизни Петра, когда правительство располагало достаточным количеством времени для обдумывания и принятия более твердых и перспективных решений, — к этому периоду и относятся самые существенные и долговечные из преобразований²³.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛАСЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ РЕФОРМ?

Несмотря на различие точек зрения, в работах большинства историков удается выделить и однозначно сформулировать их позицию по рассмотренным выше вопросам. Дискуссия же о сущности или природе реформ обладает в целом более размытыми очертаниями, для нее в большей степени характерно и отсутствие схожих точек зрения среди историков. В основе понимания проблемы лежат либо воззрения, основанные на том, что тип государственной власти и ее политика (надстройка) аксиоматично обусловлены господствующей социально-экономической системой (базисом) — то есть марксистская точка зрения*, — либо позиция, согласно которой реформы — выражение автономной воли и намерений государственных властей, прежде всего монарха; эта точка зрения была типичной для «государственной», или «юридической», школы в дореволюционной русской историографии**.

²³ Stökl G. *Russische Geschichte*, S. 365; Riasanovsky N. V. *A History of Russia*, p. 251; Anderson M. S. *Peter the Great*, p. 6, 20, 22; *Очерки истории СССР. Период феодализма*, с. 771; Павленко Н. И. *Петр I*, с. 28—29; Young I. *Russia*, (The New Cambridge Modern History, vol. VII. Cambridge, 1963), p. 318; Wittram R. *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit*. Göttingen, 1964, Bd. II, S. 99, 125, 127.

Выражение личного стремления монарха европеизировать Россию

«Европеизация» — термин, которым оперировали историки самых разных направлений. «Модернизация» русского народа, его вхождение в круг европейских наций являются существеннейшими чертами петровской эпохи — причем не только для главного научного выразителя и защитника этой точки зрения С. М. Соловьева, но и для славянофилов и западников, на которых, как и на самого Соловьева, оказали влияние философия истории Гердера и метафизическая система Гегеля*. Встреча с европейской цивилизацией была, по мнению С. М. Соловьева, естественным и неизбежным событием на пути развития русского народа, она стала переходом от жизни чувствами к жизни разумом, свершившимся под руководством Петра. Но С. М. Соловьев, судя по всему, рассматривал «европеизацию» не как самоцель, а как средство — прежде всего для стимулирования экономического развития страны: «Бедный народ сознал свою бедность и причины ее через сравнение с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которыми заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического...»²⁴

Теория «европеизации», ярко представленная в литературе XIX в. дерптским профессором А. Брикнером²⁵, не встретила, естественно, одобрения у историков, стремящихся подчеркнуть преемственность эпохи Петра по отношению к предшествовавшему периоду. Возникли бесчисленные дискуссии о том, насколько та или иная реформа обязана зарубежным образцам или же основана на национальной русской традиции. Термин «европеизация», который выглядит одновременно и весьма емким и двусмысленным**, поскольку им пытаются обозначить квинтэссенцию как внутренней, так

²⁴ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 9, 20; О нем же: История России..., кн. VII, с. 439—440, кн. IX, с. 549—550.

²⁵ Brückner A. Peter der Grosse (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, Bd. III, T. 6), Berlin, 1879, S. VI; idem; Zur Geschichte Peter's des Grossen (Historische Zeitschrift. N 45, 1881), S. 473.

и внешней политики Петра I, часто используется и западными авторами ²⁶.

Приоритет внешнеполитических целей в постановке задач монархом

Гипотеза о той преобладающей роли, которую в планах Петра играла внешнеполитическая ситуация, была, как указывалось выше, выдвинута П. Н. Милюковым ²⁷ и В. О. Ключевским. Убежденность в ее неопределенности привела Ключевского к выводу, что реформы имеют разную степень важности: по его мнению, военная реформа была начальным моментом преобразовательной деятельности Петра, а реорганизация финансовой системы — конечной ее целью. Все же остальные реформы являлись либо следствием преобразований в военном деле, либо предпосылками для достижения упомянутой конечной цели, хотя экономической политике Ключевский и придавал известное самостоятельное значение ²⁸.

В наиболее яркой форме идеалистическая точка зрения сформулирована М. М. Богословским; реформы характеризуются им как практическая реализация воспринятых монархом принципов государственности.

Принципы государственности в понимании царя

Идеалом Петра I было абсолютистское государство, «регулярное государство», которое своим всеобъемлющим бдительным попечением («полицейской деятельностью») стремилось регулировать все стороны общественной и частной жизни в соответствии с принципами разума и на пользу «общего блага» ²⁹. М. М. Богословский особенно выделяет идеологический аспект «европеизации». Он, как и С. М. Соловьев, видит во введении принципа разумности, рационализма радикальный разрыв с прошлым. Его понимание реформа-

²⁶ Bonnesen S. Peter den Store, Stockholm. 1925, s. 5; Stöckl G. Russische Geschichte, S. 331; Riassanovsky N. V. A History of Russia, p. 251, 266; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 5; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century, p. V.

²⁷ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 543, 545—546.

²⁸ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 63, 70, 200.

²⁹ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 12—24.

торской деятельности Петра, которое можно сжато выразить понятием «просвещенный абсолютизм», нашло множество приверженцев среди западных историков, которые тем не менее — как, впрочем, и сам С. М. Соловьев — подчеркивают, что Петр не являлся выдающимся теоретиком и что преобразователь во время своего зарубежного путешествия принимал во внимание прежде всего практические результаты современной ему политической науки³⁰.

Кроме того, некоторые из приверженцев упомянутой точки зрения утверждают, что петровская государственная практика отнюдь не была столь типичной для своего времени, как полагает М. М. Богословский: в России при Петре I попытки воплотить в жизнь политические идеи эпохи были гораздо более последовательными и далеко идущими, чем на Западе. По мнению этих историков, русский абсолютизм во всем, что касается его роли и воздействия на жизнь русского общества, занимал совершенно иную позицию, чем абсолютизм большинства стран Западной и Центральной Европы. В то время как на Западе правительственную и административную структуру государства определял общественный строй, в России имел место обратный случай — здесь государство и проводимая им политика формировали социальную структуру³¹. Небезынтересно в этой связи заметить, что и в недавней дискуссии между советскими историками о сущности русского абсолютизма нашлись сторонники точки зрения, что государственная власть в России занимала значительно более сильную позицию по отношению к обществу, чем западные режимы, и даже что абсолютизм в России являет собой пример того, что надстройка может

³⁰ Stupperich R. Staatsgedanke und Religionspolitik Peters des Grossen, Berlin, 1936 (Osteuropäische Forschungen, N. F., Band 22), S. 23, 26—27, 30ff; Wittram R. Russland von 1689 bis 1796, S. 486; Raëff M. Peter the Great, p. Xff; Anderson M. S. Peter the Great, p. 28—29.

³¹ Anderson M. S. Europe in the Eighteenth Century, 3. impr., London, 1962 (A General History of Europe, ed. D. Hay), p. 28ff; Idem: Peter the Great, p. 24; Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. London, 1970, p. 79—80; Raëff M. Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia, New York, 1971 (Borzoj History of Russia. vol. 4), p. 69ff; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century, p. 42—43.

активно вмешиваться в ход развития базиса и стимулировать его ³².

Выражение интересов правящего класса

Однако изложенная точка зрения никогда в советской историко-аналитической традиции доминирующей не являлась. Каждый советский историк, который стремился дать петровскому государству и его политике свою характеристику, уделял особое внимание экономическим и социальным преобразованиям; отношения же классов служили ему при определении исторической сущности реформ отправной точкой. И единственное, в чем здесь наблюдались расхождения, — это в понимании характера классовой борьбы и соотношения сил противоборствовавших классов в рассматриваемый период.

Выражение интересов купечества

«Русская история» М. Н. Покровского, бесспорно, представляет собой первую попытку при определении сущности реформ Петра взять за основу марксистское понимание истории. М. Н. Покровский характеризует петровскую эпоху как раннюю фазу зарождения капитализма, когда торговый капитал начинает создавать новую экономическую основу русского общества *. Как следствие перемещения экономического центра тяжести власть перешла от дворянства в руки буржуазии (купцов) — наступила «весна капитализма». Купцам был необходим эффективный государственный аппарат, который смог бы служить их целям как в России, так и за рубежом; именно поэтому, считает М. Н. Покровский, административные реформы Петра, войны и экономическая политика в целом объясняются интересами торгового капитала ³³.

³² Ср.: Torke H.-J. Die neuere Sowjethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 20, 1973), S. 117, 131, 133; Esper T. Recent Soviet Views of Russian Absolutism (Canadian-American Slavic Studies, N VI, 1972), p. 623, 627ff; Gerschekron A. Soviet Marxism and Absolutism (Slavic Review, vol. 30, 1971), p. 858, 861—862.

³³ Покровский М. Н. Русская история..., кн. I, с. 520, 567—568, 583 и далее, 590 и далее.

Выражение интересов помещиков

Современник М. Н. Покровского Н. А. Рожков также придает торговому капиталу огромное значение как базисному фактору, но связывает он его с интересами дворянства³⁴; и хотя тезис о доминирующей роли торгового капитала был позднее отвергнут советскими историками, можно констатировать, что мнение относительно классовой основы государства оставалось в советской историографии с середины 1930-х до середины 1960-х гг. господствующим*. В этот период общепризнанной была точка зрения, согласно которой петровское государство считалось «национальным государством помещиков» или «диктатурой дворянства» и его политика выражала прежде всего интересы феодалов-крепостников, хотя известное внимание уделялось при этом и интересам набирающего силу класса буржуазии. В результате проводимого в рамках этого направления научного анализа политической идеологии и социальной позиции государства была вскрыта сущность идеи «общего блага» как демагогической, которой прикрывались интересы правящего класса³⁵.

Отражение равновесия сил претендующих на власть классов.

Заметное исключение из этого общепринятого положения составляют выводы книги Б. И. Сыромятникова о петровском государстве и его идеологии. Б. И. Сыромятников целиком и полностью присоединяется к данной М. М. Богословским характеристике государства Петра как типичного абсолютистского государ-

³⁴ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Конец дворянской революции в России. Пг. — М., 1923, т. 5, с. 270—274.

³⁵ Лебедев В. И. Реформы Петра I. М., 1937, с. 6—9; Базилевич К. В. Петр Великий.— Большевик, 1943, № 17, с. 60, 63; Бахрушин С. В. О классовой природе монархии Петра I.— Известия АН СССР, Сер. ист. и философ., 1944, № 2, с. 89—92; Мавродин В. В. Петр Первый. Л., 1948, с. 429; Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1961, т. 1, с. 321, 323—324; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, с. 77 и далее; Томсинский С. Значение реформ Петра I, с. 11, 13—14; Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 8, 193, 287, 289, 316—317, 404, 646, 650, 654, 766, 773; Софроненко К. А. Законодательные акты, с. 6, 10—11, 13.

ства той эпохи. Новым в полемике о российском самодержавии стала его интерпретация классового фундамента этого государства, которая, бесспорно, зиждется на определениях Карла Маркса и в особенности Фридриха Энгельса предпосылок европейского абсолютизма. Неограниченные полномочия Петра I базировались, согласно Б. И. Сыромятникову, на реальной ситуации: противоборствовавшие классы (то есть дворянство и буржуазия) достигли в этот период такого равенства экономических и политических сил, которое позволило государственной власти добиться известной независимости по отношению к обоим классам, стать своего рода посредником между ними. Благодаря временному состоянию равновесия в борьбе классов государственная власть стала относительно автономным фактором исторического развития и получила возможность извлекать выгоду из усиливающихся противоречий между дворянством и буржуазией. То, что государство, таким образом, стояло в известном смысле над классовой борьбой, тем не менее ни в коем случае не означало, что оно было беспристрастно. Углубленное исследование экономической и социальной политики Петра привело Б. И. Сыромятникова к выводу, что преобразовательная деятельность царя имела в целом антифеодалную направленность, проявившуюся в мероприятиях, проведенных в интересах крепнущей буржуазии, а также в стремлении ограничить крепостное право³⁶.

Характеристика петровских реформ, данная Б. И. Сыромятниковым, не нашла сколько-нибудь значительного положительного отклика у его советских коллег, которые критиковали его выводы (но не фактологию) за то, что они были слишком близки к отвергнутым ранее положениям М. Н. Покровского³⁷. К тому же многие историки не разделяли тезиса о равновесии сил, поскольку не спешили с признанием едва народившейся буржуазии XVIII в. в качестве эконо-

³⁶ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., с. 60, 64—65, 78, 81, 93, 139, 144—145, 151—152.

³⁷ См.: Рецензию В. Лебедева и С. Юшкова на кн. Сыромятникова «Регулярное» государство..., — Исторический журнал, 1944, № 10—11, с. 127, а также С. В. Бахрушина. — Известия АН СССР. Сер. ист. и философ., 1944, № 2, с. 89.

мического и политического фактора, способного противостоят поместному дворянству³⁸. Сказанное подтвердилось с особенной четкостью в ходе оживленных дискуссий последних лет, в результате которых среди советских историков было достигнуто почти полное единство мнений касательно неприменимости упомянутого тезиса для специфических российских условий³⁹.

Отражение борьбы в среде господствующего класса

Тем не менее некоторые из этих историков, в целом не соглашаясь с аргументацией Б. И. Сыромятникова, разделяют его мнение по поводу петровского единовластия как относительно независимого от классовых сил. Однако они обосновывают независимость самодержавия тезисом о равновесии в новом варианте. В то время как Б. И. Сыромятников оперирует исключительно категорией социального равновесия двух различных классов — дворянства и буржуазии, И. А. Федосов и С. М. Троицкий рассматривают в качестве источника самостоятельности политической надстройки противоречивость интересов внутри правящего класса⁴⁰ *. И если Петр I смог провести в жизнь столь обширный комплекс реформ вопреки интересам отдельных социальных прослоек и групп населения, то объяснялось это обострением той самой «внутриклассовой борьбы», где, с одной стороны, выступала старая аристократия,

³⁸ Ср.: Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. — История СССР, 1968, № 4, с. 74 и далее; Покровский С. А. К вопросу о классовой природе абсолютизма. — Известия АН СССР. Отделение экономики и права, 1964, № 4, с. 281—299. В данной работе тезис о равновесии получил наиболее яркое выражение. О дискуссии советских ученых на тему о значении русской буржуазии в начале XVIII в. см.: Кошман Л. В. Русская дореформенная буржуазия. Постановка вопроса и историография проблемы. — История СССР, 1974, № 6, с. 85—86.

³⁹ Ср.: Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. — История СССР, 1972, № 4, с. 66, 71—72, 83, 87; Esper T. Recent Soviet Views of Russian Absolutism, p. 622, 630.

⁴⁰ Родственная точка зрения, в основном касавшаяся допетровского периода, была высказана в 1912 г. историком-марксистом В. В. Воровским в работе «О природе абсолютизма в России». Соч., М., 1932, т. I, с. 196, 199, 204. См. также Павленко П. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России. — История СССР, 1970, № 4, с. 55—56, 74.

а с другой — новое, бюрократизованное дворянство. В то же время поднимающаяся буржуазия, поддерживаемая реформаторской политикой правительства, заявила о себе, хоть и не столь весомо, выступая в союзе с последней из названных противоборствующих сторон ⁴¹.

Отражение недостаточной интенсивности классовой борьбы

Еще более спорная точка зрения была выдвинута А. Я. Аврехом, зачинателем дебатов о сущности российского абсолютизма, которые в 1968—1972 гг. прошли на страницах журнала «История СССР». По мнению А. Я. Авреха, абсолютизм возник и окончательно утвердился при Петре I ⁴². Его становление и невиданно прочное положение в России стало возможным благодаря относительно низкому уровню классовой борьбы в сочетании с застоєм в социально-экономическом развитии страны. Абсолютизм следовало бы рассматривать как форму феодального государства, но отличительной чертой России было стремление проводить вопреки явной слабости буржуазии именно буржуазную политику и развиваться в направлении буржуазной монархии ⁴³. Таким образом, автор отчасти противоречит известной марксистской аксиоме.

Такое разрешение проблемы не нашло особого признания в ходе продолжавшейся в последующие годы

⁴¹ Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII — первая половина XIX в.). — Вопросы истории, 1974, № 7, с. 49 и далее, 55, 58—61; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 3—6, 13, 23—24, 31, 35, 114, 116 и далее, 365 и далее.

⁴² Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй в России в первой четверти XVIII века. М., 1973, с. 13. Здесь помещен обзор точек зрения советских ученых на проблему хронологии «генезиса» и «окончательного установления» абсолютизма в России. Из него следует, что большинство ученых полагают, что абсолютная монархия возникла в эпоху Петра, однако группа ученых-историков связывает с этим периодом уже окончательное оформление абсолютизма. Третья точка зрения: абсолютизм зародился во второй половине XVII в., а при Петре достиг своей зрелости.

⁴³ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. — История СССР, 1968, № 2, с. 86, 89, 96, 103—104; Он же: Утраченное «равновесие». — История СССР, 1971, № 4, с. 66—69, 71, 73.

дискуссии советских историков об абсолютизме. Тем не менее А. Я. Авреха нельзя назвать нетипичным участником этой полемики, которая характеризовалась, во-первых, явной тенденцией акцентировать относительную автономию государственной власти, а во-вторых, возросшим единодушием участников в вопросе о невозможности характеризовать политическую надстройку и ее функции лишь посредством простых, механических заключений, полученных в результате анализа развития базисных феноменов⁴⁴. Таким образом, расхождение между двумя указанными основными точками зрения на вопрос о сущности реформ, очевидно, несколько уменьшилось*.

КАКИМ БЫЛО ЛИЧНОЕ ВЛИЯНИЕ ПЕТРА I НА ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЙ?

Вне связи с дискуссией об абсолютизме историки обсуждали проблему личного вклада Петра I в реформы. Фигура Петра давно приковывала внимание многих авторов, но большинство из них ограничивались общими — и преобладающе положительными — психологическими портретами противоречивой личности царя**. Почти все эти характеристики возникли на основе априорного предположения, что незаурядная личность Петра наложила отпечаток на всю политическую деятельность правительства и в положительном, и в отрицательном смысле⁴⁵. Однако подобная оценка

⁴⁴ См.: Федосов И. А. Социальная сущность..., с. 47—48; Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме..., с. 85, 87.

⁴⁵ С. Ф. Платонов в своей работе «Петр Великий. Личность и деятельность». Paris, 1927, помещает целую галерею портретов Петра, сделанных русскими историками, сопровождая их собственными комментариями (с. 13—14, 39—40, 46—47). Это — защита «величия» Петра от принижающих его оценок, которые в 1920-х гг. появились в работах М. Н. Покровского и в художественной литературе (у А. Толстого и Б. Пильняка). На Западе эта же тенденция, иногда выражавшаяся и в чисто психиатрических диагнозах (*epilepsia mitis*) в отношении царя, заметна в книге:— *Vonnesen S. Peter den Store*, s. 228—232, 381—410. *Cracraft J. Some Dreams of Peter the Great; A Biographical Note* (*Canadian-American Slavic Studies*, vol. VIII, 1974), p. 173—197 — делает необычную попытку исследовать личность Петра, используя записи снов царя.

лишь изредка находит подтверждение в серьезных исследованиях, касающихся степени и характера влияния Петра на процесс преобразований. Чаще же ученые довольствуются определениями роли царя, основанными на априорных посылах о наличии или отсутствии рамок, ограничивающих деятельность великих людей и их функции в историческом процессе ⁴⁶.

Недостаточная компетентность царя и ограниченное участие в преобразованиях

П. Н. Миллюков первым открыто и вызывающе усомнился в величии Петра. Основываясь на выводах своего исследования преобразовательной деятельности в фискально-административной области, которую он полагал вполне репрезентативной для оценки личного вклада царя в реформы, П. Н. Миллюков утверждает, что сфера влияния Петра была весьма ограниченной; реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично, да и то опосредованно ближайшим окружением. Таким образом, Миллюков в ходе своего исследования обнаруживает длинный ряд «реформ без реформатора» ⁴⁷.

Безвольное орудие капитала

В свое время точка зрения П. Н. Миллюкова привлекла большое внимание; однако распространенной она стала позднее, когда появились обобщающие труды М. Н. Покровского, в которых Петр предстал как безвольное орудие торгового капитала.

Вдохновитель и *primus motor* преобразований

Других историков вызов, брошенный П. Н. Миллюковым, побудил активизировать эмпирическое исследование проблемы. Так, Н. П. Павлов-Сильванский,

⁴⁶ Соловьев С. М. История России..., кн. VII, с. 440—441; кн. IX, с. 549 и далее; Он же: Публичные чтения..., с. 2, 120; Кизеветтер А. А. Реформа Петра Великого..., с. 46; Мавродин В. В. Петр Первый, с. 401—402; Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 317; Россия в период реформ..., с. 5, 101. См. также рецензию В. Лебедева и С. Юшкова. — Исторический журнал, 1944, № 10—11, с. 131.

⁴⁷ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 542—543, 545.

который восприимчив характеристику, данную Петру Миллюковым, как «желчный памфлет», уже в 1897 г. опубликовал две работы: одну об отношении Петра к ряду проектов реформ, другую — о законодательной деятельности Верховного Тайного совета непосредственно после смерти царя. Эти архивные исследования позволили Н. П. Павлову-Сильванскому сделать вывод, что в области реформ Петр I, и никто иной, был побудительной и движущей силой. Петр часто действовал без учета мнений своих советников; более того, после смерти царя его ближайшие помощники разоблачили себя как принципиальные противники проведенных реформ⁴⁸.

Если Н. П. Павлов-Сильванский — как и П. Н. Миллюков — исследовал сравнительно ограниченные архивные комплексы, то советский историк Н. А. Воскресенский посвятил свою жизнь изучению огромной массы законодательных актов петровской эпохи, в ходе которого он стремился при помощи анализа проектов и черновиков установить, какие конкретно лица, административные органы и социальные группы оказывали влияние на формирование отдельных законоположений. Эта весьма примечательная в методологическом отношении работа дополнительно укрепила позиции Н. П. Павлова-Сильванского, так как Н. А. Воскресенский пришел к выводу, что Кабинет, то есть личная канцелярия царя, оказывал на законодательство решающее влияние, а роль самого Петра I в преобразовательной деятельности была «руководящей, многосторонней, полной энергии и творчества. Им были формулированы все наиболее важные нормы, отразившие основные тенденции, задачи, содержание и приемы предпринимаемых им реформ»⁴⁹.

⁴⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб., 1897, с. 50—51, 54—55. Он же: Мнения верховников о реформах Петра Великого. — Соч., Спб., 1910, т. II, с. 400—401. Кроме того, этот автор под псевдонимом Лесовик выступил против точки зрения Миллюкова П. Н. в статье «Об историческом самоуничтожении». — Санкт-Петербургские ведомости, 10 сент. 1901, № 248.

⁴⁹ Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья, и иностранные источники./Сост. Воскресенский Н. А. М., — Л., 1945, т. I, с. XXXV—XXXVI, 2—3, 6—7, 10, 18 и далее,

Н. А. Воскресенский не мог, естественно, в ходе своей работы собрать все относящиеся к теме материалы, освещающие вопрос, кто был инициатором создания многих законоположений; но поскольку пока издан лишь первый том его труда, который, кроме развернутого изложения позиции автора, содержит материалы законодательства в областях администрации и юрисдикции, то полемика о личной роли Петра в выработке отдельных законов эпохи преобразований продолжается⁵⁰.

Влияние Петра на внешнюю политику государства не стало предметом систематических исследований, но, согласно общепринятому мнению, царь использовал большую часть своего времени и энергии именно на то, чтобы изменить отношения России и окружающего мира; кроме того, многие историки документально, на основе внешнеполитических материалов подтвердили активную и ведущую роль Петра в этой области государственной деятельности⁵¹ *.

Помимо рассмотренных проблем, сравнительно общий характер имеют вопросы о результатах реформ Петра, а также о значении иностранных прототипов в их разработке. Но поскольку соответствующие научные дискуссии преимущественно касались отдельных аспектов преобразований, то они и будут охарактеризованы в последующих главах.

⁵⁰ Троицкий С. М. в своей работе «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке», где он использовал неопубликованную часть труда Н. А. Воскресенского, полагает, что роль Петра как законодателя все еще исследована недостаточно (с. 47).

⁵¹ Грабарь В. Е. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М., 1958, с. 44—45; Подьяпольская Е. П. Военные советы 1708—1709 гг. — В кн.: Полтава. [Сб. статей]./Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1959, с. 112—136; Фейгина С. А. Аландский конгресса. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959, с. 5, 408, 422; Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг., М., 1964, с. 12, 21.

РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

ироко распространено мнение, что в период правления Петра произошел переход к новой государственной форме, обычно называемой *абсолютной монархией* или абсолютизмом. В мировой историографии еще не достигнуто единство мнений касательно дефиниции абсолютизма, его важнейших структурных элементов и форм; точно так же историки придерживаются весьма различных мнений относительно того, чем именно государство Петра I отличалось от допетровского *.

Некоторые исследователи указывали в первую очередь на то, что при Петре власть государя стала практически неограниченной, одновременно полагая, что его предшественники были вынуждены, кто — в большей, кто — в меньшей степени, делить власть с условиями и их представителями. Заменяв Боярскую думу контролируемым сверху Сенатом, Петр навсегда освободился от последних «призраков боярских притязаний» на власть точно так же, как заменой патриаршества Синодом он сделал невозможной политическую конкуренцию со стороны церкви. Наконец, манифестом 1722 г. о престолонаследии он распространил власть монарха и на последнюю область, бывшую до того вне его досягаемости ¹.

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М. — Пг., 1923, с. 180—183, 184; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 210; Lappo-Danilevskij A.

Больше оснований для выводов дал исследователям анализ точки зрения на государство, выраженной петровским законодательством и официальной публицистикой эпохи (Феофаном Прокоповичем). Историки пришли к заключению, что эти убеждения характеризовали такие новые по сравнению с идеологией XVII в. явления, как секуляризация и вестернизация. Самодержавие, получив опору в западноевропейском учении о естественном праве, легитимировалось прежде всего с позиции разума, что дополнило прежнее, религиозное обоснование, сняв отчасти необходимость в нем как единственном. «Государство» как понятие отделялось ныне от личности правителя, который рассматривался как первый слуга государства. Эти же историки указывали далее, что подобное новое восприятие государства стало базой всеобъемлющей, систематической и целенаправленной деятельности в политической области, в попытке государства регламентировать все сферы, все стороны социальной жизни России².

L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-e siècle jusqu'aux réformes du XVIII-e (Essays in Legal History, Oxford, 1913), p. 375; Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., ч. I, с. 93—96, 108; Бабурин Д. С. Реформа высших и центральных органов государственного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 310 и далее.

² Богословский М. М. Областная реформа..., с. 1—24; Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство. — Вестник Права, нояб. 1902, с. 1—5, 11, 14—26, 35—39, 69—72; Alexeiev N. N. Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. VI, 1958), S. 7—9; Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser, Bd. II, Göttingen, 1964, S. 119—128; Neubauer H. Car und Selbstherrscher. Beiträge zur Geschichte der Autokratie in Russland. Wiesbaden, 1963, S. 220; Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей.] М., 1964, с. 389—392, 396 и далее, 415—416; Raeff M. Origins of The Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. New-York, 1966, p. 34—36; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 25—28; Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden, 1974, S. 7, 285—289; Ларро-Данилевский А. L'Idée de l'Etat, p. 356, 370—377; Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., с. 60, 77—78, 81, 106, 111, 151.

В некоторых работах утверждение абсолютизма в России рассматривалось на фоне перестройки государственного аппарата, имевшей место в петровскую эпоху. При этом одни историки видели в реформах государственного аппарата необходимое средство для достижения новых целей абсолютистского режима в сфере внутренней и внешней политики³, другие считали, что новый государственный аппарат порожден самой абсолютной монархией. Что же касается недавней дискуссии между советскими учеными, то и здесь, несмотря на значительные разногласия в определении социально-экономических критериев оценки абсолютизма⁴, было достигнуто полное единодушие относительно того, что бюрократизация и строгая централизация государственного управления, регулярная армия, упорядоченное финансовое дело, а также включение церкви в общую систему государственной администрации являются «вещественными атрибутами» абсолютной монархии⁵.

Основная часть литературы, посвященной петровским реформам государственного аппарата, рассматривает *административные реформы* *. Повышенный интерес исследователей к петровскому государственному управлению виден уже по значительному числу монографий о верховных органах управления, то есть Се-

³ Базилевич К. В. Петр Великий. — Большевик, 1947, № 17, с. 60; Бескровный Л. Г. Реформа армии и создание военно-морского флота. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 343, 360, 371; Wittram R. Peter der Grosse. Der Eintritt Russlands in die Neuzeit. Göttingen, 1954; Софроненко К. А. Законодательные акты..., с. 14, 19; Ерочкин Н. П. История государственных учреждений..., с. 69, 71; Raeff M. Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia. New York, 1971, p. 69, 71; Богословский М. М. Областная реформа..., с. 24—25.

⁴ См. выше: гл. I, примеч. 35—44.

⁵ Назаров В. Д. и др. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии. — Вопросы истории, 1976, № 4, с. 45; см. также Стещенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 29—30, 60, 68, 73, 99—100, 117—118; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 3, 24, 34—35.

пате⁶ и Синоде⁷, об отдельных институтах центральной власти⁸, о реформах местного⁹ и городского¹⁰ управления, а также об отдельных административных должностях¹¹.

⁶ Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. Историко-юридическое исследование. М., 1875; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат в царствование Петра Великого. — В кн.: История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911 гг. Спб., 1911, т. 1, с. 47—341. Так как еще в годы правления Петра в распределении функций, организации и составе чиновников Сената произошли резкие изменения, указанные труды исследуют не только историю становления Сената, но и его реальную деятельность. Относительно полемики о законодательной функции Сената до 1722 г., а также о его политическом значении по отношению к генерал-прокурору и ведомству иностранных дел см.: Платонов С. Ф. Лекции..., с. 614—615.

⁷ Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов н/Д, 1916, т. I—II. Спорным является вопрос, получил ли Синод сразу после его учреждения в качестве Духовной коллегии права, равные с правами Сената или других коллегий. О полемике по этому поводу см.: Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии, т. I, с. ХСІ, ХСІІІ, ХСV, СІ—СІІ, СVІІ, СХVІІІ. СХХІV, СХХХІV. Проблемы, связанные с реформой церковного управления, рассматриваются в главе IV.

⁸ Веретенников В. И. История тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910; Бабуриин Д. С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; Стещенко Л. А. Образование коллегии Юстиции (1719—1725). Вестник Моск. ун-та. Право, 1966, № 6, с. 63—69.

⁹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII в. Т. I. Областное управление эпохи первого учреждения губерний 1708—1719. М., 1876. Богословский М. М. Областная реформа... — Эта работа выделяется подходом, основанным на сравнении замыслов и реального их осуществления. Она общепризнана как основной труд не только по областной реформе 1719 г., но и по проводившейся одновременно реформе центральной администрации, и по петровской государственной философии.

¹⁰ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. I. Города России в XVIII столетии. М., 1875; Богословский М. М. Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах. — Учен. зап. Института истории ГАНИБН, 1927, т. II, с. 219—250.

¹¹ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры. — Собр. соч., Спб., 1899, т. I, с. 37—297; Веретенников В. И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени. Харьков, 1915; Стещенко Л. А. Фискалы и прокуроры в системе государственных органов России первой четверти XVIII в. — Вестник Моск. ун-та. Право, 1966, № 2, с. 51—58.

Впрочем, многие из этих монографий характерны отсутствием у авторов умения видеть явления в перспективе, отчего нередко приходится отыскивать более обобщенные оценки петровских административных реформ в различных мемуаральных «Историях России», обзорах по истории права или управления в России.

Труды дореволюционных российских исследователей по данному вопросу посвящены в преобладающей своей части административным реформам. В целом об этих работах, многие из авторов которых были юристами, можно сказать, что основное внимание в них уделялось прежде всего нормативным аспектам, теоретическим положениям, легшим в основу петровского государственного управления, идеям, в соответствии с которыми возводились новые административные институты. Сами же эти институты рассматривались с формальных позиций: их структура, порядок работы, функции и компетенции анализировались почти исключительно на материалах учредительных положений. Лишь в редчайших случаях исследователи обращались к архивам соответствующих институтов с целью найти ответ на вопрос, как эти учреждения функционировали на практике, как, в частности, социальные позиции и образ мыслей административного чиновничьего персонала сказывался на его ежедневной работе¹².

Советскую науку интересовали прежде всего социально-экономические проблемы петровской эпохи. Между тем, состоявшаяся в послевоенный период дискуссия о генезисе капитализма показала среди прочего, что игнорирование историками значения развития надстройки весьма затрудняет анализ этого сложного вопроса. Поэтому начиная с середины 1960-х гг. заметен постоянно растущий интерес исследователей петровского государства к явлениям надстроечного характера. Интерес этот проявился, например, в появлении

¹² Ср.: Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913, т. I, с. 2—4; Огородников В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом. Приказы, канцелярии, коллегии. Казань, 1917, с. 31—34, 46—47; Богословский М. М. Петр I, том III, с. 239—240; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 7—9; Blanc S. La pratique de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle (Revue d'histoire moderne et contemporaine, v. X, 1963), p. 45—46.

единственной пока специальной монографии обо всем комплексе административных реформ¹³. Кстати, на западноевропейских языках до сих пор нет ни одного капитального труда о петровских реформах, если не считать работ о церковном управлении*.

ЧТО ЯВИЛОСЬ ПРЕДПОСЫЛКОЙ СОЗДАНИЯ ПЕТРОВСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ?

Несмотря на то что возникавшие в ходе исследований дискуссии затрагивали в основном частные вопросы, касающиеся реформ и институтов власти, все же можно выделить одну проблему, имеющую отношение ко всем без исключения петровским административным реформам, а именно роль иностранных образцов. Н. А. Воскресенский, подготавливая публикацию петровских законодательных актов¹⁴, проделал огромную работу по выявлению возможных зарубежных прототипов ряда реформ в управлении, но в целом можно сказать, что эта тема — отчасти из-за большого объема и разнохарактерности источниковедческого материала — исследована пока недостаточно¹⁵. Впрочем, это не мешает историкам высказывать свои соображения более или менее общего характера по названной проблеме.

Иностранные образцы

У многих крупных историков России сложилось убеждение, что административные реформы последнего десятилетия правления Петра (во всяком случае, важ-

¹³ См.: Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй...

¹⁴ Законодательные акты Петра I. М., 1945, т. I.

¹⁵ Ср.: Puttkamer E. von Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Grossen (Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, Bd. 19, 1958, H. 1—3), S. 371—372; Маньков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.: [Сб. статей.] / Под ред. Носова Н. Е. и Шаскольского И. П. Л., 1970, с. 114; Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство. — В кн.: Общество и государство феодальной России [Сб. статей.] / Под ред. Пашуто В. Т. М., 1975, с. 335.

нейшие из них) определялись главным образом западными моделями, в особенности шведскими. Петр I признавал, что самая ранняя и наиболее самостоятельная попытка перестройки центрального управления провалилась; тогда он нашел самый удобный выход — обратив взор на Запад, царь решил скопировать ту административную структуру, которая была распространена в европейских державах и могла поэтому рассматриваться как единственно нормальная и естественная¹⁶ *. Сторонники этой точки зрения, разумеется, оценивают петровские преобразования в области управления как эпохальные в истории русской администрации¹⁷.

Допетровская традиция управления

Широко распространена также точка зрения, что петровские административные реформы носили поверхностный характер. Конечно, Петр пытался копировать шведские образцы, но их практическое применение в России носило чисто внешний, формальный характер. В действительности же существенных перемен вообще не произошло, так как допетровская традиция управления доминировала по-прежнему: как и прежде, в повседневной деятельности административного аппарата решающую роль играли инициативность, квалификация и личные качества чиновников¹⁸ **. При этом необходимо упомянуть особое мнение М. Раева, утверждающего, что в данном процессе форма чрезвычайно сильно влияла на содержание, что новый «институ-

¹⁶ Соловьев С. М. История России..., кн. VIII, с. 453—454; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 168—169, 181—182, 193—194; Богословский М. М. Областная реформа..., с. 28—30; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 505, 515. См. также: Hjärne H. Svenska reformer i tsar Peters välde (Idem: Ur det förgångna. Historia och politik. Stockholm, 1912), s. 117ff, 124—125.

¹⁷ Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966 (Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. X). S. 1, 8—12; Raeff M. Imperial Russia. p. 69—70.

¹⁸ Bonnesen S. Peter den Store, Stockholm, 1925, s. 310; Бахрушин С. В. О классовой природе монархии Петра I, с. 88; Riasanovsky N. V. A History of Russia. second edition, Oxford University Press, 1969, p. 517—518; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great; Englewood Cliffs, New Jersey, 1969, p. 90; Wittram R. Peter I; Bd. II, S. 100.

ционный стиль» имел большое значение для духовного развития российского дворянства XVIII века¹⁹ *.

Оригинальность, творческий характер деятельности Петра I

Наконец, третья группа ученых исследует тему, основываясь на различиях между отдельными петровскими институтами и шведскими аналогами, которые им приписываются в качестве прототипов. Игнорируя широко признанный факт, что на реформы областного управления оказала прямое влияние модель, с которой Петр I познакомился в завоеванных Эстляндии и Лифляндии, эти авторы выдвигают на первый план своеобразное устройство Сената, отрицая какое-либо сходство между ним и шведским государственным советом в наиболее существенных деталях²⁰. Не обошли они своим вниманием и коллегии. Так, некоторые советские историки подчеркивают оригинальность регламента Мануфактур коллегии²¹, указывают, что Берг-коллегия была создана с учетом особых условий России²², и считают, что вся система коллегий в целом была устроена более рационально, чем шведская²³. Названные историки отвергают тезис о некритическом копировании иностранных прототипов или даже простой компиляции, напротив, они утверждают, что имели место целенаправленный отбор и творческая переработка, а если зарубежные образцы вообще удавалось пересадить на русскую почву, то только благодаря тому, что и

¹⁹ Raef M. Staatsdienst. Aussenpolitik, Ideologien (Die Rolle der Institutionen in der geistigen Entwicklung des russischen Adels im 18. Jahrhundert)—(Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F.. Bd. 7, 1959), S. 152—153; Idem: Imperial Russia, p. 70.

²⁰ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. Спб., 1883, с. 833—834; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат..., с. 49—51; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 84; Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation, S. 8.

²¹ Бабурин Д. С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии, с. 53—54, 75 и далее, с. 83.

²² Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953, с. 102—106, 161—162, 514—515.

²³ Некрасов Г. А. Учреждение коллегий..., с. 340.

Россия прошла стадии социально-экономического развития, аналогичные западноевропейским²⁴.

БЫЛИ ЛИ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ УСПЕШНЫМИ?

Создается впечатление полного единомыслия среди историков по поводу того, что административные реформы Петра по сравнению с прежней системой управления были шагом вперед; отмечаются такие положительные явления в области организации управления, как его централизация и бюрократизация, удачное территориальное деление страны, более четко регламентированный порядок работы, строго дифференцированное разделение компетенций по роду исполняемых обязанностей, менее жесткая иерархическая структура²⁵ *.

Распространено мнение, что в течение первых лет административные преобразования Петра отличались спонтанностью и наличием взаимно противоречащих экспериментов. При этом 1715²⁶ (1716²⁷, 1717²⁸) год считается поворотным пунктом, начиная с которого законодательную деятельность Петра в полной мере отличает систематическое и рациональное планирование. Между тем в глаза бросается тот факт, что большинство авторов оценивало административные преобразования эпохи почти исключительно по «конечной» форме, в которой царь их передал потомству и которая являлась результатом главным образом последней фазы

²⁴ Маньков А. Г. Использование в России..., с. 126; Некрасов Г. А. Учреждение коллегий..., с. 334—335, 340, 343; Назаров В. Д. и др. Проблемы общественно-политической истории..., с. 45; Троицкий С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века. — Вопросы истории, 1977, № 2, с. 68, 70, 74—75; Он же: Русский абсолютизм..., с. 24, 59, 64, 111—112.

²⁵ С. Ф. Платонов полагает тем не менее, что петровское управление было как иерархическая система менее органично по сравнению с допетровским (Лекции..., с. 517). См. соотв.: Ерошкин И. П. История государственных учреждений..., с. 103.

²⁶ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 27; Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Band II, S. 103.

²⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 771.

²⁸ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 190—191.

преобразовательной деятельности. Такой подход к изучению реформ критиковал еще В. О. Ключевский, историк, чьи собственные работы исключительно ярко описывают хаотическую историю становления петровской администрации²⁹.

По отношению к соответствию между их целью и конечным результатом

Случаи, когда в оценках соответствия результатов реформ их целям преобладали негативные выводы, происходили прежде всего тогда, когда авторы сравнивали замыслы, принципы, в соответствии с которыми проводились реформы, с деятельностью новых институтов на практике. При этом исследователи выдвигали обычно в качестве причины обнаруженных несоответствий не только устаревшую культурную и социальную структуру государства, но также и нарушение Петром его собственных установок³⁰.

По отношению к их долговечности

Авторы, дававшие петровской администрации положительную оценку, нередко поражались исключительной жизнеспособности преобразований. Особенно подчеркивали они то обстоятельство, что хотя некоторые из институтов, созданных Петром, и были упразднены (или стали исполнять иные функции), но сама петровская административная система сохранялась на протяжении всего дореволюционного периода неизменной во всех существенных чертах ее общей структуры, форм управления и бюрократического характера, с ее главными законодательными органами и разделенными по сферам компетенции центральными административными учреждениями. Авторы, стоящие на этой позиции, выдвигали в качестве доказательства успеш-

²⁹ Там же, с. 147—148, 190.

³⁰ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 91, 444 и далее, 453—454; Готье Ю. В. История областного управления..., т. I, с. 18—20; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 194 и далее; Огородников В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях..., с. 33—34; Blanc S. La pratique de l'administration, p. 64; Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser, Bd. II, S. 128—129.

ности преобразований и функциональной пригодности новых институтов их устойчивость³¹. В. О. Ключевский же не только характеризовал реформы как длинный ряд ошибок, но и определил их как перманентное фиаско, а петровские приемы управления — как «хронический недуг», разрушавший организм нации на протяжении почти 200 лет³².

По отношению к их прогрессивности

У советских историков чаще всего встречается положительная оценка административных реформ Петра. Преобразования рассматриваются в качестве явлений «относительной прогрессивности» в истории России, поскольку они, несмотря на свой феодальный характер, содействовали развитию капиталистических отношений. Здесь имеется в виду прежде всего централизующий эффект реформ, однако отмечается и значение для развития производительных сил страны создания новых органов управления³³.

КАКОВЫ БЫЛИ ПРИЧИНЫ УЧРЕЖДЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ?

Другие важные проблемы, касающиеся петровских административных реформ, относятся прежде всего к центральному или же к местному управлению. Этим, очевидно, и объясняется устоявшаяся схема последовательного и раздельного изложения этих вопросов в обзорных трудах, хотя некоторые из авторов вполне

³¹ Amburger E. Geschichte der Benördenorganisation, S. 1, 13; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 89; Raeff M. Plans for political Reform in Imperial Russia, 1730—1905. Englewood Cliffs, New Jersey, 1966, p. 3; Idem: Imperial Russia, p. 69; Anderson M. S. Peter the Great. London, 1969 (Historical Association Pamphlets. General Series, v. 71), p. 21—23.

³² Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 190.

³³ Томсинский С. Значение реформ Петра. — Историк-марксист, 1936, 2(54), с. 19—21; Базилевич К. В. Петр Великий, с. 49, 60; Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 303, 318—319, 340—341, 766, 773; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 31, 35; Стещенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 58, 99—100, 117.

недвусмысленно признавали взаимозависимость между реформами в указанных двух сферах управления³⁴.

Нецелесообразность приказного управления

Согласно мнению большинства историков, Петр решил реформировать центральную администрацию, поскольку пришел к выводу, что старые приказы были неэффективны и не годились для решения новых государственных задач*. Но вместо того, чтобы и далее заделывать прорехи в старом конгломерате различных институтов власти с частично пересекающимися сферами деятельности, Петр принял решение полностью их упразднить и ввести совершенно иную систему, способную функционировать с точностью часового механизма, и после длительного и обстоятельного изучения европейских образцов остановился наконец на шведском варианте коллегиального управления. Таким образом, учреждение коллегий в 1718—1720 гг. было тщательно подготовлено и явилось плодом осознанного и добровольного выбора³⁵.

Назревшая необходимость в центральной администрации

В своем капитальном труде о петровском финансовом управлении П. Н. Милуков категорически заявляет о своем несогласии с подобной точкой зрения. По его убеждению, о выборе между старой и новой центральной администрациями и речи быть не могло, так как старого управления уже не существовало. Реформой городского управления 1699 г. и в особенности губернской реформой 1708—1711 гг. Петру удалось

³⁴ См.: Платонов С. Ф. Лекции..., с. 504—505, 512—513; Бабурин Д. С. Реформа высших и центральных органов..., с. 291; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 80. В. О. Ключевский, напротив, выступает как противник систематического изложения, которое может создать впечатление планомерности в административной преобразовательной деятельности Петра. (Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 147—148,

³⁵ Соловьев С. М. История России..., кн. VIII, с. 453—454; Градовский А. Д. Высшая администрация..., гл. II; Маткин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). Спб., 1909, с. 350—351. См. также: Ершкин Н. П. История государственных учреждений..., с. 87—88.

подорвать и разрушить приказную администрацию. Управление государством было децентрализовано, эти функции перешли к десятку губернаторов, а на уровне централизованного государственного управления образовался вакуум («пробел», «пустое место»), который по естественной необходимости был заполнен в 1711 г. учреждением Сената. Петр просто был вынужден ввести ту или иную форму центральной администрации для того, чтобы и дальше вести государственный корабль в условиях административного кризиса. Выбор же именно системы коллегияльного управления объясняется главным образом тем, что это была единственно знакомая ему модель управления, потому что именно ее ему рекомендовали со всех сторон³⁶. Отсюда П. Н. Миллюков делает вывод: «...новая центрально-административная реформа была сама собой вызвана — не какими-либо теоретическими недостатками в устройстве старых центральных учреждений, а их совершенным отсутствием»³⁷.

Сужение сферы компетенции центральной администрации

Эта точка зрения П. Н. Миллюкова была почти целиком принята такими известными историками, как В. О. Ключевский и А. Н. Филиппов³⁸; оказала она большое влияние и на формирование научных концепций в дальнейшем, хотя многие авторы отмежевались от миллюковского тезиса о том, что губернская реформа привела к образованию полного институционального вакуума на месте старого центрального управления. В старой дореволюционной историографии можно проследить стойкую приверженность к традиционному положению о том, что в годы, предшествовавшие образованию коллегий, число центральных административных институтов было весьма значительным и что центральное управление прошло в годы царствования Петра несколько этапов преобразования и развития, в ходе которых приказы превратились в канцелярии и конторы,

³⁶ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 92—93, 304 и далее, 420—421.

³⁷ Там же, с. 536.

³⁸ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 163, 168, 170, 173; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат..., с. 66—67.

впоследствии упифицировавшиеся в форме коллегий³⁹. В связи с этим точка зрения П. Н. Милюкова стала источником типичного для многих убеждения, что введение системы коллегий объясняется в первую очередь ослаблением центральной власти, а не только ликвидацией прежних ее институтов, и к 1711 г. положение стало критическим вследствие постоянных конфликтов между губернскими органами управления и Сенатом по поводу сферы их компетенций⁴⁰.

БЫЛ ЛИ КОЛЛЕГИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП НОВОВВЕДЕНИЕМ?

Историки проявили огромный интерес к коллегиальной форме управления в связи с радикальной реформой именно центральной администрации, хотя общепризнанным является тот факт, что Петр — с большим или меньшим успехом — пытался ввести эту форму и во все иные институты управления. В дореволюционной историографии спорным был вопрос о том, в какой степени коллегиальный принцип характеризовал разрыв с управленческой практикой прошлого.

Скачок

В то время как одни ученые утверждали, что приказы функционировали на основе решений, выработанных отдельными полномочными лицами, а не большинством⁴¹, другие полагали, что приказы прак-

³⁹ Неволин К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. Полн. собр. соч., Спб., 1859, т. VI, с. 212—213, 218—237; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Спб., 1909, с. 250—251; Петровский С. А. О Сенате, с. 34, 64, 234—235; Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление..., ч. I, с. 141; Сергеевич В. И. Лекции и исследования..., с. 848.

⁴⁰ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 27—28; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 515; Wittram R. Peter I, Bd. II, S. 112—113; Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation, S. 9, 13, 118; Стещенко Л. А. и Софропенко К. А. Государственный строй..., с. 70—76.

⁴¹ Неволин К. А. Образование управления..., с. 139, 141, 211 и далее; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, с. 192, 252; Wittram R. Peter I, Bd. II, S. 113; Богословский М. М. Петр Великий, с. 98—99.

тически функционировали по принципу коллегиальности⁴².

Преемственность

Согласно третьей точке зрения, сторонники которой отвергают обе крайние позиции, коллегиальные и персональные («личное начало») принципы управления существовали параллельно как до Петра, так и при нем; в годы его правления была лишь установлена теоретически обоснованная и осознанная граница между этими двумя принципами, причем коллегиальный принцип стал в ходе преобразований ведущим⁴³.

ЧТО ЯВЛЯЛОСЬ ЦЕЛЮ ВВЕДЕНИЯ КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ?

Большее единство среди историков заметно в вопросе о том, почему Петр I вопреки неудачным попыткам придать коллегиальную форму управлению городами и губерниями предпочел положить указанный принцип в основу своей реформы центральной администрации.

Укрепление реальной власти монарха

Согласно самому распространенному мнению, Петр надеялся таким путем покончить с произволом и коррупцией в практике управления⁴⁴. Однако некоторые авторы в качестве основной причины введения коллегиальной формы управления выдвигали стремление царя держать бюрократию в узде в интересах укрепления своей реальной власти⁴⁵.

⁴² Сергеевич В. И. Лекции и исследования..., с. 842; Латкин В. Н. Учебник..., с. 350; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 516.

⁴³ Градовский А. Д. Высшая администрация..., с. 296; Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation, S. 6—7.

⁴⁴ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 39—40; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат..., с. 341; Wittram R. Peter I, Bd II. S. 113—114; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений..., с. 88.

⁴⁵ Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 74, 104; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 30—31.

Разрушение патриархальных принципов

Другие историки указывали, что коллегиальный принцип великолепно подходил прежде всего для ломки системы патриархальных авторитетов, подчеркивая то обстоятельство, что коллегиальность наиболее исчерпывающе обоснована в Духовном регламенте 1721 г. и что именно в практике Синода она оказалась наиболее долговечной⁴⁶.

КАК ФУНКЦИОНИРОВАЛИ КОЛЛЕГИИ НА ПРАКТИКЕ?

Однако, по мнению многих ученых, коллегиальная форма управления так никогда и не смогла решить те задачи, для которых была введена, поскольку личное влияние прокуроров было слишком сильным, особенно Генерального прокурора Сената, а также потому, что «образ мыслей недостаточно для того созрел», отчего при обсуждении дел практически задавали тон президенты коллегий⁴⁷. Кроме того, как указывал С. М. Троицкий, реальная компетенция различных категорий чиновников часто не соответствовала тем директивам по работе коллегий, которые в 1720 г. были определены Генеральным регламентом⁴⁸. В отличие от разработанности вопроса о причинах введения коллегиальной формы управления пока не проводились специальные исследования того, как шла борьба между допетровскими и европейскими нормами управления после создания коллегий, в каждодневном сотрудничестве между русскими, служившими в приказах, и чиновниками, рекрутированными за границей⁴⁹.

Отсутствуют также более или менее глубокие исследования процесса превращения центральной админи-

⁴⁶ Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation, S. 13; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 86.

⁴⁷ Градовский А. Д. Высшая администрация..., с. 296; Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 421; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 516; Огородников В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях..., с. 33; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 99; Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation, S. 6; Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 80.

⁴⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 38—40.

⁴⁹ Ср.: Огородников В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях..., с. 32.

страции, задуманной как единообразная система равноправных органов с Сенатом во главе, в институциональный организм *. Некоторые историки обращали внимание на наиболее бросающиеся в глаза предпосылки подобного хода развития системы государственного управления, например на то, что Иностранная коллегия, Военная коллегия, Адмиралтейств-коллегия и Синод (Духовная коллегия) быстро укрепили свои позиции по отношению к Сенату и остальным коллегиям⁵⁰, но пока не создано подробных описаний истории борьбы новых институтов по поводу пределов их компетенций. Наиболее заметно отсутствие исследований истории Тайного совета, функционировавшего при Иностранной коллегии, который, по мнению некоторых авторов, сразу же занял главенствующее положение в центральной системе управления⁵¹.

С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛИ ПРЕДПРИНЯТЫ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ?

Что же касается петровских реформ местного управления, то здесь историки в сопоставлении цели преобразований с их практическими результатами продвинулись гораздо дальше. Если реформы местных органов управления, как правило, оцениваются более негативно, чем остальная часть комплекса административных преобразований, то это обусловлено и тем, что многие ученые рассматривали проведение именно этих реформ как проявление конфронтации с существовавшей социальной структурой, ибо местное управление как нижняя ступень административной пирамиды находилось в наиболее тесном и разнообразном взаимодействии с населением.

Повысить эффективность налогообложения

Широко распространено убеждение, что первые петровские реформы местного управления призваны были служить исключительно фискальным целям; это относится не только, например, к реформе городского управ-

⁵⁰ См.: гл. II, примеч. 6—7.

⁵¹ См.: Стешенко Л. А. и Софропенко К. А. Государственный строй..., с. 84—85, 118.

ления 1699 г.⁵², но и к преобразованию органов местного управления 1708—1711 гг.⁵³*

Укрепить власть государства и господствующего класса на местах

Тем не менее большинство советских историков считают, что целью губернской реформы было укрепление позиций господствующего класса; при этом ученые исходят из посылки, что данная реформа была вызвана народными восстаниями в Астрахани (1705—1706 гг.) и на Дону (1707—1708 гг.) **, а также необходимостью прекратить побег крепостных крестьян⁵⁴.

Иметь возможность регулировать повседневную жизнь провинциального общества

Еще одна родственная точка зрения, чаще всего встречающаяся в связи с исследованием последних звеньев в цепи реформ — провинциальной реформы 1719 г. и реформы магистратов 1721 г., которые пользовались особым вниманием среди историков, — заключается в том, что эти преобразования должны были, по мнению большинства авторов, служить орудиями абсолютистского полицейского государства в его стремлении регулировать все стороны повседневной жизни на местах⁵⁵.

Оживить местным самоуправлением инициативу сословий

Наконец, некоторым исследователям удалось, по их мнению, констатировать противоположную тенденцию

⁵² Дитятин И. И. Устройство и управление городов..., т. I, с. 152, 159; Миллюков П. И. Государственное хозяйство России..., с. 86; Богословский М. М. Петр I, т. III, с. 235.

⁵³ Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России, IX—XIX столетия. Исторический очерк. Пг., 1917, с. 77—78; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 160; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 102.

⁵⁴ Слицан Б. Г. Реформы местного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 318, 320; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений..., с. 95, 97; Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 101, 107, 111.

⁵⁵ Дитятин И. И. Устройство и управление городов..., т. I, с. 214—215, 309; Богословский М. М. Областная реформа..., с. 8, 444 и далее; Кизеветтер А. А. Местное самоуправление..., с. 82—83, 87.

В местном законодательстве Петра I, а именно: — неоднократные попытки оживить и мобилизовать инициативу снизу, побудить сословия к активным действиям в интересах государства, предоставив им возможность участия в самоуправлении. Эта тенденция отмечена не только в реформах городского управления 1699 и 1721 гг., но и в попытках, сделанных в 1702—1705 гг., 1713 г. и 1714 г., предоставить провинциальному дворянству право избирать на посты в местном управлении своих представителей⁵⁶. Приверженцы этой точки зрения характеризовали петровские реформы в целом как сочетание двух противоположных тенденций: во-первых, стремления полицейского государства надеть на население страны бюрократическое и административное ярмо и, во-вторых, стремления пробудить инициативу, поддержать проявление самостоятельности сословий, допустив их, в известной мере, к участию в самоуправлении⁵⁷.

КАКОВЫ ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА РЕФОРМ?

Отсутствие последовательности и твердости принципов

В тех случаях, когда исследователи пытаются объяснить, почему петровские реформы местного управления оказались столь неудачными, обычно выдвигается в качестве одной из основных причин отсутствие последовательности в осуществлении преобразований и то, что они не опирались на «хорошо сознанный и твердо установленный принцип»⁵⁸.

⁵⁶ Кизеветтер А. А. Местное самоуправление..., с. 78—81, 84—87; Слицан Б. Г. Реформы местного управления, с. 319, 323; Wittram R. Peter I. Bd I, S. 182—184, Bd II, S. 138, 150—155.

⁵⁷ Кизеветтер А. А. Местное самоуправление..., с. 90—91; Слицан Б. Г. Реформы местного управления, с. 342; Wittram R. Russland von 1689 bis 1796 (Handbuch der europäischen Geschichte, Bd 4, Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung. Herausgeb. Wagner F., Stuttgart, 1968), S. 488.

⁵⁸ Богословский М. М. Областная реформа..., с. 128, 508—513.

Величина государства

Согласно другому, столь же типичному мнению, причина упомянутого фиаско объясняется геополитической закономерностью, а именно тем, что влияние монарха в абсолютистском государстве на периферии, по мере удаленности от престола, всегда ослабевает, а также тем, что местная администрация, как правило, функционирует менее эффективно в крупном государстве, чем в малых странах⁵⁹.

Отсталость народа и его духовная инертность

Но чаще всего объяснения причин провала петровских преобразований базируются на оценке состояния российского общества. Самое общее из объяснений основано на том, что реформы нарушили естественный ход духовного и культурного развития народа, что население далеко еще не созрело для восприятия преобразований. Поэтому Петр и не смог в достаточной степени обеспечить свои новые учреждения квалифицированным персоналом, а инертность прежних служащих привела к тому, что практика управления сохранила свои старые черты. Так, к примеру, попытка отделить друг от друга судебную и исполнительную администрации не была усвоена как необходимый постулат⁶⁰. Богословскому же та форма управления, которую Петр незадолго до своей смерти дал городам и губерниям, более всего напоминала новые мехи, в которые налито старое вино, не утратившее при этом своего аромата⁶¹.

Противодействие местных общественных сил

По мнению некоторых исследователей, важнейшая причина неудовлетворительного функционирования введенных царем органов губернского и городского самоуправления заключается в том, что царю не удалось добиться активного содействия местных общественных сил. Это в свою очередь было вызвано отсутствием

⁵⁹ Oliva L. J. *Russia in the Era of Peter*, p. 87.

⁶⁰ Богословский М. М. *Областная реформа...*, с. 450—453; Слицан Б. Г. *Реформы местного управления*, с. 341; Blanc S. *La pratique de l'administration*, p. 64; Ерoшкин Н. П. *История государственных учреждений...*, с. 99.

⁶¹ Богословский М. М. *Областная реформа...*, с. 121, 452.

учета местных потребностей и интересов в ходе преобразований, отчего и сельское дворянство, и столпы городского общества из числа крупных торговцев и промышленников отказались брать на себя тяготы ограниченного самоуправления, которое на практике лишь превращало эти сословия в послушные орудия государственной бюрократии. Особенно заметной была враждебная позиция дворянства по отношению к сугубо бюрократической областной реформе 1719 г.⁶²

Такая точка зрения не разделяется советскими историками, придерживающимися в целом убеждения, что реформы местного управления проводились в соответствии с интересами правящего класса.

Недостаточная степень бюрократизации

Довольно примечательно, что одна из советских монографий о комплексе административных реформ выдвигает диаметрально противоположную точку зрения, утверждающую, что слабость нового местного управления определялась отсутствием достаточно жесткой бюрократизации ее организации и функционирования⁶³.

Отсутствие традиций социальных объединений

Согласно выводам западногерманского историка Д. Гейера, попытки Петра повысить эффективность местного управления были обречены на провал в любом случае, даже если бы он стремился учитывать местные интересы. В противоположность абсолютистским режимам Запада, где государственное управление могло опираться на веками существовавшие социальные сообщества, положение нового петровского государства было несравненно худшим: русские сословия не были организованы политически, отчего им не хватало традиций и опыта в формировании общих требований и совместной политической деятельности. Этим же обстоятельством, очевидно, объясняется и то, почему Петру было так нелегко найти квалифицированных

⁶² Дитятин П. И. Устройство и управление городов..., т. I, с. 179—180, 214—215, 247; Богословский М. М. Областная реформа..., с. 447, 513—518; Кизеветтер А. А. Местное самоуправление..., с. 87—89.

⁶³ Стещенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 108, 114.

ных чиновников. По мнению Гейера, окончательное утверждение в России «государственного абсолютизма» зависело, таким образом, от степени развития социально-политических объединений⁶⁴. Точка зрения Гейера достойна внимания и потому, что большинство западных историков придерживаются гипотезы, согласно которой в России абсолютизм встречал меньшие, чем в других государствах, трудности, поскольку ему не противостояло организованное политическое сопротивление со стороны общества⁶⁵.

ЧТО БЫЛО ЦЕЛЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ РЕФОРМ?

В литературе о преобразованиях Петра в военном деле также затрагиваются проблемы реформы государственного аппарата. В то время как большинство авторов, судя по их работам, по традиции считали, что военные реформы служили исключительно внешне-политическим целям, в современных советских исследованиях отчетливо наметилась тенденция акцентировать внимание на роли армии как инструмента внутренней политики⁶⁶. При этом подчеркивается тот факт, что гарнизонные части, численно почти равные действующей армии, были учреждены как раз в годы после народных восстаний на Дону и в Астрахани⁶⁷.

КАКОВЫ БЫЛИ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ДЕЛА В РОССИИ ЭПОХИ ПЕТРА?

Основную часть литературы о петровских военных реформах, особенно дореволюционной, отличает опи-

⁶⁴ Geyer D. «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung. Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 14, 1966), S. 23—26.

⁶⁵ См. выше: гл. I, примеч. 31.

⁶⁶ Ср.: Клокман Ю. Р. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX века в советской историографии. — В кн.: Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков./Ред. Шунков В. И. М., 1969, с. 30.

⁶⁷ См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, с. 5—6, 633—644; Он же: Реформа армии, с. 349—350, 360.

сательно-фактографический характер. Материал об армии и флоте излагался в ней, как правило, отдельно, в то время как ориентированная прежде всего на проблемные исследования историография и современная советская историческая литература склонны рассматривать историю этих двух родов войск в тесной взаимосвязи. Российское военное дело эпохи Петра стало сравнительно рано объектом исследований и русских, и западных исследователей, в особенности шведских. В то же время удивителен тот факт, что вплоть до второй мировой войны эта тема совершенно игнорировалась советскими историками*.

Для полемики о военных реформах Петра характерны те же постановки основных проблем, что и для обсуждения административных преобразований. И все же по вопросам преобразования армии дискуссии велись гораздо более интенсивно. В особенности это касается страстных дебатов о предпосылках военных реформ, в ходе которых русские дореволюционные историки разделились на две противоборствовавшие школы: «Школу академистов» и «Русскую школу», которые соответственно защищали или отрицали тезис об основной роли, которую сыграли в преобразованиях иностранные образцы.

Иностранные образцы

Для приверженцев первого направления в военной историографии типична точка зрения, согласно которой военное дело в допетровской России было безнадежно устаревшим и к моменту воцарения Петра I находилось в состоянии полного развала, вооруженные силы были дезорганизованы и небоеспособны. Поэтому Петр считал необходимым полностью покончить с прошлым и, после основательного изучения положения в европейских странах, решил ввести в России регулярную армию. При этом он строго следовал западным образцам во всем, что касалось структуры, финансирования, организации, вооружения, образования, обмундирования и так далее в новой армии⁶⁸. Подобная точка зрения, имевшая многих сторонников и среди западных

⁶⁸ См.: Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул Воинский. Спб., 1886, т. II, с. III—IV, IX, XII, XX.

историков, подкреплялась прежде всего текстологическим анализом основных военных регламентов Петра — Устава Воинского (1716 г.) и Устава Морского (1720 г.) — и военных законодательств европейских государств. Этими сравнениями — так же как и более общими исследованиями истории создания уставов и регламентов — ученые стремились доказать, что как армейский⁶⁹, так и морской уставы⁷⁰, безусловно, имели зарубежные прототипы, было ли это прямое копирование законодательства отдельных держав или компиляция из различных источников. Один шведский историк дерзнул даже употребить в этом смысле слово «обезьянничанье»⁷¹.

Продолжение национальных традиций

Против точки зрения, сторонники которой представляли создание регулярной армии при Петре I в виде радикальной перемены в ходе русской военной истории, выступали основатели «Русской школы» Д. Ф. Масловский и А. З. Мышлаевский. Согласно их основополагающей гипотезе, русское военное искусство шло

⁶⁹ Бобровский П. О. Военное право..., т. I, с. 1—18, т. II, с. VI, XX; Hjärne H. Svenska reformer. S. 120—121; Puttkamer E. von. Einflüsse schwedischen Rechts, S. 375—376; Anners E. Den karolinska militärstrafätten och Peter den Stores krigsartiklar (Kungl. Vetenskapssamhällets i Uppsala Handlingar. Bd. 9, Stockholm, 1961), S. 81, 88. Если Йерне считает, что Устав Воинский был целиком скопирован со шведских военных законов, то остальные авторы полагают, что речь может идти лишь о компиляции из законодательств нескольких стран, но шведские статьи все же сыграли роль основного прототипа.

⁷⁰ Зейдель И. К. Очерк истории Морского Устава, изданного при Петре Великом. — Морской сборник, авг. 1860; с. 522; Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Спб., 1892, вып. I, с. 61. Единственная пока попытка текстологически-критического анализа прототипов Устава Морского предпринята в книге: Peterson C. Der Morskoj Ustav Peters des Grossen. Ein Beitrag zu seiner Entstehungsgeschichte (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 24, 1976, II. 3), S. 349—353. Здесь в качестве предварительного вывода имеется указание на то, что основой для компиляции послужил Морской Регламент Людовика XIV. Факт заимствования положений Морского Устава из иностранных законодательных актов признается и советским историком Ромашкиным П. С. «Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I). М., 1947, с. 22.

⁷¹ Anners E. Den karolinska militärstrafätten, S. 88.

самостоятельным путем, развивалось в особых условиях на чисто национальной основе. По их мнению, не может быть и речи о том, будто Петр ввел что-либо принципиально и радикально новое: его военные реформы были лишь продолжением тех преобразований, которые имели место в XVII в.⁷² Далее развивается положение о том, что петровские военные реформы являлись лишь «логическим завершением» тенденций национального развития XVII века, а рассуждения о возможных иностранных прототипах «антиисторичны» и в лучшем случае к делу не относятся. Это положение отстаивали и некоторые известные советские военные историки, особенно подчеркивавшие, что регулярная армия Петра продолжала строиться на основе «полков иноземного строя», учрежденных еще его отцом Алексеем Михайловичем⁷³. Упомянутые историки утверждали далее, что и флот имел устойчивые традиции⁷⁴, а факт службы в русской армии иностранных офицеров имеет совершенно ничтожное значение⁷⁵.

Традиция подражания Западу

Теоретическая полемика между представителями двух школ в военной истории и, соответственно, их последователями не прошла бесследно — она породила промежуточную точку зрения, приверженцы которой находят рациональное зерно в высказываниях сторонников обеих крайних позиций. Они утверждают, что

⁷² Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Спб., 1891, вып. 1, с. 1, 57—58, 175; Мышляевский А. З. Офицерский вопрос в XVII веке. Очерк из истории военного дела в России. Спб., 1899, с. 6—7, 51.

⁷³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в., с. 632—633; Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952, с. 4—5, 18 и далее, 26, 30, 79, 272—273. Этот автор решительно отрицает возможность даже «критического» или «творческого» заимствования из зарубежных источников. В научной полемике об административных реформах нам подобная крайняя точка зрения не встречалась.

⁷⁴ Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 361; Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 28 (противоположное утверждение см. там же, с. 276).

⁷⁵ Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 228—229; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в., с. 641.

повые войсковые формирования царя Алексея Михайловича, так называемые «полки иноземного строя», по праву могут рассматриваться в качестве прототипа петровской регулярной армии. Но, продолжают они, полки эти были созданы по западным образцам и укомплектованы иностранными офицерами⁷⁶. Таким образом, эта весьма распространенная точка зрения настаивает на перманентности зарубежного влияния⁷⁷. Еще больше споров вызвал вопрос о том, насколько широко использовал Петр I опыт свободного пополнения русской армии XVII в. даточными людьми⁷⁸ при создании своей системы рекрутских наборов, насколько введение принудительной и пожизненной воинской обязанности путем регулярных рекрутских наборов позволяет, несмотря ни на что, удостоить Петра титула «создатель новой русской армии»⁷⁹. Но если не учитывать вышеупомянутые исключения, то отношение к петровскому военно-морскому флоту как действительно нововведению в военной истории России разделяют все историки, даже сторонники теории о тесной связи реформ с допетровским периодом⁸⁰.

⁷⁶ См.: Платонов С. Ф. Лекции..., с. 518; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 70. Встречается мнение, что Петр стал инициатором превращения русской армии «из полупостоянной, полурегулярной (по иноземному образцу) в постоянную и регулярную». — Hellie R. The Petrine Army: Continuity, Change, Impact (Canadian-American Slavic Studies, vol. VIII, 1974), p. 632—633.

⁷⁷ И. П. Елифанов не признает подобной преемственности. По его мнению, разрыв Петра с прошлым состоял среди прочего в том, что царь вместо традиционного пассивного отношения к западной культуре занял активную позицию. См.: Елифанов И. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого. — «Вопросы истории», 1945, № 1, с. 43.

⁷⁸ Касат. этой дискуссии см.: Елифанов И. П. К вопросу о военной реформе..., с. 38, 45, 50. См. также: Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны. — В кн.: Вопросы военной истории России, с. 221—232.

⁷⁹ Так у Платонова С. Ф. в «Лекциях...», с. 518.

⁸⁰ См., например: Sumner B. H. Peter's Accomplishments and Their Historical Significance (Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Edit. Marc Raeff. Boston, 1963), p. 105; Wittram R. Peter I. Bd II, S. 26; Anderson M. S. Peter the Great, p. 48; Hellie R. Ten Petrine Army, p. 250. Ср. также: Mitchell M. The Maritime History of Russia 848—1948. London, 1949, p. 58; Esper T. Military Self-Sufficiency

Боевая практика в годы Северной войны

Согласно третьей, часто встречающейся в современной советской исторической литературе точке зрения, Петра в его военных реформах вдохновляли не традиции прошлого и не зарубежные образцы, а прежде всего практический опыт, который русское командование накапливало в ходе Северной войны*. Преобразования представляли собой длинную цепь изменений и усовершенствований, проводившихся на основе анализа отдельных боевых действий, пока наконец они не увенчались на последнем этапе войны изданием Устава Воинского и Устава Морского, в которых собранный опыт был систематизирован и рационализирован⁸¹. В противоположность дореволюционным историкам, которые считали источником идеи военных реформ Великое посольство 1697—1698 гг.⁸², сторонники упомянутой точки зрения полагают, что толчок преобразованиям в армии дал военный опыт, накопленный уже в Азовских походах⁸³.

Военный гений Петра

И наконец, в качестве основы проведенных реформ выдвигались военный гений и оригинальность мышления самого Петра — в особенности теми историками, которые акцентировали внимание на своеобразии и

and Weapons Technology in Muscovite Russia (Slavic Review, v. 28, 1969), p. 208. В последней работе утверждается, что петровские реформы стали поворотным пунктом в военной истории России в смысле самообеспечения стратегическим сырьем и создания собственной оружейной технологии.

⁸¹ Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого.— В кн.: Петр Великий, с. 168, 170; Он же: К вопросу о военной реформе..., с. 35, 46; Сальман Г. Я. Морской устав 1720 года. Первый свод законов русского флота.— Исторические записки, 1955, т. 53, с. 311; Мещеряков Г. П. Из истории военно-теоретической мысли в России в первой четверти XVIII века.— В кн.: Вопросы военной истории России, с. 97, 99 и далее, 107; Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 346, 355—356, 370; Он же: Русская армия и флот в XVIII в., с. 6, 633, 639.

⁸² Ср. Wittram R. Peter I. Bd II, S. 7. В советской историографии подобная точка зрения представлена в труде Коробкова Н. «Петр I—основатель русской армии и ее военного искусства».— Военная мысль, 1944, № 2—3, с. 72.

⁸³ Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 42—43 Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 343, 362.

самостоятельности реформ по отношению к зарубежным образцам. Согласно их мнению, на преобразованиях армии глубокий отпечаток наложила личность Петра, одного из величайших стратегов и военных организаторов, каких знает история. Для доказательства этого тезиса опираются на личные архивы царя — его собственноручные расчеты, чертежи военно-технических изобретений, многочисленные проекты и черновики воинских уставов⁸⁴. Если же Петр и использовал при создании Устава Воинского и Устава Морского зарубежные образцы, то не более чем для их выборочной, критической и творческой переработки применительно к своеобразию российского военного дела⁸⁵.

Упорное выдвигание Петра как военного гения на передний план в процессе военных преобразований нередко сопровождается спорным утверждением, что реформы должны рассматриваться как радикальный переворот в военной истории России⁸⁶. Определяющее влияние личности царя на преобразования в армии признают и некоторые теоретики преемственности в военном деле. Так, у историка, отстаивающего положение, согласно которому развитие военной мысли в России и в Европе шло самостоятельными путями, можно встретить утверждение, что Петр благодаря своему вкладу в военное дело «перешагнул национальные рамки»⁸⁷. Те же историки, которые отдают предпочтение теории заимствования в военных преобразованиях, считают, что слава Петра вовсе не становится от этого меньше — величие царя в таком мудром шаге, как разрыв с прошлым⁸⁸. В целом же военная ода-

⁸⁴ Базилевич К. В. Петр Великий, с. 53, 56; Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 35, 40 и далее, 52—53, 58; Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 213, 269, 273—274, 277; Сальман Г. Я. Морской устав..., с. 320; Wittram R. Peter I. Bd II. S. 13, 15, 17.

⁸⁵ Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 35, 42, 48, 53, 56, 58; Он же: Воинский устав..., с. 167—168, 200—201, 213; Сальман Г. Я. Морской устав..., с. 319. См. также реферат о дискуссионной постановке вопроса Г. А. Некрасова в статье: «Советско-шведский симпозиум историков». — Вопросы истории, 1976, № 9, с. 189.

⁸⁶ Например: Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 34; Он же: Воинский устав..., с. 169—170.

⁸⁷ Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 213.

⁸⁸ Например: Бобровский П. О. Военное право..., т. II, ч. 2, с. XX.

решность Петра является общепризнанной⁸⁹, хотя некоторые авторы и считают, что его личный вклад в этой области несколько преувеличивается⁹⁰.

БЫЛИ ЛИ ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ УСПЕШНЫМИ?

Положительные оценки военных талантов Петра, естественно, коррелируют и с оценками результатов его деятельности. Но точки зрения на степень успешности военных реформ все же несколько более нюансированы вследствие крайнего различия критериев, которыми историки руководствовались в своих суждениях.

По отношению к исходам сражений

Многие авторы полагали, что при определении результативности проведенных реформ пробным камнем должна служить Северная война и что победы армии и флота над шведами были бесспорным доказательством эффективности петровских преобразований в военной области⁹¹. Точно так же, рассматривая этот вопрос на более широком историческом фоне, исследователи представляли эти реформы как поворотный пункт между позорными поражениями России в ее столкновениях со сравнительно слабыми противниками в XVII в. и ослепительными триумфами в борьбе с лучшей армией Европы в XVIII в.⁹² Однако отдельные ученые отказывались признать корректность подобной логики доказательств, подчеркивая, что победы Петра объясняются скорее недостатками и ошибками шведов, чем эффективностью действий русских⁹³.

⁸⁹ Ср.: Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Paris, 1927, с. 44—47; Nikolaeff A. M. Peter the Great as a Military Leader (The Army Quarterly and Defence Journal, v. 80, 1960), p. 76, 86.

⁹⁰ Bonnesen S. Peter den Store, s. 322, 327—328; Клокман Ю. Вопросы военной истории..., с. 32—33; Hellie R. The Petrine Army, p. 251. Anners E. Den karolinska militärstråträtten, s. 86—87 и Petersen C. Der Morskoj Ustav. S. 353—354. Эти историки в особенности сомневаются в личном вкладе Петра в разработку военных регламентов.

⁹¹ Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 344, 360; Он же: Русская армия и флот в XVIII в., с. 53; Wittgam R. Peter I. Bd II, S. 8, 17.

⁹² Елифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 34.

⁹³ Bonnesen S. Peter den Store, s. 332; Hellie R. The Petrine Army, p. 249—250; Anners E. Den karolinska mili-

По отношению к их жизнеспособности

Некоторые историки пытались доказать успешность реформ их жизнеспособностью, указывая, что Устав Воинский и Устав Морской переиздавались множество раз вплоть до 1814 и 1853 гг. соответственно, а петровская рекрутская система просуществовала до 1874 г.⁹⁴ Однако, несмотря на утверждения, что новые стратегические и тактические принципы оставались для российского военного искусства основополагающими на протяжении почти 100 лет⁹⁵, нет однозначного ответа на вопрос, насколько военные концепции Петра определили теорию и практику таких полководцев, как Румянцеv, Суворов и Кутузов⁹⁶.

По отношению к уровню военного искусства на Западе

Передко историки строят свои рассуждения на сравнении состояния военного дела в России и на Западе. Авторы, считающие, что успехам проведения реформ Петр обязан их иностранным прототипам, полагают само собой разумеющимся, что царь лишь поднял русскую армию на современный европейский уровень⁹⁷. В то же время у советских историков часто встречается точка зрения, что петровское военное дело обогнало западноевропейские стандарты и оказало значительное влияние на развитие военного искусства в Европе. В некоторых работах утверждается даже, что имело место превосходство во всех областях военного дела, и особенно подчеркивается, что петровская система рекрутирования обогнала свое время почти на 100 лет⁹⁸. Другие ученые ограничиваются указаниями на превос-

tärstrafätten, s. 97. Автор последней работы не может, судя по всему, отыскать иной причины русским победам, как эффективность использования на вербованных за рубежом офицеров.

⁹⁴ Богословский М. М. Петр Великий..., с. 71; Сальман Г. Я. Морской Устав..., с. 322; Меццержков Г. П. Из истории военно-теоретической мысли..., с. 109.

⁹⁵ Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 5, 80, 275.

⁹⁶ Об этой дискуссии см.: Епифанов П. П. Воинский устав..., с. 211—213.

⁹⁷ Например: Бобровский П. О. Военное право..., т. II, ч. 2, с. XI—XII.

⁹⁸ Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе..., с. 50, 57; Он же: Воинский устав..., с. 212; Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 5, 79 и далее, 108—109, 212—213, 273 и далее.

ходство России в отдельных областях военного дела: в военном искусстве⁹⁹, системе подготовки солдат и офицеров¹⁰⁰, технике кораблестроения¹⁰¹, технологии оружейного дела¹⁰², военной кодификации¹⁰³ и т. д.

Не только у историков, скептически относящихся к Петру I и его реформам в целом, можно встретить утверждение, что всестороннее рассмотрение военного дела в петровской России не позволяет отнести его к числу наиболее передовых в Европе, а рекрутская система не являлась открытием для своего времени. В частности, западные историки обращают внимание на то, что петровская оружейная технология не может быть признана образцовой¹⁰⁴, что в технологии кораблестроения имелась масса недостатков¹⁰⁵, что уровень дисциплины в войсках был сравнительно низок¹⁰⁶.

По отношению к затратам

Наиболее рельефно отрицательное отношение к реформам проявляется при сопоставлении результатов преобразований с затраченными на них средствами. Классической стала сентенция П. Н. Милюкова, что за осуществление военных замыслов Петра пришлось заплатить разорением страны¹⁰⁷. В большинстве работ

⁹⁹ Базилевич К. В. Петр Великий, с. 56.

¹⁰⁰ Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 346—348; Он же: Русская армия и флот в XVIII в., с. 633, 639.

¹⁰¹ Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII века. — В кн.: Вопросы военной истории России, с. 250.

¹⁰² Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 351—352; Он же: Русская армия и флот в XVIII в., с. 636. Согласно Е. Н. Порфирьеву, Россия сохраняла свое техническое превосходство на протяжении большей части XVIII в. (Петр I..., с. 273).

¹⁰³ Сальман Г. Я. Морской Устав..., с. 310, 322.

¹⁰⁴ Hellie R. The Petrine Army, p. 239—240.

¹⁰⁵ Bonnesen S. Peter den Store, s. 331—332.

¹⁰⁶ Ibid., s. 327; Anners E. Den karolinska militärstrafgätten, s. 88, 93ff. Если советские историки рассматривают Устав Воинский, как было упомянуто, в качестве законоположения, систематизировавшего фактически уже проведенные реформы, то есть когнитивный источник, для Аннерса строгие уголовно-правовые положения этого регламента являются доказательством недовольства Петра моральным уровнем армии. П. О. Бобровский также указывает на несоответствия между замыслами Петра и состоянием воинской дисциплины (Военное право..., т. II, ч. 2, с. XII).

¹⁰⁷ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 543, 545—546.

советских ученых признание того, что реформы тяжким бременем легли на плечи низших слоев населения, сопровождается оговоркой «по зато...». Впрочем, аналогичный подход к оценке характерен и для западных историков¹⁰⁸. Так, Р. Виттрам (основываясь главным образом на исследовании материалов по военно-морскому флоту, который был любимым детищем самодержца) считает, что польза, которую принес флот в ходе войны, несоизмерима с весьма значительными средствами, затраченными на строительство кораблей¹⁰⁹. Такая точка зрения контрастирует с господствующим представлением, что флот целиком и полностью оправдал свое создание победами над шведами, причем сражения эти сыграли огромную роль — не будь Россия мощной морской державой, она вряд ли добилась бы столь выгодного для нее мира¹¹⁰.

Хотя многие историки и не разделяют точку зрения В. О. Ключевского, что все преобразования были порождены в конечном счете войной и что отдельные части петровского комплекса реформ должны рассматриваться как своего рода законодательные последствия преобразования армии¹¹¹, тем не менее весьма распространенной является точка зрения, в соответствии с которой реформы государственного аппарата оказали значительное, хотя и неоднозначное влияние на русское общество, его культурную жизнь и экономику. Попытка анализа научных дискуссий по этой проблеме будет сделана ниже.

¹⁰⁸ В результате сравнения, проведенного между петровской и допетровской армиями, делается вывод, что разница между ними состояла в больших затратах, связанных с поддержанием армии Петра в боеспособном состоянии. При этом допетровская армия не уступала новой ни численностью, ни соответствием требованиям времени (Hellie R. The Petrine Army, p. 246—248).

¹⁰⁹ Wittram R. Peter I. Bd II, S. 17—19. См. также: Клокман Ю. Р. Вопросы военной истории..., с. 32. Здесь тоже встречается возражение против переоценки роли российского флота в Северной войне.

¹¹⁰ Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949, с. 37; Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 269; Бескровный Л. Г. Реформа армии..., с. 360—367; Некрасов Г. А. Военно-морские силы..., с. 246, 249—250.

¹¹¹ См. выше: гл. I, примеч. 20—23 и 28.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

бычно к преобразованиям Петра причисляют и перемены в экономической и социальной жизни России как преднамеренные или непредусмотренные результаты активного вторжения в нее абсолютистского режима. И хотя термины «экономические реформы», «социальные реформы» встречаются в научной литературе о петровской эпохе достаточно часто, далеко не все историки принимают тезис о том, что политика правительства явилась источником радикальных или хотя бы структурных перемен в этих областях*.

Какой может быть общая характеристика петровской экономической политики?

Лишь немногие ученые, такие, например, как С. М. Соловьев, отдавали пальму первенства «экономическому перевороту»¹ в комплексе целей внутренней политики Петра. Тем не менее петровская «экономическая политика» часто рассматривается как сравни-

¹ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 20—21. См. также: Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., с. 139. Парадоксален тот факт, что многие историки придают большее значение экономическим мотивам в определении направлений внешней политики Петра, чем внутренней (см. ниже: гл. V, примеч. 36—39).

тельно автономная и при этом довольно последовательная, хотя обычно отмечается, что экономические мероприятия царя, особенно в первые годы его правления, диктовались потребностями ведения войны*. Типичным для этой точки зрения является мнение В. О. Ключевского о том, что на втором месте по важности после армии для Петра стояли промышленность и торговля и что деятельность преобразователя обнаружила в экономической области необычайную масштабность и дальновидность².

Меркантилизм

Исходя из общераспространенного мнения, что экономическая политика Петра I отличалась определенной систематичностью и последовательностью, историки весьма широко обсуждали возможность влияния на нее меркантилистских доктрин, господствовавших в тогдашней Европе**. При этом исследователи, отвечавшие на этот вопрос положительно, доказывали свою правоту, опираясь на соответствие экономической политики Петра и теории меркантилизма в совершенно различных областях. Если некоторые авторы выдвигали на первый план в качестве типично меркантилистских фискальные аспекты петровских преобразований³, то другие указывали на чрезвычайно активную промышленную политику царя⁴, а третьи — на его типично монетаристские мероприятия, на интерес, который Петр проявлял к внешней торговле, и его стремление добиться положительного сальдо внешнеторгового баланса⁵.

² Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 107.

³ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 396—397; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 108.

⁴ Мартынов М. Н. Промышленность России в эпоху Петра Великого в исторической литературе. — Записки Ленингр. план. ин-та, 1947, т. 6, с. 223; Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956, с. 49.

⁵ Богословский М. М. Петр Великий..., с. 81—82. Kafengauz В. В. Die wirtschaftliche Entwicklung Russlands im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts und die Reformen Peters I (E. W. von Tschirnhaus und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa. Berlin. 1960) S. 227.

Ультрамеркантилизм

Некоторые западные исследователи полагают, что экономическую политику Петра I можно определять как меркантилистскую, лишь учитывая при этом характерные для нее черты принудительности и «политики с позиции силы». Эти особенности позволяют говорить не о меркантилистской, а, скорее, об ультрамеркантилистской политике царя⁶.

Отсутствие сходства с какой-либо моделью экономической политики

Некоторые советские историки категорически отрицали, что петровская политика вдохновлялась идеями меркантилизма. При этом приводятся, например, такие аргументы: Петр, в противоположность западным государственным деятелям, не считал промышленность подчиненной интересам внешней торговли; в отличие от европейских экономистов-практиков он не думал о денежном обороте и роли драгоценных металлов, зато обнаруживал глубокий интерес к сельскому хозяйству и внутренней торговле. Эти авторы изображают царя как оригинального мыслителя, выдающегося экономиста, который в лучших традициях российской мысли XVII в. творчески развил совершенно новые доктрины, исходя при этом из насущных потребностей государства⁷.

Ряд случайных импровизаций

Вышеупомянутым точкам зрения, которые объединяет исходное положение о глубокой продуманности и

⁶ Leontief W. Peter der Grosse: seine Wirtschaftspolitik und sein angeblicher Merkantilismus (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 2, 1937). S. 239, 271; Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. London, 1970, p. 85—87.

⁷ Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952, с. 176—179, 277—278; История русской экономической мысли./Под ред. Пашкова А. И., М., 1955, т. I, с. 303, 306—307; Сомов В. И. Промышленная политика Петра Великого. Основные принципы. — Ученые записки Моск. гос. ун-та. Полит. экономия, 1947, т. 123, с. 248. Судя по этой работе, автор занимает двойственную позицию, утверждая, что экономическая политика Петра I, являясь по сути меркантилистской, была одновременно оригинальным феноменом.

ярко выраженной целенаправленности экономической политики, противостоит гипотеза, согласно которой, Петр I об экономике вообще не имел никакого понятия, за исключением ее чисто практических аспектов. Его политика, которая уже поэтому может считаться совершенно свободной от влияния каких-либо теорий, характеризовалась внутренними противоречиями и обилием импровизаций и была целиком и полностью направлена на удовлетворение текущих потребностей, в большинстве своем порожденных войной⁸. Один из основных защитников этой точки зрения, Р. Виттрам, довольно бесцеремонно определил дискуссию о приверженности Петра к идеям меркантилизма как «спор, борьбу вокруг слова»⁹, что не мешает историкам продолжать невозмутимо вести полемику, используя для доказательства оценки и критерии, лежащие в совершенно разных плоскостях.

ЧТО ПОСЛУЖИЛО ПРЕДПОСЫЛКОЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ?

Из всех отраслей петровской экономики наибольший интерес историков вызывает промышленность. Большая часть открытий, совершенных на основе эмпирических исследований в этой области, принадлежит советской историографии; поэтому весьма неожиданным может показаться тот факт, что главные проблемы в научной полемике по истории промышленности были сформулированы еще до 1917 г. Сказанное касается, в частности, сохраняющего актуальность и в наши дни вопроса об «искусственности» петровской промышленности*.

Оранжерейные условия, созданные государством

Находившийся под влиянием общего для всех славянофилов мнения о реформах Петра I как о дьявольских кознях против традиционных жизненных устоев русского народа, А. Корсаков утверждал, что мануфак-

⁸ Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964, Bd II, S. 27—30, 32, 39—42; Anderson M. S. Peter the Great. London, 1969 (Historical Association Pamphlets, General Series, vol. 71), p. 18.

⁹ Wittram R. Peter I. Bd II, S. 515.

турная политика Петра имела искусственный характер, потому что в ту эпоху необходимых предпосылок для возникновения крупного промышленного производства в России не имелось, а также потому, что она подавляла производительные силы, которыми нация, беспорочно, обладала (подразумевается надомное и мелкое кустарное производство)¹⁰. Тезис А. Корсака об искусственности петровской промышленности был использован в публичных дебатах 1880-х и 1890-х гг. народнической публицистикой в качестве убедительного аргумента в пользу своей позиции, а несколько позднее развит в научной полемике такими выдающимися историками, как П. Н. Милюков, В. О. Ключевский и М. М. Богословский. Милюков, в частности, считал, что в России мануфактуры стали уродливым наростом, искусственно привитым на экономический организм страны и выжившим лишь благодаря постоянной поддержке и заботе правительства, в отличие от крупной промышленности Запада, органично развившейся из различных форм надомного производства. Мануфактурная политика Петра была — в соответствии с агрономической терминологией В. О. Ключевского — «казенно-парниковым воспитанием промышленности»¹¹.

В западной историографии также распространено убеждение, что петровская промышленность была создана государственной властью в условиях, когда естественные предпосылки (развитый внутренний рынок, национальный частный капитал, квалифицированная рабочая сила) еще не сложились. Другими словами, речь может идти единственно о так называемой «форсированной индустриализации»¹². Можно констатиро-

¹⁰ Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861, с. 127—129.

¹¹ Милюков П. П. Очерки..., ч. 1, с. 83—84; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 118; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 80—81, 86—87.

¹² Gerschenron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass., 1962, p. 48—49, 135, 153; Falkus M. E. The Industrialization of Russia. 1700—1914. London, 1972, p. 22—24. См. также: Blanc S. A propos de la politique économique de Pierre le Grand (Gahiers du monde russe et soviétique, vol. 3, 1962), p. 125.

вать, что активной государственной политике как важной предпосылке развития промышленности придается чрезвычайно большое значение даже историками-марксистами, в независимости от точки зрения на то, была ли эта политика мотивирована теоретическими (меркантилистскими) воззрениями или же стремлением обеспечить армию необходимой материальной базой. Среди советских авторов многие считают, что индустриализация была прежде всего делом рук правительства¹³; реже встречается мнение, что государство внедряло в национальную экономику элементы капитализма в силу объективных экономических закономерностей¹⁴.

Наличие всероссийского рынка, торгового капитала и квалифицированной рабочей силы

Нужно заметить однако, что многие исследователи приложили заметные усилия в стремлении доказать наличие «естественных» предпосылок качественного скачка в развитии русской промышленности в петровскую эпоху*. Так они подчеркивали, что концентрация торгового капитала и развитие всероссийского рынка имели место уже в XVIII в., что к моменту воцарения Петра существовала дюжина мануфактур, которые возникли за десятки лет до этого, причем естественным образом, как следствие растущего спроса на внутреннем рынке, и которые были обеспечены квалифицированной рабочей силой в необходимом объеме¹⁵.

¹³ Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М. — Л., 1947, с. 10—11 (на с. 149 в качестве модели прямо указываются зарубежные прототипы); Мартыцов М. И. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948, с. 106, 133 и далее; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953, с. 51, 87, 211; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России XVII—XVIII вв. М., 1963, с. 356; Сомов В. И. Промышленная политика..., с. 211, 218, 225, 237; Kafengauz В. В. Die wirtschaftliche Entwicklung, S. 226.

¹⁴ Глаголева А. П. Олопецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957, с. 228.

¹⁵ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М. — Л., 1949, т. I, с. 80—81; Струмилин С. Г. К вопросу об экономике петровской эпохи. — В кн.: Полтава.

Традиция ремесленного производства

Некоторые советские авторы указывают, кроме того, на имевшиеся в России старые традиции ремесленного производства как на важную предпосылку развития мануфактурной промышленности в петровскую эпоху¹⁶.

КАКОВЫ КОНЕЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I?

Вне зависимости от того, какую теорию происхождения русской промышленности отстаивают исследователи — «искусственную» или «естественную», — они едины во мнении, считая петровскую эпоху весьма значительной в истории промышленности России, хотя бы потому, что в первой четверти XVIII в. благодаря политике протекционизма и субсидиям государства были основаны многие новые предприятия. Но на этом единство взглядов обеих групп историков и кончается. Когда в ходе научной полемики речь заходит о дальнейшей судьбе петровских мануфактур, о периоде после смерти царя, наблюдается резкое расхождение во мнениях.

Упадок и отмирание

Многие из авторов, рассматривающих промышленную политику Петра как ошибочную и недальновидную, полагают вполне доказанным, что причиной закрытия большинства новых мануфактур после смерти Петра была искусственность этих предприятий, их нежизнеспособность в условиях отсутствия постоянной

К 250-летию Полтавского сражения. [Сборник статей.] / Под ред. Бескровного Л. Г. М., 1959, с. 182; Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I, с. 147—149; Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность..., с. 8—12, 106. Кроме того, см.: Курмачева М. Д. Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической литературе. — В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей.] / Под ред. Бескровного Л. Г. М., 1959, с. 9—37.

¹⁶ Ср.: Полянскый Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960, с. 4—10.

поддержки со стороны государства¹⁷. Даже М. Н. Покровский, считавший, что паличие торгового капитала является достаточной объективной предпосылкой промышленного развития, рассматривал крах петровской крупной промышленности как «несомненный факт»¹⁸.

Развитие и процветание

Результаты изысканий последних десятилетий, напротив, показывают, что если многие небольшие текстильные фабрики не выдержали конкуренцию со стороны крестьянского надомного производства, то более крупные предприятия этой отрасли пережили по меньшей мере середину XVIII столетия. Рудники и металлургические предприятия, совершенно бесспорно, доказали свою высокую рентабельность, а развитие молодой тяжелой промышленности продолжалось и после смерти Петра.

Преодоление экономической отсталости России

Явным успехом отечественной экономики было создание новой промышленности на Урале, которая сохранила свое значение станového хребта в крупном производстве страны вплоть до середины XIX в. Петровские домны на Урале своей продуктивностью вскоре превзошли английские, превратив Россию тем самым в одну из ведущих в мире стран в области металлургического производства. В целом же мануфактурная политика Петра I содействовала тому, что русская экономика смогла преодолеть отсталость, пусть даже временно¹⁹.

¹⁷ Девятисильная Д. И. Фабрики и заводы в царствование Императора Петра Великого. Историко-экономическое исследование. Киев, 1917, с. 74; Милюков П. П. Очерки..., ч. I, с. 85; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 87.

¹⁸ Покровский М. Н. Русская история..., кн. I, с. 560.

¹⁹ Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I, с. 147—149; Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность..., с. 101, 104 и далее; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности..., с. 512—513; Струмилин С. Г. К вопросу об экономике..., с. 182—183; Portal R. L'Oural au XVIII-e siecle. Etude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950, p. 25ff, 36, 50, 52ff, 130ff, 372—376; Kahan A. Continuity in Economic Activity and Policy during the Post-Petrine Period in Russia. (The Journal of Economic History,

Усугубление экономической отсталости России

И наконец, некоторые западные историки — приверженцы точки зрения «искусственности» промышленности, утверждают, что Петр I своей «форсированной индустриализацией» страны обрек Россию на экономическую отсталость в будущем, так как, распространив крепостное право и на промышленный сектор экономики, он закрепил ту косную социальную структуру, что стала в XIX в. почти непреодолимым препятствием на пути экономического развития государства²⁰.

КАКОЙ БЫЛА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПЕТРОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ?

Вопросы, связанные с рекрутированием рабочей силы, стали одними из основных в привлечшей большое внимание историков дискуссии по поводу социально-экономической природы петровских мануфактур, в которой задавали тон авторы обширной специальной литературы послевоенного периода о петровской промышленности. Основная проблема этой дискуссии — вопрос, были ли мануфактуры первой четверти XVIII в. капиталистическими, а если да, то до какой степени

vol. 25, N 1, 1965), p. 61—85. Автор последней работы утверждает, как и перечисленные выше авторы, что смерть Петра к краху промышленности не привела. Но в отличие от общепринятой точки зрения он доказывает, что активная мануфактурная политика Петра I была продолжена его преемниками. При этом важнейшим источником развития в промышленном секторе становится уже не государство, а новая группа фабрикантов, зародившаяся во время Петра I. См. также: Gregory P. R. Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 25, 1977, H. 2), S. 204—205.

²⁰ Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror, p. 90—91, 93—94; Idem: Economic Backwardness, p. 154; Fal-kus M. E. The Industrialization, p. 24—25; А. М. Панкратова в своей работе «Формирование пролетариата...», с. 319, 356—357, — защищает подобную же точку зрения. Этот выдающийся представитель первого поколения советских историков разделяет, кроме того, позицию дореволюционных авторов о том, что результатом петровской промышленной политики был распад надомного и мелкого кустарного производства (см. там же, с. 278).

их можно таковыми считать, — обозначалась в отдельных работах уже в начале 1930-х гг. Однако всерьез приковала она к себе внимание ученых лишь в дебатах 1947—1948 гг. о генезисе русского капитализма (на страницах ежемесячного журнала «Вопросы истории») ²¹, в ходе которых возникла среди прочего необходимость более глубокого исследования архивных материалов ²². Рост числа монографий о петровской экономике, которые с короткими интервалами выходили в 1947—1960 гг., характеризовал в советской историографии промежуточную фазу преобладания эмпирических исследований между двумя теоретическими дискуссиями о периодизации, протекавшими в конце 1940-х и на протяжении 1960-х гг.

Сугубо крепостническая

Расхождения в выводах у авторов крупных трудов по экономическим проблемам петровской эпохи были среди прочего обусловлены тем, что ученые избрали в качестве предмета исследования не только различные отрасли промышленности, но также и различные промышленные регионы со специфическими демографическими условиями, а также тем, что авторы были склонны делать обобщающие выводы из результатов

²¹ О спорадически возникавшем интересе к теме дискуссии до ее начала см.: Кулишер И. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. — В кн.: Архив истории труда в России, 1921, т. I, с. 11—33; Мартынов М. И. Промышленность России..., с. 218—237; Полянский Ф. Я. Экономический строй..., с. 5—22.

²² Ср.: Полянский Ф. Я. Экономический строй..., с. 25; Глаголева А. П. Олонецкие заводы..., с. 7; Панкратова А. М. Формирование пролетариата..., с. 239; Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969, с. 111—112; Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis. Et periodiseringsproblem i sovjetisk historieskrivning. En analyse af sovjetiske historikeres debat 1947—1951 om historiens periodisering, med saerlig henblik på spørgsmålet om kapitalismens opståen i Rusland. København, 1971, s. 155. Е. И. Заозерская в своей работе «Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60 гг. XVIII в.», М., 1960, с. 5, объясняет тот факт, что исследования социально-экономической природы русской мануфактуры в подавляющем большинстве сосредоточились на первой четверти XVIII в., традиционным интересом историков к Петру I и его реформам.

исследований отдельных узких вопросов. Это особенно характерно для историков, которые специализировались на «колонизаторском» металлургическом производстве в слабозаселенном уральском регионе. Эти исследователи считают, что уральские мануфактуры в преобладающей степени были основаны на использовании принудительно рекрутированной рабочей силы (крепостных или периодически переводимых в разряд приписных государственных крестьян, а также заключенных, бродяг, нищих и проституток), в то время как вольнонаемная рабочая сила, этот важнейший атрибут капиталистической промышленности, играла на частных предприятиях самую скромную роль. Этот вывод касается и количественных, и качественных характеристик трудовых ресурсов, поскольку внешнеэкономически припущдаемая к труду рабочая сила доминировала, как оказалось, не только в контингенте подсобных, но и квалифицированных рабочих. Таким образом, социально-экономическая природа мануфактуры петровской эпохи не может характеризоваться как капиталистическая — она была сугубо «крепостнической»²³.

Крепостническая, но с элементами капиталистических отношений

Е. И. Заозерская в своей монографии 1947 г. на основе анализа всего комплекса петровских мануфактур, а также в специальном исследовании 1953 г. о текстильной индустрии в центральном регионе страны пришла к выводу, что свободная рабочая сила преобладала на частных предприятиях и что она составляла основную часть квалифицированной рабочей силы, причем даже на государственных предприятиях предпочитали вольнонаемную рабочую силу, несмотря на то что она обходилась дороже²⁴. Однако Е. И. Заозерская избегает утверждений о капиталистическом харак-

²³ Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность..., с. 101, 106, 136 и далее; Он же: Промышленность России..., с. 216; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности..., с. 210 и далее, 410—411, 516.

²⁴ Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953, с. 490—491; Она же: Мануфактура при Петре I, с. 136, 145—146, 149.

тере мануфактурного производства при Петре I²⁵. А. П. Глаголева, специально исследовавшая историю петровской мануфактуры в олонецком регионе, предпочитает говорить об очевидных капиталистических «чертах» или «элементах», считая отличительной особенностью принудительно рекрутированной государственными властями в этой области рабочей силы то, что она была лишена собственных средств производства и поэтому относилась к заработной плате как к единственному средству существования. Далее, Олонецкие мануфактуры характеризуются такой типично капиталистической чертой, как широко распространенное разделение труда и соответствующая ему дифференцированная система заработной платы, которая оказывала большее стимулирующее воздействие на рабочую силу, чем внеэкономическое принуждение. Здесь А. П. Глаголева видит зародившийся в лоне феодализма эмбрион будущих капиталистических отношений²⁶.

Различающиеся в упомянутых нюансах точки зрения Е. И. Заозерской и А. П. Глаголевой объединяет убежденность обоих исследователей в крайней сложности социально-экономической природы петровской мануфактуры. Эти предприятия — если учитывать самое существенное — были организованы на феодальной основе. Но главные отличительные черты крепостничества перемежались здесь с капиталистическими элементами. Другими словами, речь может идти о смешении старого и нового, о борьбе между двумя тенденциями, имевшими противоположную направленность²⁷.

²⁵ Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I, с. 136, 145—146, 149; Она же: Развитие легкой промышленности..., с. 11, 502. Об осторожной научной позиции Е. И. Заозерской при ее участии в дискуссии о переодизации см. в: Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis, s. 139—140.

²⁶ Глаголева А. П. Олонецкие заводы, с. 228—229, 235. Диаметрально противоположную картину системы оплаты труда и относительного значения внеэкономического принуждения на Олонецких мануфактурах рисует А. М. Панкратова в «Формировании пролетариата...», с. 277—278. Она считает весьма существенным и тот факт, что экспроприированные производители попадали в крепостную зависимость по отношению к предприятию.

²⁷ Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности..., с. 11; Глаголева А. П. Олонецкие заводы, с. 227—228, 231. Для исследователей, которые считают, что основной чертой петровской мануфактуры были крепостные отноше-

Реже встречается точка зрения, наиболее категорично сформулированная С. Г. Струмилиным, в соответствии с которой петровская мануфактура определяется как сугубо капиталистическая. Опираясь на результаты статистической обработки цифрового материала (частично введенного им в научный оборот впервые), этот выдающийся советский экономист утверждает, что контингент вольнонаемных рабочих был гораздо шире, чем считалось ранее. По более важную, решающую, по мнению С. Г. Струмилина, роль играл тот факт, что рабочие всех категорий получали заработную плату. Это — чисто капиталистический элемент, составляющий резкий контраст по отношению к нормам феодального общества, чьим обязательным атрибутом является натуральная экономика.

Таким образом, советский ученый интерпретирует доминировавшие в промышленности «отношения лично-крепостной зависимости» как чисто внешнюю, юридическую форму, скрывающую социально-экономическое содержание, бывшее по своей сути капиталистическим²⁸. С. Г. Струмилин исследовал в первую очередь период с 1701 по 1724 гг., отрезок времени, который по сравнению с темпами промышленного развития

ния, характерно то, что они придают государственной власти, опиравшейся на помещиков («феодальное государство» или «крепостническое государство»), существенное значение в процессе индустриализации. При этом, чем более важную, по мысли историков, роль играло в этом процессе участие государственной власти, тем сильнее они подчеркивают, что природа мануфактуры была в этот период крепостнической. См. также выше, примеч. 13—14.

²⁸ Струмилин С. Г. История черной металлургии в России. М., 1954, т. I, с. 183, 262—263, 267—268, 315. Об участии С. Г. Струмилина в дискуссии о периодизации см.: Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis, s. 131—139, 156. Судя по работе Б. Б. Кафенгауза «Die wirtschaftliche Entwicklung» (см. с. 226), этот историк полностью принимает аргументацию С. Г. Струмилина. Но одновременно он подчеркивает наличие на предприятиях как переменного, так и постоянного капитала. В своем фундаментальном труде по этому периоду «Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII века», М., 1958, с. 320, Б. Б. Кафенгауз утверждает, что упрочение буржуазных отношений как следствие экономического роста и образования торговых связей в России особенно характерно для первой четверти XVIII в.

предыдущего столетия характеризовался столь мощным ростом производства, сопровождавшимся возрастанием товарооборота на внутреннем рынке на 76 %, что, по мнению ученого, именно эти годы можно квалифицировать как решающую эпоху, ознаменовавшуюся «скачком, в результате которого в феодальной экономике возникает капиталистический» «уклад»²⁹.

Сосуществование капиталистической, помещичьей и «феодализованной» мануфактур

Ф. Я. Полянский в своей крупной работе 1956 г. критикует участников рассмотренной выше дискуссии за то, что они «сваливали в одну кучу все типы мануфактур и затем приклеивали ярлыки». Вместо подобных оценок и необоснованных обобщающих выводов относительно того, в какой степени мануфактурный комплекс в целом может характеризоваться как крепостнический или капиталистический, нужно, по мнению Ф. Я. Полянского, использовать дифференцированный подход, то есть, исследовав историю отдельных мануфактур, попытаться научно их классифицировать. Сам Ф. Я. Полянский, проведя такое исследование, пришел к выводу, что мануфактуры можно разделить по их социально-экономической природе на три основные группы, существовавшие одновременно, а именно: капиталистические, помещичьи и «феодализованные» мануфактуры, из которых наибольшее распространение получили последние³⁰. Наконец, когда Ф. Я. Полянский сам переходит к «наклеиванию ярлыков», он утверждает, что «по своему генезису русская ману-

²⁹ Струмилин С. Г. О внутреннем рынке России XVI—XVIII вв.; (По поводу книги Б. Б. Кафенгауза) — История СССР, 1959, № 4, с. 79; Он же: К вопросу об экономике..., с. 187.

Относительно неточности содержания в понятии «уклад» см.: Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis, s. 61—62, 108ff, 139, а также: «Переход от феодализма к капитализму», с. 389.

И. И. Лященко в своей книге «История народного хозяйства СССР. Докapиталистические формации». М., 1956, т. I, с. 388, указывает, что ускорение роста промышленности было настолько значительным, что можно говорить о возникновении капиталистического уклада в годы правления Петра I. (Это посмертное издание вышло благодаря заботам С. Г. Струмилина.)

³⁰ Полянский Ф. Я. Экономический строй..., с. 55—56, 225—226, 448—449.

фактура XVIII в. в основном была капиталистической», вследствие чего и капиталистический уклад в промышленности России сложился уже в эпоху Петра I³¹.

Переход от капитализма к феодализму

Под определением «феодализованная» мануфактура Ф. Я. Полянский подразумевает преимущественно посессионную мануфактуру (то есть капиталистические со дня основания предприятия, созданные на базе капитала торговых и промышленных домов) с использованием наемной рабочей силы, но, кроме того, частично располагавшую определенным контингентом лично зависимой рабочей силы, которую предприниматели получали в качестве поддержки от государства или покупали в соответствии с положением 1721 г. К этой же категории Ф. Я. Полянский отчасти относит и государственные предприятия, которые производили продукцию не только исключительно для нужд дворцовой экономики и которые с момента создания обслуживались значительным количеством вольнонаемной рабочей силы. И если оригинальный термин «феодализованная» мануфактура был встречен — как того и ожидал автор³² — советскими историками с немалым скепсисом, то случилось это, очевидно, не столько из-за его гетерогенного смыслового содержания, сколько благодаря тому обстоятельству, что он нес в себе указание на процесс обратного перехода от капитализма к феодализму. Собственно, и у самого Ф. Я. Полянского время от времени проскальзывает мысль о том, что чисто капиталистические предприятия с начала XVIII в. и на протяжении последующих десятилетий в целом «извращались», в результате чего они под влиянием феодального общества и абсолютистской государственной власти, так сказать, переняли крепостничество³³.

³¹ Полянский Ф. Я. Экономический строй..., с. 449.

³² Там же, с. 47.

³³ Там же, с. 32, 422. М. Н. Покровский в своей «Русской истории...», кн. I, с. 560—561, также утверждал, что абсолютизм Петра I губил чисто капиталистическое развитие промышленности. Ученица, а впоследствии оппонент Покровского А. М. Панкратова в работе «Формирование пролетариата в России» полагает, что вольнонаемная рабочая сила была вытеснена принудительно рекрутированной в период правления Петра I (с. 356).

Впрочем Ф. Я. Полянский в своем убеждении не одинок. Уже в первой, 1947 г., монографии Е. И. Заозерская не менее категорично, чем Полянский, настаивает на том, что петровская промышленность в своем росте обгоняла увеличение рынка свободной рабочей силы и что Петр, первоначально пытавшийся было принудить фабрикантов использовать только вольнонаемную рабочую силу, затем вынужден был это требование отменить и издать положение 1721 г., согласно которому промышленникам на определенных условиях давалось разрешение на покупку крепостных целыми деревнями. В свою очередь это обусловило появление «крепостнической тенденции» в истории развития мануфактуры послепетровского периода³⁴. Но в декларативной форме эта точка зрения излагается лишь в последней из трех основных работ А. И. Заозерской по истории промышленности (1960 г.), в которой выдвинут тезис о «зигзагообразном пути» развития мануфактуры в XVIII столетии. Период, начинающийся со смерти Петра и до 1740 г., характеризуется здесь как регрессивный, несущий на себе печать процесса «феодализации» мануфактур³⁵.

Несмотря на то что тема генезиса капитализма в 1960-х гг. снова стала предметом глубоких теоретических изысканий и обсуждений, вопрос о том, в какой мере петровский мануфактурный комплекс может характеризоваться как крепостнический (или капиталистический), по-прежнему остается спорным в совет-

³⁴ Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I, с. 112, 132 и далее, 136—137, 146, 149. Автор полемизирует с М. И. Туган-Барановским, который выдвинул схожую точку зрения в своей основополагающей работе об истории промышленности «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (первое издание этой книги вышло еще в 1898 г.). Создается впечатление, что полемика между двумя авторами возникла прежде всего по поводу той внезапности, с которой положение 1721 г. отметило новые тенденции в ходе развития мануфактуры. Об истолковании этого положения в рамках дискуссии о периодизации см.: Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis, s. 120, 133. Отсюда следует также, что Ф. Я. Полянский в значительной степени использовал методикку Е. И. Заозерской. Ср.: Полянский Ф. Я. Экономический строй..., с. 33.

³⁵ Заозерская Е. И. Рабочая сила..., с. 5, 32, 430—431.

ской историографии³⁶. В современной полемике по проблемам петровской промышленности упомянутый вопрос несколько отошел на второй план. Историки склонны ныне ограничиваться констатацией факта одновременного широкого применения и принудительного, и наемного труда.

В последнее время научные споры разгорелись главным образом по проблемам направления развития петровской промышленности. Одновременно в более глубоком теоретическом плане был подвергнут обсуждению вопрос о том, в какой степени распространение свободного оплачиваемого труда может рассматриваться как обратимый процесс³⁷. Таким образом, судя по ходу дискуссии, ее дальнейшее направление определяли точки зрения Ф. Я. Полянского и Е. И. Заозерской.

Дебаты об абсолютизме, в рамках которых рассматривались проблемы социальной сущности государственной власти и ее функции в экономическом развитии страны³⁸, в решении вопроса о социально-экономической природе мануфактуры петровского периода видимых следов не оставили. То же самое можно сказать и по отношению к попыткам классификации принадлежащих государству предприятий.

Остальные аспекты экономической политики Петра гораздо менее спорны, хотя историки и обнаружили известный интерес к его торговой и таможенной политике³⁹. Ощущается отсутствие специальных исследований о деятельности Петра I по развитию внутренней транспортной сети, нашедшей свое выражение в строительстве каналов.

³⁶ Ср.: Кошман Л. В. Русская дореформенная буржуазия. с. 86.

³⁷ Ср.: Шапиро А. Л., Козинцева Р. И. Промышленно-экономическая политика русского правительства в царствование Петра I. — В кн.: Сборник документов по истории СССР./Ред. Мавродин В. В. Ч. V, XVIII век. М., 1973, с. 15.

³⁸ См.: гл. I, примеч. 40—44.

³⁹ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Спб., 1899; Шапиро А. Л. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. — Исторические записки, 1948, кн. 37, с. 202—239; Kahan A. Observations on Petrine Foreign Trade (Canadian-American Slavic Studies, vol. VIII, p. 222—236).

Если не считать небольших статей, стремление Петра внести перемены в экономику сельского хозяйства также не стали предметом специальных изысканий⁴⁰. Сравнительно подробно изучен лишь процесс складывания сельского «мира», причем некоторые авторы рассматривают его как результат петровской податной реформы^{41*}.

КАКИМИ БЫЛИ МОТИВЫ ПЕТРОВСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ?

Социальные реформы Петра I всегда привлекали пристальное внимание историков, а в научном их обсуждении наметилось два основных подхода. В то время как одни исследователи анализировали мотивации собственно социальной политики и социальных взглядов петровского правительства, другие — ставили себе целью установить последствия всех преобразований как для структуры общества в целом, так и для развития отдельных его социальных групп (в основном, дворянства и крестьян). Однако далеко не все авторы проводили четкую грань между мотивами законодательных актов и их последствиями. Замечание это относится в основном к советской историографии до 1964, когда доминировала чрезвычайно лаконичная точка зрения: функцией государства по отношению к обществу являлась охрана интересов господствующего класса. Других «объективно» возможных направлений государственной политики просто не существовало, зато правительство могло быть в достаточной степени уверено в ее результатах, ибо господствующий класс был заинтересован в постоянном проведении такой политики. Но если руководствоваться данным положением, то различие между причинами и следствиями выглядит как к делу не относящееся: ведь обе его части в основе своей что-то само собой разумеющееся, если априори

⁴⁰ Львов А. П. Попытки Петра I к распространению среди русского народа научных сельскохозяйственных знаний. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете, 1892, кн. 1, ч. III, с. 4—11.

⁴¹ Об этой дискуссии см.: Goehrke C. Die Theorien über Entstehung und Entwicklung des «Mir», Wiesbaden, 1964.

установлено, кто конкретно входит в понятие «господствующий класс». Поэтому не столь уж неожиданно эта типичная точка зрения была охарактеризована как результат скорее интерпретации, чем собственно исследовательской работы⁴².

Интересы господствующего класса

Тот факт, что в советской историографии названного периода обнаружались значительные расхождения в истолковании петровской социальной политики, объясняется отсутствием единого ответа на вопрос: какой класс в эпоху Петра был господствующим?⁴³ Согласно теории М. Н. Покровского, доминировавшей до 1934 г., власть в обществе в ту эпоху перешла к капиталистическому купечеству, которое создало свою «буржуазную администрацию» и влияло на принимаемые политические решения; при этом личное значение правителя как движущей силы в процессе преобразований было минимальным.

Совершенно иным по своей сути было определение расстановки классовых сил, которое составило основу научного положения, сменившего теорию М. Н. Покровского, и которое отстаивалось на протяжении последовавших трех десятилетий. Положение это, идентифицировавшее с господствующим классом помещичье дворянство (и поэтому характеризовавшее петровское государство как «национальное государство помещиков» или «диктатуру дворянского класса»), было более нюансированным — или, другими словами, менее последовательным, — чем теория М. Н. Покровского. Во-первых, здесь нет недооценки роли личности Петра⁴⁴. Во-вторых, в новом положении утверждалось, что правительственная политика формировалась в соответствии не только с интересами правящего класса, но и в известной степени с интересами растущих социальных прослоек купцов и ремесленников. Хотя отдельные

⁴² Ср.: Vierhaus R. «Absolutismus» (Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie. Bd. I. Freiburg — Basel — Wien, 1966), S. 23. О недопустимости ограничения идеологии Петра от «конкретных исторических условий» см.: Бахрушин С. В. О классовой природе монархии Петра I, с. 92.

⁴³ См. также гл. I, примеч. 33—35.

⁴⁴ См., например, рецензию Б. Лебедева и С. Юшкова. — Исторический журнал, 1944, № 10—11, с. 131.

исследователи и указывали, что Петр в своем стремлении поддержать владельцев заводов и фабрик ущемлял в некоторых случаях привилегии дворянства⁴⁵, но, по общему мнению, какого-либо заметного расхождения между интересами обоих классов пока еще не наблюдалось. Поэтому двойственная природа господствующего класса не могла еще усложнить петровскую социальную политику в такой степени, чтобы стало необходимым ее конкретное изучение⁴⁶. Отсюда становится понятным, почему подобного рода исследования в советской историографии указанного периода встречались весьма редко. На передний план выдвигались такие, например, факты, как предусматривавшиеся петровской юрисдикцией смягчения для дворян при допросах или при выборе наказания⁴⁷, что же касается социально-политических идей Петра I, то они были подробно отражены в работах, основанных на исследованиях опубликованных законоположений⁴⁸.

⁴⁵ Шапиро А. Л. Крестьяне. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 177; Струмилин С. Г. К вопросу об экономике..., с. 183; Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России, с. 357.

⁴⁶ См.: Сахаров А. М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России. — Вопросы истории, 1959, № 1, с. 105.

⁴⁷ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957, с. 51—52, 55, 67—68. Автор весьма последовательно проанализировала те дела, которые наилучшим образом могли осветить социальные противоречия петровской эпохи (с. 7). Кроме того, см.: Сальман Г. Я. Морской устав 1720 года. Первый свод законов русского флота. — Исторические записки, 1955, т. 53, с. 322. Несколько иной точки зрения на петровскую юрисдикцию придерживался Романович-Славатинский А. (Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Спб., 1870, с. 230—232), а также Бетяев Я. Д. (Общественно-политическая и философская мысль в России в первой половине XVIII века. Саранск, 1959, с. 83, 87).

⁴⁸ В своем очерке «Общественно-политическая мысль» (В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма...) Б. Б. Кафенгауз утверждает, что понятие «общее благо» воспринималось как полностью соответствующее интересам правящего класса (с. 646). См. также: Стешенко Л. А., Софроненко К. А. Государственный строй России..., с. 34. Я. Д. Бетяев проводит грань между миром представлений Петра I и реальной действительностью, что является типичным (Общественно-политическая и философская мысль..., с. 65—66, 70—71).

Напротив, как указывал один из сторонников высказанной точки зрения, пока не обнаружены конкретные примеры оказания господствующим классом давления или влияния на политические решения правительства⁴⁹. Соответствующий том концептуально-аналитического труда Н. А. Воскресенского, стремившегося выяснить, какие конкретно лица, социальные группы и институты выдвигали законопроекты и разрабатывали законодательные акты, остался неопубликованным⁵⁰.

Между тем начиная с 1960-х гг. советские историки все шире исследуют проблему соотношения интересов господствующего класса и государства. Так, в ходе дискуссии о российском абсолютизме многие участники ее подчеркивали «слабость» дворянства, особенно в петровскую эпоху; но хотя эта точка зрения и представляется крайне спорной, создается впечатление, что ученые пришли к общему согласию относительно того, что абсолютизм в любом случае не был подвержен «непосредственному политическому контролю» со стороны правящего класса и что петровское государство, по крайней мере в ряде случаев, могло смело проводить политику, шедшую вразрез с интересами дворянства^{51*}. Подобная постановка проблемы может, вероятно, служить объяснением, отчего петровская социальная политика стала в последнее время предметом глубоких конкретных исследований, результаты которых будут рассмотрены нами ниже.

Интересы государства

Ряд исследователей, проделавших более или менее глубокий анализ комплекса представлений о государ-

⁴⁹ Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. — В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.), с. 165 Панкратова А. М. (в работе «Формирование пролетариата в России») полагает «прямое давление» помещиков на правительство не требующим доказательств.

⁵⁰ Этот том, законченный в 1942 г., назывался «Акты об общественных классах». Он хранится в виде рукописи в собрании ОРФ ИИ СССР. До сих пор был использован, кажется, только в работе С. М. Троицкого (Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, напр. с. 21). О работе Н. А. Воскресенского см. также выше, гл. I, примеч. 49.

⁵¹ Ср.: Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России, с. 66, 71—72, 85—87.

стве и идеологии петровского общества, приняли, в отличие от традиционных положений советской историографии, ту точку зрения, согласно которой социальная политика Петра не была мотивирована интересами только какой-либо одной социальной группы или класса, но, напротив, имела четко декларированную цель — служить всем. Говоря точнее, в официальной публицистике и преамбулах законодательных актов главное место отводится понятию «общее благо», которое Петр воспринял из политической философии Запада*.

Это чрезвычайно емкое и эластичное понятие предоставляло правительству широкий простор для его произвольных толкований. Поскольку осуществление идеи «общего блага» ставило перед государством ничем принципиально не ограниченные задачи, она служила также великолепным средством узаконения неограниченных прав монарха.

Далее, для идеологии самодержавия характерным было то, что она раскалывала одно целое надвое, проводя разграничительную линию между, с одной стороны, бесправным народом, общее благосостояние которого должно было претвориться в жизнь, и, с другой стороны, всемогущим государством, обладавшим монополией в определении целей и средств в любой конкретной ситуации. Впрочем, на практике благо народа толковалось в соответствии с собственными интересами государства, отчего и понятие «общее благо» в петровском законодательстве употреблялось как синоним понятию «государственный интерес»⁵². Контрастом к вышеизложенной точке зрения звучит полемическое замечание А. Гершенкрона: «Петровское государство не было государством того или иного класса. Это было государство государства» («It was the State's State»)⁵³.

⁵² Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство, с. 5, 14 и далее, 38—41; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого, с. 19—20; 24; Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility*. N.-Y., 1966, p. 35—36; Павленко Н. И. *Peter I...*, с. 56, 60—64; Wittram R. *Peter I*. Bd. II, S. 122, 125—126.

⁵³ Gerschenkron A. *Europe in the Russian Mirror*, p. 79.

Нивелирование и индивидуализация общества

Затем возникает следующий вопрос, а именно: чьи в первую очередь интересы неуклонно соблюдало государство в рамках социальной целостности? На него историками даются весьма разнообразные ответы. Некоторые ученые указывали, что европейский абсолютизм в общем стремился нивелировать и индивидуализировать общество и что эта тенденция также нашла выражение в социальной политике Петра, например в Табели о рангах 1722 г. Здесь основное внимание уделялось индивидуальным достижениям, Табель должна была дать членам непривилегированных слоев общества возможность дослужиться до более высокого социального статуса.

Но еще ярче обнаружилась эта тенденция в стремлениях Петра I увеличить обязанности сословий по отношению к государству и охватить ими такие группы населения и отдельных лиц, которые их пока еще не имели. Важным мотивом политики Петра было стремление организовать, как тогда говорили, «всеобщую службу», которая позволила бы дать всем категориям населения и отдельным лицам одинаковый статус служителей государственной власти. Таким образом, равенство, которое царь во имя всеобщего блага стремился внедрить в обществе, было не столько равенством в правах, сколько равенством в обязанностях, хотя социальные группы и имели качественно отличавшиеся обязанности⁵⁴.

Однако встречались и такие авторы, которые считали этот идеал равенства русского самодержавия чем-то позитивным и «демократичным», предтечей будущего буржуазно-конституционного строя⁵⁵.

⁵⁴ Рейснер М. А. Общественное благо..., с. 14, 40—44, 97—98; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 124—125; Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, N. J., 1972, pp. 414—415. Здесь в противоположность предыдущим работам социальная политика Петра характеризуется как традиционная, старомосковская.

⁵⁵ Ср.: Рейснер М. А. Общественное благо..., с. 98. См. также: Аврех А. Я. Русский абсолютизм..., с. 93. Особую точку зрения имеет Я. Д. Бетяев, делающий сильный акцент на «гуманизме» и «уважении к личности» Петра (Общественно-политическая и философская мысль..., с. 70, 73—78, 82—87, 91, 112).

Стирание сословных границ

Многие историки полагают, что Петр I в своем стремлении добиться максимальной отдачи от своих подданных по отношению к государству предпочитал, как правило, строить новое на фундаменте существующей сословной структуры, постепенно увеличивая тяготы отдельных сословий. В этом его политика отличалась от политики западного абсолютизма, который стремился прежде всего разрушить здание средневекового общества ^{56*}.

Но есть и другое мнение, согласно которому Петр считал необходимым регулировать социальные функции, стирая традиционные сословные границы. Так, Х. Фляйшхакер считал, что Указ о единонаследии 1714 г., это «любимое детище социального законодательства Петра», был составлен таким образом, чтобы заставить не обладавших правом наследования помещичьих сыновей искать иных средств к жизни — прежде всего в сфере торговли и промышленности — и тем самым способствовать созданию предприимчивого третьего сословия ⁵⁷.

Однако не случайно, что именно этот указ из преобразований Петра принадлежит к наиболее дискуссионным. По мнению Р. Виттрама, этот указ — типичное выражение «многоцелевого мышления» («Mehrzweckdenken») реформатора, отчего его нельзя анализировать односторонне, только как содействовавший сословной мобильности, хотя многие другие законоположения дают основания для подобной оценки ⁵⁸.

⁵⁶ Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 149, 541; Павленко Н. И. Петр I..., с. 65, 77.

⁵⁷ Fleischhacker H. 1730. Das Nachspiel der petrinschen Reform (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 6, 1941), S. 268—270. М. М. Богословский также подчеркивает стремление Петра создать третье сословие по европейскому образцу (Петр Великий..., с. 94). См. также: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. — Сочинения. Спб., 1909, т. I, с. 225, 231.

⁵⁸ Wittram R. Peter I. Bd. II. S. 39—40, 45—46, 130—133. На с. 142 подчеркивается, что определяющим моментом при проведении Петром его политики были служебные качества, а не сословная принадлежность.

Поддержание социального равновесия

Некоторыми советскими авторами было выдвинуто следующее положение: петровское самодержавие обязано своей сравнительной самостоятельностью по отношению к обществу установившемуся состоянию приблизительного равновесия между факторами социальных сил. Если государственная власть стремилась к усилению своей автономии, то она, естественно, была заинтересована в поддержании такого баланса, вступая для этого в альянс с теми или иными социальными силами, занимавшими враждебные по отношению друг к другу позиции. Таким образом, подобная социальная политика должна была ориентироваться скорее на интересы социальных групп, чем на значение их функций по отношению к государству.

Но поскольку эти историки давали весьма несхожие оценки соотношению сил между компонентами баланса власти, то они не смогли прийти к единому выводу и относительно социальных союзников абсолютной монархии. По И. А. Федосову и С. М. Троицкому, социальная политика Петра I была нацелена на усиление нового служилого дворянства (из числа мелких и средних дворян), а также, в известной степени, и нарождавшейся буржуазии — в противовес старой аристократии, что и было декларировано, к примеру, Указом о единонаследии 1714 г. и Табелью о рангах 1722 г.⁵⁹ Но, согласно Б. И. Сыромятникову, Петр I ополчился на интересы всего дворянства, стремясь укрепить буржуазию поддержкой торговли и промышленности; особенно отчетливое выражение эти «антидворянские тенденции» петровской социальной политики получили в попытках ограничить крепостное право, которые Б. И. Сыромятников документально подтверждает Указом о единонаследии 1714 г. и Инструкцией для воевод 1719 г.⁶⁰

⁵⁹ Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма, с. 58—59; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 86—87, 113, 116 и далее. В вводной главе данного труда (с. 12, 23, 31 и 46) выдвинута уклончивая точка зрения о том, что абсолютистское государство было орудием, служившим интересам господствовавшего класса — помещиков.

⁶⁰ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство..., с. 124, 139, 144 и далее, 152.

КАКОЙ БЫЛА ПОЛИТИКА ПЕТРА I ПО ОТНОШЕНИЮ К ОТДЕЛЬНЫМ СОСЛОВИЯМ?

Точка зрения Б. И. Сыромятникова принадлежит к числу наиболее дискуссионных в литературе, посвященной петровской социальной политике. Наименее полемичным при этом является акцентирование им факта симпатий Петра к купцам и промышленникам (фабрикантам). Однако, согласно общепринятому мнению, поддержка царем этих экономически активных групп населения объясняется расчетом Петра на то, что торговля и промышленность, развиваясь, будут способствовать обогащению государственной казны⁶¹.

Таким образом, утверждение Б. И. Сыромятникова относительно того, что для Петра весьма важным было именно облегчение положения крепостных, не получило поддержки. Хотя, с другой стороны, доказывалось также, что в отношении царя к крепостным крестьянам прослеживается некоторая гуманность⁶², а тот факт, что он время от времени обращался к помещикам с призывами не перегружать крепостных излишними повинностями, истолковывался чаще всего как забота о последних — но лишь как о плательщиках государственных податей, а не как о своих ближних⁶³.

Особенно ярко соперничество между государством и помещиками из-за получения доходов с крепостных крестьян показано в последних советских исследованиях. В них подчеркивается, что увеличение массы налогов во время петровского правления происходило за счет повышения главным образом феодальной ренты⁶⁴.

⁶¹ Платонов С. Ф. Лекции..., с. 511—512; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 108; Павленко Н. И. Петр I..., с. 69—71; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 46—47.

⁶² Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Спб., 1888, т. I, с. 3—4; Bonnesen S. Peter den Store. Stockholm, 1925, s. 279—280.

⁶³ Ср. Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 165—166, 545—546.

⁶⁴ Тихонов Ю. А. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги). — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 214; Он же: Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974, с. 303; Павленко Н. И. Петр I..., с. 65—67.

Сказанное не означает, впрочем, что Б. И. Сыромятников имел сторонников, целиком и полностью поддерживавших его тезис о том, что политика Петра I была отмечена прежде всего антидворянскими тенденциями. Несмотря на то что в дореволюционной литературе и подчеркивались негативные санкции (среди прочего — конфискации имений), применявшиеся Петром с целью принудить дворянство исполнять свои возросшие обязанности⁶⁵, а в литературе более позднего периода указывалось, что введение пожизненного срока несения государственной службы отнимало у дворянина возможность вести хозяйство в имении⁶⁶, все же более распространенным является мнение о том, что Петр в целом не был заинтересован в ослаблении позиций дворянства, ибо он нуждался в этом человеческом материале при комплектовании нового государственного аппарата. Так, Н. И. Павленко определяет стремление Петра к «общему благу» буквально, как способность подданных служить государственному интересу⁶⁷.

По мнению Р. Виттрама, упомянутая весьма широкая заинтересованность неслала в себе и отдельные конфликтные моменты, из-за которых петровская социальная политика вступала в противоречие сама с собой, например в области законодательства, касавшегося побегов крепостных крестьян. В целом оно предусматривало насильственное возвращение беглых их бывшим владельцам, но положение это не затрагивало крепостных, принятых на военную службу или осевших около новой столицы. Особенно непоследовательной становилась позиция правительства, когда дело касалось беглых крестьян, зачисленных на мануфактуры, — если Петр лично был, согласно некоторым данным, склонен покровительствовать в этом конфликте

⁶⁵ Романович-Славатинский А. Дворянство в России..., с. 122—124, 182—183; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди, с. 224, 250—253; Платонов С. Ф. Лекции... с. 507.

⁶⁶ Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great. Englewood Cliffs. N. J., 1969, p. 102—103; Raeff M. Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia. New York. 1971, p. 106; Павленко Н. И. Петр I..., с. 73—74.

⁶⁷ Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975, с. 280; Он же: Петр I, с. 77.

промышленникам, то Сенат, как доказывает Р. Виттрам, представлял интересы помещиков⁶⁸.

Те весьма немногочисленные авторы, которые приводили примеры выступления Сената в качестве рупора дворянства в центральной законодательной системе, подчеркивали тем не менее большое значение личного вклада Петра в социальные преобразования⁶⁹. Подобная оценка роли царя при выработке решений в области законодательства, вероятно, составила основу мнения, высказанного некоторыми историками относительно того, что год смерти Петра стал поворотным пунктом в социальной истории России XVIII в. — ведь именно после его смерти благо государства было принесено в жертву интересам дворянства^{70*}.

КАКИМИ БЫЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМ?

Многие историки убеждены, что последствия петровских реформ для российского общества были значительными и долговременными⁷¹. Но последствия эти характеризуются главным образом как побочные результаты военных, административных или экономических преобразований. За исключением Табели о рангах 1722 г. (итоги введения которой также характеризуются как отчасти незапланированные⁷²), сама социальная политика, как таковая, напротив, обычно рассматривается или, исходя из ее целенаправленности,

⁶⁸ Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 159—164.

⁶⁹ Там же, с. 54, 164, 540—541, 544—545; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 47, 64, 73, 77, 86—87, 104—105, 109—110, 116. О функции местного управления по отношению к интересам государства и социальных классов см.: Богословский М. М. Областная реформа..., с. 108—109, 128, 448, 513—519, а также: Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России..., с. 78—91 и Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 138.

⁷⁰ Blum J. Lord and Peasant, p. 351; Павленко Н. И. Петр I..., с. 69.

⁷¹ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 64, 70; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 13f., 145; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great, p. 91, 94, 96; Anderson M. S. Peter the Great, p. 27; Crummeу R. O. Peter and the Boiar Aristocracy, 1689—1700 (Canadian-American Slavic Studies, v, VII, 1974), p. 274, 287.

⁷² Wittram R. Peter I. Bd. II. S. 150,

как оказавшая в некоторой степени революционизирующее воздействие, или, судя по ее результатам, как довольно малоуспешная — последнее мнение выступает особенно четко в оценках Указа о единонаследии 1714 г.

Рост социального неравенства

Согласно распространенному среди советских историков мнению, в период правления Петра I в российском обществе не произошло никаких структурных (или радикальных) изменений. Поскольку петровское государство функционировало в качестве инструмента правящего класса, преобразования содействовали лишь росту социального неравенства, укреплению господствующего класса за счет эксплуатируемых слоев населения.

Все, что осталось после смерти Петра, было в целом несколько искаженным вариантом того общества, которое он принял, вступая на престол; качественно же новые тенденции в социальном прогрессе с достаточной силой еще не проявились. Подобный тезис наиболее отчетливо представлен в военно-исторических сочинениях, где подчеркивается предназначенность регулярной армии для подавления крестьянских восстаний и воспитания солдат-крепостных в духе, удобном дворянам-офицерам⁷³.

В противоположность этой конкретной точке зрения, где акцентируется внимание на противоречиях как в армии, так и в обществе, существует, с другой стороны, убеждение в том, что военные реформы оказывали скорее интегрирующее воздействие: введением рекрутской системы было устранено не только глубокое различие между «тяглыми» и «служилыми» группами населения. Молодые дворяне отныне также должны были начинать свою военную карьеру в шеренгах ря-

⁷³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, с. 142, 145, 639 и далее; Голикова Н. Б. Из истории классовых противоречий в русской армии (1700—1709). — В кн.: Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. [Сб. статей.]/Под ред. Бескровного Л. Г. М., 1959, с. 269 и 285; Клокман Ю. Р. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX в. в советской историографии. — Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969, с. 30.

довых солдат, бок о бок со своими крепостными и батраками⁷⁴.

Более четкое разделение общества

Впрочем, не все советские историки склонны подчеркивать дифференцирующее воздействие преобразований на общество. Согласно другой распространенной точке зрения, царь при помощи подушной переписи, смотров (на которые должны были в числе служилых являться и дворяне) провел всеобщую регистрацию своих подданных с целью рационализации функций общества по отношению к государству. Тем самым пестрая масса различных живших до того свободно или без особых обязательств групп населения была распределена по основным социальным категориям, а их обязанности по отношению к государству одновременно возросли и уточнились.

В результате этого процесса (который был охарактеризован В. О. Ключевским как «генеральная чистка общества») исчезли межгрупповые прослойки, а сословия получили более резкие и ёмкие очертания⁷⁵.

Учреждение сословий как таковых

Весьма дискуссионен и сам вопрос, имелись ли в допетровской России сословия в западноевропейском понимании этого слова⁷⁶. Некоторые авторы увидели

⁷⁴ Puttkamer E. v. Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Grossen (Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 19, 1958), S. 374f.; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 70—71; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 519; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 14. По данному поводу М. М. Богословский утверждает, что введением подушной подати Петр I расколол российское общество на две резко отличавшиеся группы: члены одной из них платили подать, входившие во вторую — служили (Петр Великий..., с. 79).

⁷⁵ Ключевский В. О. Сочинения, т. 4, с. 94, 99 и далее, 212; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 506, 508—512; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 78—79, 91—92; Blum J. Lord and Peasant, p. 274, 277, 345, 414—415, 478—479.

⁷⁶ Об этой полемике см.: Stökl G. Gab es im Moskauer Staat «Stände»? (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., 11, 1963), S. 321—342; Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden, 1974, S. 271—283; Преображенский А. А. Об эволюции классово-сослов-

в шедшем при Петре I процессе более четкого отграничения основных категорий населения друг от друга свидетельство введения сословных принципов вообще или их утверждение в России ⁷⁷.

Повышение социальной мобильности

Сторонники упомянутых выше точек зрения полагают также, что петровские преобразования не нарушали структурную основу общества, а, напротив, делали ее более зримой, что они в целом не создали в обществе большего равенства, хотя и уравнивали в правах группы внутри основных категорий населения. По мнению многих ученых, Петр I все же дал русскому обществу нечто принципиально новое — он издал Табель о рангах, которая стала источником, основой новой социальной динамики, а также большего равенства для членов общества по отношению к возможностям повышения социального статуса любого отдельного лица *.

Но в то время, как эти историки утверждали, что подобное нововведение настуже распахнуло двери в дворянство для государственных служащих низкого происхождения ⁷⁸, другие авторы предостерегали от опасности переоценки «демократизма» этого положения, подчеркивая прежде всего то, что возможности прос-

ного строя в России. — В кн.: Общество и государство феодальной России. [Сб. статей.] / Под ред. Пашуто В. Т. М., 1975, с. 67—68.

⁷⁷ Рейспер М. А. Общественное благо..., с. 97—98; Bonnesen S. Peter den Store, s. 274—275; Becker Ch. Raznochintsy: The Development of the Word and of the Concept (The American Slavic and East European Review, XVIII, 1, 1959), p. 63—64, 67; Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. I, с. 332—333; Троицкий С. М. Русское дворянство XVIII века в изображении американского историка. — История СССР, 1970, № 5, с. 208—209; Freeze G. L. Social Mobility and the Russian Parish Clergy in the Eighteenth Century (Slavic Review, 33, 4, 1974), p. 641—642. См. также ниже, гл. IV, примеч. 70.

⁷⁸ Романович-Славатинский А. Дворянство в России..., с. 14—15; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 92; Becker Ch. Raznochintsy, p. 65—66; Raeff M. Origins, p. 40. О предполагавшемся влиянии политики в области образования на социальную мобильность см.: Okenfuss M. J. The Jesuit Origins of Petrine Education (Garrard J. G. (ed.) The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973), p. 130.

тых людей дослужиться до более высокого статуса были ограничены разного рода препятствиями ⁷⁹.

За последние 10—15 лет советскими историками предпринимались попытки эмпирическим путем установить степень социальной мобильности, возникшей при Петре вследствие перестройки государственного аппарата и введения Табели о рангах. Так, М. Д. Рабинович доказывал, что около 62 % офицерского корпуса в 1720—1721 гг. было рекрутировано из русского дворянства. В то же время 14 % офицеров (из них половина происходила из несвободного с фискальной точки зрения сельского населения) были русские выходцы из низов, которые в 1722 г. получили наследственное дворянское право согласно Табели о рангах ⁸⁰.

С. М. Троицкий, который в своей монографии о Табели и последствиях ее введения исследовал социальный состав бюрократии к середине 1750-х гг. (т. е. поколением позже издания этого законоположения), пришел к выводу, что около 47 % дворян-чиновников стали членами привилегированного сословия благодаря государственной службе, хотя 85 % этих «новых людей» получили лишь личное дворянство. Для С. М. Троицкого цифры эти — доказательство того, что Табель о рангах была источником возникновения среди русского населения значительной вертикальной мобильности. Но, по его мнению, все же мобильность от поколения к поколению играла здесь еще большую роль, чем выслуга, поскольку значительная часть аноблированных чиновников вышла из канцеляристов-недворян ⁸¹.

⁷⁹ Бахрушин С. В. О классовой природе..., с. 90—91; Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. I, с. 333; Стешенко Л. А., Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 25, 74; Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952, с. 53; Hassell J. Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century (Slavic Review. v. 29, 1970, 2), p. 286—287, 294—295.

⁸⁰ Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. [Сб. статей.]/Под ред. Павленко Н. И. М., 1973, с. 137 и далее, 145—148, 150, 170—171.

⁸¹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 212—216, 221—222, 365—366.

Преобразование духовного сословия в закрытую касту

Если ранее считалось, что основным источником обновления состава служилого дворянства были сыновья священников⁸², то Г. Л. Фриз, как и С. М. Троицкий, доказывает, что выход из духовного сословия был крайне незначительным. Впрочем, то же самое можно сказать и о проникновении в это сословие извне — оно было в петровскую эпоху затруднено ограничениями, сопровождавшими введение подушного обложения, а также новым образовательным цензом, который последовал за учреждением семинарий.

Будучи ранее относительно открытой социальной группой, принимавшей в свой состав представителей низших сословий, отныне духовное сословие превращалось в закрытую касту, изолированную от возможностей социальной мобильности⁸³.

Возникновение новой общественной прослойки — бюрократии

В отличие от установившейся точки зрения относительно того, что основной сутью социальных реформ Петра была лишь дополнительная рационализация или упрощение уже существовавшей социальной структуры, ряд исследователей пришел к выводу, что политика царя также (или даже скорее) содействовала и усложнению общественного организма путем образования новых социальных категорий.

Вопрос об обоюдной связи и общности интересов бюрократии и поместного дворянства был поднят еще дореволюционной русской историографией⁸⁴. По-видимому, ответ на этот вопрос зависит от того, поддерживает ли историк точку зрения на помещичий класс как на традиционно «служилое сословие» русского общества или же для него прежде всего важно значение социальной мобильности для характеристики процесса складывания бюрократии.

Советские специалисты по истории администрации придерживаются мнения, что государственные инсти-

⁸² Raeff M. *Origins*, p. 52; Hassel J. *Implementation of the Russian Table of Ranks*, p. 286.

⁸³ Freeze G. L. *Social Mobility*. p. 641—642, 645, 647—660.

⁸⁴ Романович-Славатинский А. *Дворянство в России...*, с. 134.

туты петровской эпохи обслуживались в основном выходцами из помещичьих семей, уже по этой причине, естественно, защищавшими интересы своего класса ⁸⁵.

В противоположность данному положению, согласно которому помещики и чиновники относились к одной и той же социальной категории, существует мнение, что Петр I своей преобразовательной деятельностью создал российскую бюрократию как самостоятельную общественную прослойку, представители которой рекрутировались из самых различных групп населения и которая имела свою особую функцию ⁸⁶.

Кроме того, в качестве аргументации данной точки зрения указывалось, что пожалование поместий в виде платы за государственную службу было заменено Петром денежным жалованьем и что уже при введении Табели о рангах имелась значительная часть дворянского чиновничества, не владевшая ни имениями, ни крепостными душами. Поскольку чиновники часто целиком зависели от получаемого ими жалованья, более того, поскольку они были оторгнуты от их исконной социальной среды, то они начинали воспринимать свои собственные интересы как идентичные государственным. Таким образом, образовалась визшая бюрократия, ставшая послушным орудием и важнейшей социальной опорой абсолютной монархии ⁸⁷ *.

Возникновение нового общественного слоя — буржуазии

Далее, многие историки считают, что Петр I создал российскую буржуазию. Другие выдвинули ту точку

⁸⁵ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений..., с. 78—79; Степенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй..., с. 26—27, 74, 100, 117

⁸⁶ Богословский М. М. Петр Великий..., с. 92; Raef M. Origins, p. 40; Федосов И. А. Социальная сущность..., с. 60; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 47, 365—366.

⁸⁷ Raef M. Origins, p. 36—42, 107—108; Федосов И. А. Социальная сущность, с. 60—61; Рабинович М. Д. Социальное происхождение..., с. 159—160, 170—171; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 47, 73 и далее, 87, 115, 117—118, 293, 365, 367. См. также: Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей.]/Под ред. Дружинина Н. М. и др. М., 1964, с. 229—230.

зрения, что царь-преобразователь своим социальным законодательством всего-навсего дал группе промышленников иное определение — вместо привилегированных корпораций XVII в. (как, например, «гостиная сотня») он создал, имея в качестве образца западноевропейскую буржуазию, новое сословие «регулярных граждан», т. е. купцов, фабрикантов-промышленников, представителей свободных профессий⁸⁸.

Большинство исследователей уделяет особое внимание группе владельцев фабрик и заводов как качественно новому элементу в истории развития «среднего класса»⁸⁹. Советские историки находят здесь свидетельство возникновения нового класса, несущего с собой новые производственные отношения, а именно образование «торгово-промышленной буржуазии». Но если одни из этих авторов связывают подобный феномен исключительно с объективными социально-экономическими закономерностями (особенно с первоначальным накоплением капитала, начавшимся в первой четверти XVIII в.⁹⁰), то другие придают основное значение в истории развития буржуазии инициативам государственной власти, среди которых наиболее важными считают экономические реформы⁹¹.

Но лишь один историк — А. Я. Аврех — со всей недвусмысленностью утверждает, что Петр I в результате проведения своей административной и промыш-

⁸⁸ Пажитнов К. Очерк развития буржуазии в России. — Образование, 1907, 2а, с. 1; Baron S. H. The Fate of the Gosti in the Reign of Peter the Great (Cahiers du monde russe et soviétique, XIV, 1973—1974), p. 509—511.

⁸⁹ См., например: Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922, с. 4, 11; Kahan A. Continuity in Economic Activity, p. 80—82.

⁹⁰ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I, с. 19—20, 432—433. См. также: Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958, с. 17, 20, 69.

⁹¹ Кафенгауз Б. Л. Купечество. Города. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 211—212; Он же: Очерки внутреннего рынка..., с. 320, 323—324; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоладельцы. М., 1962, с. 536—537; Он же: Развитие металлургической промышленности..., с. 211. О полемике относительно роли государственной власти см. также выше: примеч. 13, 14, 27.

ленной политики заложил основы российской буржуазии и посеял семена буржуазных отношений⁹².

Между тем, вопрос о том, когда в России сложилась буржуазия, особенно спорен, к тому же в нем есть неясная терминология, встречающаяся даже у историков-марксистов⁹³. Доминирующей здесь является та точка зрения, что речь о собственно промышленной буржуазии в России может идти лишь применительно к середине XIX в., и даже историки, связывающие возникновение ее с эпохой Петра I, склонны утверждать, что в XVIII в. буржуазия развивалась крайне медленно.

Некоторые ученые выдвигают иную гипотезу, что Петр I, упрочивая крепостное право⁹⁴, насильственно переселяя вольных ремесленников в новые промышленные районы⁹⁵, создавая условия для того, чтобы самые предприимчивые и экономически обеспеченные городские элементы могли переходить в дворянское сословие⁹⁶, определенно препятствовал развитию в России экономически активной буржуазии.

Если список литературы, посвященной российскому «среднему классу», довольно скромнен⁹⁷, то крестьяне (а в последние годы также и дворяне) стали предметом особого внимания историков. Поэтому и полемика о последствиях петровских преобразований для отдельных сословий касается главным образом этих двух социальных категорий.

⁹² Аврех А. Я. Утраченное «равновесие», с. 68.

⁹³ Ср.: Кошман Л. В. Русская дореформенная буржуазия, с. 86.

⁹⁴ Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России. — История СССР, 1968, № 5, с. 81—82.

⁹⁵ Панкратова А. М. Формирование пролетариата..., с. 278—279.

⁹⁶ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России, т. I, с. 213; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 149; Raeff M. Imperial Russia, p. 121—122; Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 115. См. также: Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. — История СССР, 1961, № 2, с. 71.

⁹⁷ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII в. М., 1903. Данная книга — основной труд о фактическом положении в городах.

«Демократизация» дворянства

Согласно установившейся точке зрения, введение Табели о рангах означало для представителей всех социальных слоев появление возможности проникнуть в российский господствующий класс, а также то, что заслуги (а не происхождение, как прежде) стали выступать в качестве основного критерия при определении статуса отдельного лица и необходимости его продвижения по службе. В результате имело место нивелирование, или «демократизация», дворянства, что шло вразрез с интересами старой родовитой аристократии⁹⁸.

Консолидация аристократии

В противовес упомянутой точке зрения в более современных исследованиях подчеркивается, что в результате широко применявшейся Петром практики личных назначений на посты старая элита была «фаворизована». При этом она обнаружила поразительную способность и готовность приспособливаться к ужесточившимся требованиям со стороны государственной власти⁹⁹. Таким образом, Табель о рангах не означала радикального разрыва с прошлым (в отношении структуры внутривдворянских прослоек), так как ряд знатных старомосковских родов посредством взаимных брачных связей смог сплотиться в качестве экономической и политической аристократии, которая сохранила свои позиции на протяжении большей части XVIII в.¹⁰⁰

Возникновение в среде дворянства корпоративного духа

Социально-психологическая проблематика как таковая в полемике о социальных преобразованиях Петра какой-либо заметной роли не играла. Однако некоторые авторы выдвигали гипотезу, согласно которой царь,

⁹⁸ Богословский М. М. Петр Великий..., с. 92; Raff M. Origins, p. 41; Федосов И. А. Социальная сущность..., с. 58—59. С. М. Троицкий в своей работе «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.» говорит о «размывании» дворянства (с. 114, 366).

⁹⁹ Grummeу R. O. Peter and the Boiar Aristocracy, p. 274, 284f.

¹⁰⁰ Meehan-Waters B. The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great (Canadian—American Slavic Studies, VIII, 1974), p. 289—298.

превратив российское дворянство в четко определенное сословие с однородным составом, создал тем самым фундаментальную предпосылку для возникновения среди дворян чувства общности, или корпоративного духа ¹⁰¹ *. С другой стороны, указывалось, напротив, что наличие подобных явлений в России можно обнаружить лишь в начале XIX в., когда дворянство впервые выступило как группа с едиными интересами ¹⁰².

Развитие дворянского индивидуализма

По мнению М. Раева, российское дворянство не имело четких границ, а Табель о рангах, придававшая основное значение личным заслугам, содействовала развитию дворянского индивидуализма, который должен был стать важной предпосылкой для образования русской интеллигенции ¹⁰³.

Научная дискуссия о последствиях петровских реформ была весьма острой, причем позиция историков по отношению к этой проблеме явно носила отпечаток их политических воззрений, ставили ли они в причинно-следственную зависимость от реформ Петра крестьянский вопрос XIX в. или революции XX в. или же находили в своей эпохе прямые параллели к судьбе простого народа при петровском режиме ¹⁰⁴.

Обнищание крестьян и уменьшение их численности

Поводом для упомянутой дискуссии (как и для столь многих иных) послужили работы историка и политика П. Н. Милюкова, который в своем капитальном труде о петровской финансовой администрации доказывает, что в годы правления Петра налоговое бремя утроилось. К тому же правительство насильственно забирало самых работоспособных крестьян в армию, на мануфактуры, на застройку новой столицы, в то время как увеличившееся ярмо поборов должны были тянуть оставшиеся в деревне их уменьшившиеся численно, малосильные односельчане.

¹⁰¹ Романович-Славатинский А. Дворянство в России..., с. 5—6, 58 и далее; Blum J. Lord and Peasant. p. 345ff., 350—351.

¹⁰² Hassell J. Implementation of the Russian Table of Ranks, p. 294.

¹⁰³ Raeff M. Origins, p. 8—9, 41, 53.

¹⁰⁴ Ср.: Oliva L. J. Russia in the Era of Peter, p. 133; Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror, p. 75—76.

Хищническая эксплуатация государственными властями российского трудящегося населения имела своим результатом падение и его общего количества — уже перепись 1710 г. показала, что число семей по сравнению с 1678 г. уменьшилось на 19,5 % *. Безусловно, Петру удалось превратить Россию в европейскую великую державу, однако заплачено за это было, согласно Милюкову, обнищанием и численным уменьшением народонаселения¹⁰⁵. Этот вывод получил некоторое распространение и в советской историографии, которая, как правило, оспаривает точки зрения Милюкова¹⁰⁶.

Восстания и побег

Однако, что особенно подчеркивают советские историки, крестьянские восстания и побег явились следствием обнищания, чему, согласно устоявшимся мнениям, содействовали помещики, которые, как и государство, усиливали эксплуатацию сельского населения¹⁰⁷.

В противоположность П. Н. Милюкову, М. Ключков утверждал, что рост налогов и возраставших обязанностей по отношению к государству вел не к уменьшению численности населения, но, напротив, «утайке дворов», а это существенно разъясняет результаты переписи 1710 г.; ревизия, осуществленная перед введением в 1724 г. подушного налогообложения, показав

¹⁰⁵ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 201—206, 217—218, 476 и далее, 491, 546.

¹⁰⁶ Bonnesen S. Peter den Store, s. 281; Спиридонова Е. В. Экономическая политика..., с. 205—206; Панкратова А. М. Формирование пролетариата..., с. 323, 346 и далее; Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror, p. 74ff., 146—147; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, 1708—1885. М., 1947, с. 43; Кафенгауз Б. Б. Финансовая реформа и государственный бюджет.— В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 392, 395.

¹⁰⁷ Базилевич К. В. Петр Великий, с. 63—64; Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, с. 127, 267; Порфирьев Е. И. Петр I..., с. 55; Спиридонова Е. В. Экономическая политика..., с. 205—207; Панкратова А. М. Формирование пролетариата..., с. 349.

ла, что число душ по отношению к 1678 г. возросло на 20 % ¹⁰⁸.

Облегчение участи крестьян

Но самой острой критике аргументацию П. Н. Милюкова подверг советский экономист С. Г. Струмилин, согласно расчетам которого в годы правления Петра никакого роста налогового бремени не наблюдалось, а, напротив, его реальная величина снизилась на 15 %. Тот же факт, что с 1701 по 1724 гг., т. е. за годы Северной войны, в государственной казне был отмечен рост поступлений на 77 %, служит, по С. Г. Струмилину, явным доказательством экономического прогресса, достигнутого в результате петровских реформ в целом и промышленной политики в частности ¹⁰⁹.

Нивелирование крестьянского сословия

Для так называемой буржуазной историографии традиционной стала та точка зрения, что введение рекрутской системы и подушного обложения привело к известному равноправию среди различных категорий сельского населения ¹¹⁰.

Что же, в частности, касается помещичьих крестьян, то современные советские исследования показывают, что и здесь имело место нивелирование — на грани

¹⁰⁸ Ключков М. Население России при Петре Великом. По переписям того времени. Спб., 1911, т. I, с. 236 и далее, 249—250; Он же: Очерк подушной переписи при Петре Великом. — Журнал Министерства народного просвещения, 1915, янв., с. 113, 150; И. А. Булыгин, который в своей работе «Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века» (М., 1977) рассматривает время правления Петра как «поворотную для России эпоху», приходит на с. 308—310 к выводу, что количество монастырских и церковных крестьян (мужских душ) выросло с приблизительно 525 тыс. в 1678 г. до более чем 791 тыс. в 1723 г., и что церковная реформа означала в известном смысле облегчение для крестьян названной категории.

¹⁰⁹ Струмилин С. Г. К вопросу об экономике петровской эпохи, с. 183—189.

¹¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 100—101; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 509—510; Богословский М. М. Петр Великий..., с. 78—79; Bonnesen A. Peter den Store, s. 280; Blum J. Lord and Peasant, p. 274, 475; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 165—166; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great, p. 94; Anderson M. S. Peter the Great, p. 26—27.

возможности существования крепостных. Вследствие сильно возросшего государственного обложения крестьян помещики в большинстве случаев умеряли свои требования к крепостным, не будучи заинтересованными в том, чтобы их люди были отягощены сверх всякой меры¹¹¹.

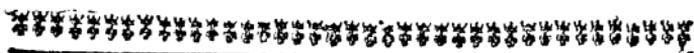
Дифференциация крестьянства

Даже в ходе научной полемики о социальном расслоении крестьян (представлявшем собой одно из ответвлений теоретических дебатов советских историков о генезисе капитализма)¹¹² подчеркивалось, что то тяжкое фискально-феодальное бремя, которое несли крестьяне в годы Северной войны, само по себе было способно уравнивать различные категории сельского населения, однако объективно закономерная тенденция роста социального неравенства в деревне в этот период лишь выявилась «более четко»¹¹³.

¹¹¹ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне..., с. 304—305, 309.

¹¹² См. также: Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis, s. 95.

¹¹³ Ср. Комиссаренко А. И. Вопрос о сущности социального расслоения крестьянства России в XVII—XVIII веках в советской исторической литературе. — Труды Моск. гос. ист.-архивн. ин-та, т. 22. Историография истории СССР, М., 1965, с. 143. О дискуссии по поводу дифференциации крестьянского сословия см. также редакционную статью «Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма», — История СССР, 1966, № 1, с. 70—81.

РЕФОРМА ЦЕРКВИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

сли экономическая
и социальная по-

литика Петра I подверглась серьезному исследованию лишь в XX в., то церковная реформа и преобразования в области культурной жизни России как составные части петровского комплекса преобразований стали изучаться давно.

Что касается *церковных реформ* в целом, то крупнейшие эмпирические открытия в этой области (как и в некоторых других) были сделаны еще дореволюционной русской историографией. Несмотря на то что отдельные из важнейших трудов, написанных на данную тему, и являются по своей структуре систематически-описательными¹, для дореволюционной литературы вопроса в общем характерны довольно высокий уровень проблемности, а также явное влияние полемики, актуальной для того периода.

Интерес этот вызван был, конечно, не только тем обстоятельством, что проблематика церковных реформ некогда играла в широких общественных спорах заметную роль², но также и известным расхождением во

¹ См., например: Рункевич С. Г. История Русской Церкви под управлением Св. Синода. Т. I. Учреждение и персональное устройство Св. Прав. Синода (1721—1725 гг.). Спб., 1900.

² Ср.: Верховской П. В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов н/Д, 1916, т. I, с. СXLIX—CLXVI. В этом томе имеется подробный исторический обзор исследовательского характера дореволюционной литературы о церковных реформах Петра.

мнениях ученых, поскольку перемены в положении церкви при Петре интересовали как теологов и историков церкви, так и специалистов по политической истории России, истории ее права и администрации.

После революции 1917 г. полемика вокруг церковных реформ Петра резко прекратилась, хотя русские историки, находящиеся вне России, по-прежнему занимались ее проблемами. Кроме того, в предвоенные годы в СССР вышла небольшая монография³, а в Германии — фундаментальный труд немецкого историка церкви⁴.

Лишь после войны среди западных историков пробудился заслуживающий внимания интерес к данной теме⁵. И в СССР в последние десятилетия был опубликован целый ряд специальных статей, свидетельствующих о том, что историки после многих лет игнорирования темы петровских церковных реформ⁶ проявляют растущий интерес к фенсменам феодальной надстройки. Таким образом, церковные реформы в эпоху Петра снова стали актуальной проблемой для науки — однако прежде всего западной⁷.

КАКУЮ ЦЕЛЬ ПРЕСЛЕДОВАЛ ПЕТР СВОЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКОЙ?

Предметом полемики историков были главным образом церковно-политические мероприятия последних лет жизни Петра, в особенности это касается учреж-

³ Дмитриев А. Петр I и церковь. М., 1931. См. также: Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России)./Ред. Сахаров А. М. М., 1975, с. 166—183.

⁴ Stupperich R. Staatsgedanke und Religionspolitik Peters des Grossen. Berlin, 1936. (Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 22).

⁵ Ср.: Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche 1700—1917. Bd. I. Leiden, 1964 (Studien zur Geschichte Osteuropas IX), S. XI.

⁶ Ср.: Bissonnette G. The Church Reforms of Peter the Great as a Problem in Soviet Historiography (Études slaves et est-européennes, v. I, 1956—1957), p. 146—157, 195—207.

⁷ Ср.: Stupperich R. Ursprung, Motive und Beurteilung der Kirchenreform unter Peter dem Grossen (Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Bd. 17, 1974), S. 58.

дения в 1721 г. Синода (первоначально — Духовной коллегии), который, согласно общепринятому среди ученых мнению, был наиболее глубоко продуманной и подготовленной акцией.

Лишить церковь самостоятельности

Согласно господствующей точке зрения, эта церковная реформа была проведена в основном с целью лишить русскую церковь ее автономии. Петр не забыл той строптивости, которую в годы правления его отца проявлял патриарх Никон, и, чтобы исключить возможность подобных рецидивов, решил заменить патриархальное церковное управление коллегиальным, которое можно было вписать в новый административный аппарат государственной власти. Но решение это созрело лишь к 1718 г., когда преобразователь уже имел план своей новой центральной администрации, а оппозиционная деятельность духовенства была разоблачена в ходе процесса царевича Алексея⁸.

Получить в свое распоряжение богатства церкви

Весьма схожих взглядов придерживаются советские историки, которых, кроме юридического аспекта источника власти церкви, интересовал и экономический. Указывая, что Петр уже в начале своего царствования предпринял шаги в направлении отчуждения церковных доходов в свою пользу и секуляризации ее земельных владений, они полагают, что эти меры были предприняты с целью подорвать экономический базис духовенства и тем самым создать предпосылку для имев-

⁸ Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — Сб. статей, изданных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. Спб., 1868, с. 70—71; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1905, ч. II, с. 157—158; Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. II, S. 181—182, 191; Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. London, 1971, p. 107, 250, 305; Muller A. V. The Spiritual Regulation of Peter the Great. Seattle — London, 1972 (Publication on Russia and Eastern Europe of the Institute for Comparative and Foreign Area Studies, v. 3), p. X, XVI, XVII, XIX XXXVII; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 27—28, 65, 133.

шей место впоследствии (в 1721 г.) ликвидации ее как самостоятельного фактора политической власти⁹.

Если иные реформы раннего периода правления Петра воспринимаются как спонтанные, вызванные в значительной степени необходимостью финансировать ведение войны¹⁰, то вышеупомянутая точка зрения советских ученых построена, очевидно, на убеждении, что реформы церкви были, напротив, средством дальновидной политической стратегии, разрабатывавшейся Петром с самого начала его правления. Особого мнения придерживается советский историк И. А. Булыгин, доказывающий, что овладение богатствами церкви было более чем просто средством — это была основная цель упомянутой политики царя¹¹.

Повысить авторитет церкви как религиозного проповедника

Нередко встречается еще одна точка зрения, а именно что Петр размышлял не только о положении церкви относительно светского общества, но и о ее функциях по отношению к русскому народу и что движущей силой преобразований в церковной области было стремление по меньшей мере упорядочить внутрицерковные отношения, чтобы церковь могла возродиться для выполнения тех задач (отчасти новых), что были для нее предназначены царем*.

Помимо заботы о спасении душ путем религиозной проповеди и морального воспитания прихожан, духо-

⁹ Слицан Б. Г. Реформа церковного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 372—373; Коган Ю. Р. и др. Церковь и русский абсолютизм в XVIII в. — В кн.: Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). [Критические очерки.] М., 1967, с. 162—164. Очевидно, такая точка зрения появилась под влиянием работы Н. М. Никольского «Церковная реформа Петра» (Три века. Россия от смуты до нашего времени. М., 1912, т. III, с. 188—189), где ранние реформы Петра, впрочем, характеризуются как спонтанные (с. 185), или его же работы «История русской церкви» (М. — Л., 1931, с. 174—175).

¹⁰ Ср.: Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 174—175, 547.

¹¹ Булыгин И. А. Церковная реформа Петра I, — «Вопросы истории», 1974, № 5, с. 90—91.

венство должно было, по плану Петра, взять на себя роль просветителя народа и носителя культуры¹².

Возложить на духовенство новые функции

Советская историкография особо подчеркивает стремление Петра использовать священников в качестве идеологических «репетиторов» и политических агентов¹³. Тем не менее лишь немногие историки рассматривают изменение Петром церковных функций в качестве главной цели политики преобразования церкви.

ЧТО ПОСЛУЖИЛО ОБРАЗЦОМ ДЛЯ РЕФОРМЫ ЦЕРКВИ?

Наиболее спорным является вопрос о конфессионально-исторических прототипах церковной реформы 1721 г. Причем предметом дискуссии служит не только ее основной документальный источник — Духовный регламент (имеющий характер не только законодательного акта, но и являющийся научным сочинением, автором которого был Феофан Прокопович), а и церковно-политические и государственно-правовые идеи, излагавшиеся устно и письменно законодателем и его ученым публицистом*.

Западноевропейское учение о естественном праве и ордоначсы протестантской церкви

Уже современники церковной реформы приходили к выводу о том, что вдохновлялась она западноевропейскими действительностью и образом мыслей. Мнение это еще более утвердилось в XIX в. — отчасти как один из результатов публичных дебатов между славянофилами и западниками, отчасти благодаря выводам пробных эмпирических исследований. Объемный серьез-

¹² Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 83—84; Bissonnette G. Peter the Great and the Church as an Educational Institution (Essays in Russian and Soviet History. In Honour of G. T. Robinson. Leiden, 1963), p. 3—19; O n a s c h K. Grundzüge der russischen Kirchengeschichte. Göttingen, 1967, p. 96; Stupperich R. Staatsgedanke, S. 46—47, 69, 78, 92—93, 97—98.

¹³ Коган Ю. Р. и др. Церковь и русский абсолютизм..., с. 179, 181.

ный критический труд, который П. В. Верховской опубликовал в 1916 г., позволил, между прочим, именно ему научно обосновать и выразить эту точку зрения.

П. В. Верховской утверждает в своей книге, что религиозно-историческое родство нового церковного положения с западноевропейским учением о естественном праве и с протестантской теологией вполне доказуемо. Точно так же как Духовная коллегия имела прототип в протестантской Генеральной консистории, так и Духовный регламент был копией немецкого «Кирхенорднунга».

Таким образом, церковная реформа была основана на совершенно иных принципах, означавших резкий отход от допетровских традиций и правовой основы православной церкви¹⁴. Аргументация П. В. Верховским паличия зарубежных прототипов при реформировании российской церкви показалась весьма убедительной многим историкам более позднего периода¹⁵, в том числе и советским¹⁶.

Восточная традиция

Гипотеза о факте разрыва петровского церковного законодательства с догмами восточной церкви оспаривалась еще в дореволюционной исторической литературе, хотя западноевропейский дух этой реформы целиком не отрицался. Здесь подчеркивалось, собственно, что православная церковь должна была оберегать лишь свое духовное, религиозное содержание; она могла поэтому с течением времени не раз приспособлять свою организационную форму к всевозможным требованиям,

¹⁴ Верховской П. В. Учреждение Духовной Коллегии..., т. I, с. CXLVII, 140—141, 271—275, 497 и далее, 684—685.

¹⁵ Wittram R. Peters des Grossen Verhältnis zur Religion und Kirchen. Glaube, Vernunft, Leidenschaft. (Historische Zeitschrift. Bd. 173, 1952), S. 286, 289ff.; Schmemmann A. The Historical Road of Eastern Orthodoxy. London, 1963, p. 332—333; Riasanovsky N. V. A History of Russia. Second edition. Oxford University Press, 1969, p. 257; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 120; Onasch K. Grundzüge, S. 92—93; Cracraft J. The Church Reform, p. 36—37, 54, 305—306; Muller A. V. The Spiritual Regulation, p. X—XII, XXVIII—XXXVII.

¹⁶ Коган Ю. Р. Церковь и русский абсолютизм..., с. 173—175. В этой работе Феофану Прокоповичу дается примечательная характеристика свободомыслящего,

выдвигавшимся эпохой. Синод же был по-своему столь же ортодоксальным институтом, как и патриаршество¹⁷.

Но настоящее наступление на концепцию П. В. Верховского повели все же немецкие историки церкви. Они целиком отрицали значение западноевропейских образцов в качестве сколько-нибудь существенного источника вдохновения царя в проводившейся им церковной реформе. Анализ публицистики Ф. Прокоповича привел их к выводу, что взгляды этого главнейшего помощника Петра в области идеологии своими корнями глубоко уходили в православную традицию, что в его мышлении преобладали византийские элементы, хотя сам он и был человеком в высшей степени восприимчивым к западноевропейским идеям своего времени, которые он умел органично синтезировать в своих самостоятельных рассуждениях.

Образ мышления Петра в основе своей характеризовался как консервативный, поскольку царь руководствовался предпочтительно унаследованными представлениями. Немецкие историки, которым не удалось найти сходство между петровской церковной администрацией и протестантской консисторией, указывали в свою очередь на «восточные заимствования как существеннейший фактор, влиявший на организацию Синода»¹⁸.

И все же самым главным является, скорее всего, то, что эти историки нашли решающий аргумент приверженности Феофана Прокоповича к допетровским традициям в теологии, но не политической философии¹⁹, и если данная проблема по-прежнему сохра-

¹⁷ Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1890, т. II, с. 20—37, 492—493, 495—496; Титлипов Б. Феофан Прокопович. — Русский биографический словарь (Kraus Reprint Corporation, New York), 1962, с. 438; Милюков П. Н. Очерки..., ч. II, с. 161.

¹⁸ Stupperich R. Staatsgedanke, S. 72—73, 77—78, 98—99, 100; idem: Ursprung, S. 42—45, 48, 51—52, 54—55, 57—58; Härtel N.-J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970 (Das östliche Christentum. Abhandlungen im Auftrage des Ostkirchliche Instituts der deutschen Augustiner. N. F., 23), S. 233—235.

¹⁹ Х.-Й. Хертель, исследовавший публицистику Феофана в целом, высказывает сомнение относительно того, насколько вообще правомерно разделение между византийским и западноевропейским влиянием на Прокоповича (в понимании по-

няет свою актуальность, то среди прочего потому, что их оппоненты рассматривают Духовный регламент не столько как научные тезисы образованного теолога, сколько в качестве документа, рассчитанного на непосвященных (в этом выразился главным образом прагматический ход мыслей самодержавного законодателя)²⁰.

КАКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОВЛЕКЛИ ЗА СОБОЙ ЦЕРКОВНЫЕ РЕФОРМЫ?

Хотя вопрос о том, насколько церковная политика царя означала отход от традиции, является весьма спорным, все же обычно эпоха правления Петра рассматривается в истории русской церкви как переломная, как начало «синодального периода», длившегося около двух столетий²¹.

Некоторые историки, помимо того, утверждают, что именно церковная реформа Петра — наиболее радикальное и результативное из его преобразований²².

Преобразование церкви в государственную

В основе подобных суждений лежит прежде всего признание факта создания Петром в России принципиально новой основы для отношений между церковью и государством, с упразднением патриаршества и учреждением Синода церковь утратила свою вековую независимость, попав под юрисдикцию государственной

следним соотношения «церковь — государство»). При этом он указывает, что протестантские юристы Германии с начала XVII в. находились под преобладающим влиянием византийского права (Byzantinisches Erbe, S. 80—81). Ср. также: Суворов Н. С. Курс церковного права, т. II, с. 492—493.

²⁰ Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 138; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 191, 554; Müller A. V. The Spiritual Regulation, p. X; Stupperich R. Ursprung, S. 61. Этот автор полагает, напротив, что историки и юристы права не обращают достаточно внимания на результаты, достигнутые исследованиями в области теологии.

²¹ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. II, с. 311—312; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche. S. 1; Onasch K. Grundzüge, S. 88, 92.

²² Raeff M. Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Boston, 1963 (Problems in European Civilization), p. 45; Craigmiles J. The Church Reform, p. 162, 305—306.

власти, и, будучи инкорпорированной в систему государственной бюрократии, она превратилась в послушную служительницу светских правящих органов, в государственную, или «этаблированную», церковь²³.

Нередко подчеркивается, что эта реформа имела революционный характер прежде всего потому, что церковь утратила свою самостоятельность как юридический институт, а также потому, что ее новое положение определялось посредством светских норм²⁴.

Что же касается фактических реальных отношений между государством и церковью, то церковные власти давно уже находились в зависимости от светских властей. В этом смысле церковная реформа лишь знаменовала завершение длительного политического процесса²⁵.

Подрыв основ феодально-крепостнического общества

В советской литературе подчеркивается, что церковь в результате реформы утратила не только юридическую самостоятельность, но и, вследствие секуляризации земельных владений, экономическую независимость*. И. А. Булыгин в одном из своих последних исследований считает вопреки распространенному мнению, что частичная секуляризация Петром церковной собствен-

²³ Zernov N. Peter the Great and the Establishment of the Russian Church (The Church Quarterly Review, 125, 1938), p. 265, 269; Fink H. Die Auswirkungen der Reformen Peters des Grossen auf das Kirchenrecht der russischen orthodoxen Kirche. Erlangen — Nürnberg, 1963, S. 151—152; Чистович И. Феофан Прокопович..., с. 70—71; Никольский Н. М. Церковная реформа..., с. 197; Верховской П. Н. Учреждение Духовной Коллегии..., т. I, с. СІХ, СХV, СХХХІІ, 684—685; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 66, 76, 133f. Коган Ю. Р. и др. Церковь и русский абсолютизм..., с. 156, 166—169, 172; Muller A. V. The Spiritual Regulation, p. IX, XIII—XV, XXXVIII.

²⁴ Верховской П. В. Учреждение Духовной Коллегии..., т. I, с. CLXIX—CLXX, 684; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 27—28, 133; Платонов С. Ф. Лекции..., с. 528; Raeff M. Imperial Russia. 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia. New York, 1971, p. 123.

²⁵ Подобное разделение между юридическим и фактическим аспектами отношений между государством и церковью явно возникло под влиянием работы Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». Сергиев-Посад, 1909—1912, т. I—II. Автор доказывал, что реальное влияние царя на церковные дела издавна было весьма значительным,

ности не послала временного характера и что его церковная политика вообще подрывала основы феодально-крепостнического строя²⁶.

Духовное вырождение и ослабление морального авторитета церкви

Особенно заметно отсутствие единства среди историков при обсуждении последствий реформы для религиозно-проповеднической функции церкви, а также для ее внутренней жизни.

Для некоторых ученых синодальный период в истории русской церкви представляется периодом упадка, характеризуемого внутренним разложением и духовным вырождением. Включение церкви в государственный аппарат привело к постепенной бюрократизации церкви и отсюда — к духовному обнищанию. Моральный авторитет духовенства упал среди всех слоев российского населения, поскольку церковь стала рассматриваться в качестве инструмента светских властей, а также еще и потому, что подрыв ее экономической базы в соединении с недостаточным финансированием церкви государственной казной вели к коррупции духовного сословия, нередко попадавшего в экономическую зависимость от прихожан.

Наглядным примером духовного ослабления «этаблированной» церкви является и то обстоятельство, что значительно окрепло движение староверов (раскольников), причем настолько, что смогло пережить XVIII век^{27*}. Некоторые из историков связывали последствия реформы с чрезвычайно отдаленными событиями. Так, они полагали, что ослабление авторитета церкви явилось важной предпосылкой Великой Октябрьской революции, и выдвигали на передний план

²⁶ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России..., с. 309. Он же: Церковная реформа..., с. 93. Здесь автор подчеркивает, что подчинение церкви государственной власти было завершено после полной секуляризации церковного имущества в 1764 г. См. также: Майкова Т. Петр I и православная церковь. — «Наука и религия», 1972, № 7, с. 42—44.

²⁷ Zernov N. Peter the Great and the Establishment, p. 265—266, 282, 287—288; Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche, S. 2, 4, 138; Cracraft J. The Church Reform, p. 250—251; Raef M. Imperial Russia, p. 123—125.

ту роль, которую сыграла реформа Петра I в качестве прецедента и легитимации лишения церкви былого значения социалистическим государством²⁸.

Повышение интеллектуальной гибкости церкви и ее способности к духовному творчеству

С другой стороны, в противоположность приведенным отрицательным оценкам синодальный период характеризовался как золотой век, на протяжении которого духовные силы церкви возросли и окрепли.

Сторонники этой точки зрения ссылаются прежде всего на интенсификацию миссионерской деятельности на протяжении указанного периода, которая привела к обращению в христианскую веру нескольких миллионов человек. Историки нашли, далее, решающее доказательство «святости» государственной церкви в значительном числе святых, канонизировавшихся в синодальный период. Этот духовный подъем приписывался нарушению Петром длительной изоляции русской церкви от внешнего мира, ликвидации ее обскурантизма, а также стимуляции ее идейного творчества путем введения новой системы церковного образования, благодаря которому российское духовенство знакомилось с западноевропейской теологией и обучалось в соответствии с ее весьма последовательной методикой. Будучи вооруженной таким образом, русская церковь впервые оказалась в состоянии и соперничать и сотрудничать на равных с церквями Запада, а среди православных церквей Востока она заняла благодаря указанным переменам, бесспорно, ведущее положение²⁹.

Новое духовное содержание церкви

Далее, один из историков выдвинул тезис, что Петр не только создал для русской церкви новую внешнюю оболочку, но и дал ей при помощи реформы цер-

²⁸ Zernov N. Peter the Great and the Establishment, p. 265, 289ff.; Raef M. Peter the Great, p. 45.

²⁹ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви, т. II, с. 315—320; Schmemmann A. The Historical Road, p. 335—337.

ковного образования совершенно иное содержание, заполнившее тот вакуум, который появился после осуждения «старой веры» при патриархе Никоне³⁰.

КАКИМИ БЫЛИ МАСШТАБЫ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ?

Историки издавна проявляли большой интерес к *культурной политике* Петра I, в особенности к сферам образования и просвещения. Среди исследователей, анализовавших официальную идеологию эпохи, распространено, судя по их работам, мнение, что петровский абсолютизм в своем стремлении превратить подданных в более полезных и умелых слугителей государства в интересах «общего блага» поставил себе честолюбивую задачу рационализировать нормы поведения народа и в своем безграничном стремлении все «регулировать» вторгнулся не только в семейную жизнь, но и в мышление индивида, намереваясь всю сумятицу его мыслей и хаос чувств привести в более упорядоченную систему.

Многие историки со времен С. М. Соловьева указывали, что наибольший интерес для Петра представляла педагогически-дидактическая деятельность. Царю нравилось выступать в роли пронизательного и дальновидного школьного учителя; он относился к своим подданным, как к непослушным детям. Некоторые ученые полагали, что и новый флот, и новая столица должны были служить для скованного рутинной населением педагогическими примерами светлых перспектив будущего. Другие указывали, что экономическая политика петровской эпохи, введение коллегиально-консультативной формы администрации да и весь комплекс реформ, несомненно, содержали в себе элемент развития народного просвещения³¹.

³⁰ Никольский Н. М. Церковная реформа..., с. 195—196. В книге А. Архангельского «Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом» (Казань, 1883) реформа духовных школ характеризуется, напротив, как довольно безрезультатная (с. 26—43), весьма поверхностная, не имевшая перспектив.

³¹ Соловьев С. М. История России..., кн. IX, с. 544—545, 549 и далее; Он же: Публичные чтения..., с. 74, 102—103; Богословский М. М. Областная реформа Петра Ве-

Хотя внешне, на первый взгляд, эти историки и кажутся единомышленниками в оценке культурной политики Петра как всеобъемлющей по поставленным перед ней целям, но тем не менее можно констатировать, что в своих конкретных исследованиях они часто оперируют довольно узкими понятиями о предмете культуры, поскольку интересы их в основном концентрируются вокруг школьной политики и организации науки. К тому же вниманию исследователей ограничено, как правило, изучением лишь отдельных институтов или областей науки. Так, заметное место в общей картине исследований занимает литература об основании Академии наук³².

Специальную литературу о петровской политике образования можно в целом разделить на группы, в которых рассматриваются отдельные типы школ или других учебных заведений³³, но более широкие исследовательские выводы приходится искать в обзорных работах по истории русской школы³⁴. Самые масштабные представления о предмете дают большие

ликого, с. 12—13, 24, 65; Рейснер М. А. Общественное благо..., с. 68—73, 97; Павленко Н. И. Петр I..., с. 50—52; Geyer D. Peter und St. Petersburg (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 10, 1962), S. 181—200.

³² Пекарский П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. Спб., 1870, т. I; Лапко-Давилевский А. С. Петр Великий, основатель Императорской Академии Наук в С.-Петербурге. Спб., 1914; Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге. — В кн.: Петр Великий. [Сб. статей.]/Под ред. Андреева А. И. М.-Л., 1947, с. 284—333; История Академии наук в трех томах. Т. I, 1724—1803. М.-Л., 1958.

³³ Например: Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху. — Христианское чтение, 1877, № 3—4, с. 331—370; Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. Спб., 1883; Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944; Бескровный Л. Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. — Исторические записки, 1953, т. 42, с. 285—300.

³⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века, ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874; Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. Спб., 1912; Alston P. L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, California. 1969.

труды, посвященные выпуску контролируемой государством книжной продукции петровской эпохи³⁵.

Авторы книг по истории идейных течений предпочитают уделять внимание прежде всего отдельным личностям — членам «Ученой дружины» (т. е. Феофану Прокоповичу³⁶, В. Н. Татищеву * и А. Д. Кантемиру³⁷) или идеологическим противникам Петра — патриарху Адриану и Стефану Яворскому³⁸. Обычно на фоне петровских реформ делаются попытки охарактеризовать и И. Т. Посошкова³⁹.

КАКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИНЕСЛА КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА?

В литературе вопроса, касающейся результатов культурной политики Петра, наблюдается столь мно-

³⁵ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Спб., 1862, т. I—II; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

³⁶ Например: Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915; Tetzner J. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung (Zeitschrift für Slavistik, 3, 1958, S. 351—368); Просина А. Б. Теоретическое обоснование Ф. Прокоповичем реформ Петра I. — Вестник Московского университета. Право. 1969, № 6, с. 63—71; Cracraft J. Feofan Prokopovich (The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973, p. 75—105); См. также выше примеч. 8 и 18.

³⁷ Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler V. N. Tatiščev, 1686—1750. Berlin, 1963; Kaplan F. I. Tatiščev and Kantemir. Two Eighteenth Century Exponents of a Russian Bureaucratic Style of Thought (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 13, 1965, S. 497—510).

³⁸ Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter the Great (The Slavonic and East European Review, XXX, 74, 1951, p. 40—62). Benson S. The Role of Western Political Thought in Petrine Russia (Canadian—American Slavic Studies, VIII, 1974, p. 254—273. Образцовой научной работой о политической оппозиции при Петре I является книга Н. Б. Голиковой «Политические процессы при Петре I...»

³⁹ Brückner A. Iwan Possoschkow. Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen. Leipzig, 1878; Павлов-Сильванский Н. П. Иван Тихонович Посошков. — Соч. Спб., 1910, т. II, с. 42—73; Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1951; Chambre H. Possoškov et le mercantilisme (Cahiers du monde russe et soviétique, IV, 1963, p. 335—365).

гообразная вариантность в их оценках, что объяснить ее, очевидно, можно лишь различием в широте подхода, с одной стороны, у историков, рассматривающих культурную политику царя как нечто цельное и принципиально всеохватывающее, и, с другой стороны, у тех исследователей, которые изучали претворение в жизнь и последствия проводимых мероприятий. Так, легко заметить, что характеристики конкретных результатов реформ часто весьма отрицательны, в то время как общие результаты преобразований обычно расцениваются вполне положительно⁴⁰.

Та же тенденция прослеживается при анализе различных точек зрения у историков, дающих оценку этим результатам непосредственно в конкретном освещении, и тех из них, кто рассматривает последствия реформ в дальней перспективе, по большому счету.

Впрочем, упомянутая корреляция между шириной угла зрения и качественной оценкой может быть исследована на материале суждений историков относительно преобразований Петра в комплексе; так, она проявилась в классической полемике между скептически настроенным П. Н. Милюковым, воспринимавшим реформы Петра как внезапно разразившуюся катастрофу, и Н. П. Павловым-Сильванским, который оправдывает Петра I, обращая внимание на то, что царь сознательно жертвовал настоящим ради будущего⁴¹.

Новые школы

Чаще всего предметом научных дискуссий становится петровская школьная политика. Нередко ее характеризуют как не достигшую своих целей — отчасти по причине недостаточности финансовых средств и серьезной нехватки учебных пособий, отчасти — и в особенности — оттого, что сопротивление, неприятие населением новых школ было весьма распространенным. В результате, как показало обследование, прове-

⁴⁰ Данное различие прослеживается и в содержании отдельных обзорных трудов, например в эклектично-синтезирующей работе Р. Виттрама, см. ниже примеч. 42 и 51.

⁴¹ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 546; Павлов-Сильванский Н. П. Мнения верховников о реформах Петра Великого, с. 379, 401. Относительно упомянутой полемики см. прим. 48 в гл. I.

денное Синодом в 1727 г., школы учениками на местах не были укомплектованы, возможно, они не хотели учиться, так что многие из петровских школ пришлось закрыть⁴².

Отдельные авторы доказывают тем не менее, что школы эти, несмотря ни на что, дали образование нескольким тысячам человек, которые в будущем содействовали всеобщему культурному подъему и изменению отношения народа к школьному обучению. Так что всего одним поколением позже образование рассматривалось уже как привилегия известных кругов⁴³.

Становление системы специального образования

Скептическое отношение многих историков к образованию в петровскую эпоху объясняется, очевидно, тем, что они не воспринимают школьное дело первой четверти XVIII в. как органично выстроенную образовательную систему, но лишь как конгломерат, состоявший из ряда специальных школ, в основном с техническим уклоном, целью которых было готовить людей для исполнения определенных функций в государстве и которые были учреждаемы спонтанно, по мере того как возникали конкретные практические потребности.

Когда же эксперимент с введением всеобщего обязательного обучения в форме сети так называемых «цифирных школ» (1714 г.) потерпел полное фиаско, стало заметно ощущаться отсутствие в широком масштабе начальной школы как основы для получения в дальнейшем специального образования нового типа (которое именно по указанной причине пока оставалось на довольно низком уровне)⁴⁴.

⁴² Архангельский А. Духовное образование, с. 34—35, 41 и далее; Миллюков П. Н. Очерки..., ч. II, с. 297—299; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 128, 196, 198—202, 205—206, 212.

⁴³ Raeff M. Imperial Russia, p. 136—137; Луппов С. П. Книга в России..., с. 43; Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры. — Вопросы истории, 1976, № 9, с. 97.

⁴⁴ Архангельский А. Духовное образование..., с. 27—28; Миллюков П. Н. Очерки..., ч. II, с. 296 и далее; Рождественский С. В. Очерки..., с. 8 и далее, 70, 124, 145 и далее; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 196, 198ff.; Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972, с. 46—47, 56.

Создание системы всеобщего образования

Против приведенной точки зрения, сторонники которой, по сути, сводили образовательную политику Петра (как узкотехнократически-утилитаристскую) к пулю, выступили другие ученые, призывавшие к переоценке значения приходских школ, создание которых было предусмотрено в последние годы правления Петра Духовным регламентом и которые, по мнению этих историков, были как предмет изучения целиком отданы на откуп специалистам по истории церкви с их сомнительными исследованиями.

Исходным пунктом упомянутой новой оценки (согласно которой приходские школы были существенным и весьма действенным компонентом преобразований Петра) стал тезис о том, что синодальные начальные школы не имели преобладающе религиозного характера. Не предназначались они и исключительно для отпрысков духовного сословия, но функционировали согласно классической широкообразовательной программе типа программ западноевропейских латинских школ, иногда с сильным уклоном в изучение арифметики или геометрии. По мере распространения приходских школ (школ при архиерейских домах) на территории страны они постепенно становились основой для всеобщей образовательной системы.

Система эта функционировала на протяжении ближайшего полувека не только как комплекс подготовительных школ для специальных и высших учебных заведений, но и в широком понимании она также приобрела большое значение для повышения общего культурного уровня (нашедшего в свою очередь отражение в количестве продаваемых книг), результатом которого стало образование новой интеллектуальной среды⁴⁵.

Прогресс науки

Остается предметом дискуссий также эффективность другого из нововведений Петра в области обра-

⁴⁵ См. в особенности у: Okenfuss M. J. The Jesuit Origins of Petrine Education (The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973), p. 107, 124—130. См. также: Богословский М. М. Петр Великий..., с. 89—90; Никольский Н. М. Церковная реформа..., с. 195; Bissonnette G. Peter the Great and the Church, p. 11—13, 19; Лупнов С. П. Книга в России..., с. 33—34, 36, 43, 54, 360.

зования, а именно широкая практика отправки русских юношей на учебу за границу⁴⁶. Напротив, относительно учреждения в 1724 г. Академии наук как события, имевшего чрезвычайно важные последствия, в целом расхождений во мнениях не наблюдается. Такое согласие среди историков вызвано, вероятно, не только тем, что они оценивали значение создания Академии наук преимущественно в перспективе, по большому счету, но и тем обстоятельством, что многие авторы нашли характерным для политики преобразований в целом⁴⁷ и культурной политики в частности то, что в эпоху правления Петра произошел переход от всеобщей бесплановости, спонтанности в области образования к систематичной разработанности; знаменательно, что объектом этого процесса был и сам Петр, получавший большой стимул для своего умственного и нравственного совершенствования⁴⁸.

Таким образом, утверждается, что план создания Академии наук был настолько глубоко продуман, а также сам по себе был настолько целесообразен, что в последовавшие затем 200 лет необходимости в существенном пересмотре направления научной работы Академии не возникало⁴⁹.

По мнению большинства советских историков, значение Академии наук трудно переоценить; они указывают далее, что результатом ее основания стал научный прогресс, до того в мировой истории невиданный. Прогресс, знамя которого поднял такой выдающийся, заслуживший мировое признание ученый, как М. В. Ломоносов⁵⁰.

⁴⁶ Об этой дискуссии см.: Okenfuss M. J. *Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great (The Eighteenth Century in Russia)*. Oxford, 1973), p. 131—132, 142—145; Пеккарский П. *Наука и литература...*, т. I, с. 139; Рождественский С. В. *Очерки...*, с. 9.

⁴⁷ См. выше, гл. I, примеч. 23.

⁴⁸ Hinz W. *Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit*. Breslau, 1933, S. 24—25, 90—91; Рождественский С. В. *Очерки...*, с. 5—6, 122—123; Wittram R. *Peter I*. Bd. II, S. 206—207.

⁴⁹ Белявский М. Т. *Основание Академии наук в России*. — *Вопросы истории*, 1974, № 5, с. 19—20, 22—23; Hinz W. *Peters des Grossen Anteil*, S. 59, 64.

⁵⁰ Вавилов С. И. *Академия наук СССР и развитие отечественной науки*. — *Вестник АН СССР*, 1949, № 2, с. 40—41; Пушкарев Л. Н. *Академия наук и русская культура*

Новая культура

Как бы ни различались оценки, которые историки дают отдельным сторонам петровской культурной политики, но, будучи под впечатлением всесторонности преобразований в этой области и их общей тенденции, все они придают ее конечному результату большое значение. Создается впечатление, что у ученых, стремящихся дать этим преобразованиям всеобъемлющую оценку, общим является мнение о петровских реформах как об эпохальном перевороте в истории культуры России, а о годах правления Петра I — как о периоде властного вторжения в русскую действительность новой системы ценностей или новой культуры, именуемой ими «новой русской культурой» или «культурой молодой России»⁵¹,

Секуляризация

Относительно того, что существеннейшим признаком новой культуры была ее светскость, среди ученых царит полное единодушие. Учреждением первых в России светских школ и повышением престижа техники и естественных наук вообще Петр заложил основу нового, светского мировоззрения, питательной средой которому стала постоянно возрастающая масса светской литературы, издававшейся по инициативе государства⁵².

XVIII века. — Вопросы истории, 1974, № 5, с. 28—38; Левшин Б. В. Начало Академии наук в России. — История СССР, 1974, № 2. с. 96; Краснобаев Б. И. Очерки..., с. 103, 109 и далее; Белявский М. Т. Основание Академии наук..., с. 25—27.

⁵¹ Raeff M. Peter the Great, p. 57; Wittram R. Peter I. Bd. II. S. 212, 217—218; Луппов С. П. Книга в России..., с. 3, 54, 359 и далее; Vucinich A. Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, California, 1963, p. 44, 52, 73; Краснобаев Б. И. Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения. — История СССР, 1976, № 6, с. 36—39; Он же: Основные черты новой русской культуры, с. 93—94.

⁵² Бакланова Н. А. Школа и просвещение. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 655, 686; Vucinich A. Science in Russian Culture. p. 52, 72—73; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 194, 196; Луппов С. П. Книга в России..., с. 3, 5, 43, 54—55, 359. 361; Краснобаев Б. И. Русская культура..., с. 34, 41, 43; Он же; Основные черты новой русской культуры, с. 97—98, 109.

В качестве наглядного примера утраты церковью былых позиций в области культурной жизни исследователи не только указывали на тот факт, что образование самого духовенства получило более светское содержание, но и подчеркивали, что религиозная литература, которая до тех пор, бесспорно, доминировала в массе общей книжной продукции, теперь составляла в ней исчезающе малую часть (14 %) и к тому же эта литература после проведения в жизнь реформы гражданского письма 1708 г. становилась для нового читателя малодоступной (реформа дала печатной светской литературе новый, более простой шрифт вместо церковнославянского) ⁵³.

Характерным для процесса отчуждения религиозной культуры был найден также тот факт, что в Академии наук не нашлось места для теологии, а это, по мнению некоторых авторов, имело далеко идущие последствия, поскольку Академия в качестве высшего учебного заведения стала образцом для российских университетов, учрежденных позднее ⁵⁴.

Европеизация

Как считают многие исследователи, это обмирщение культурной жизни России было тождественно европеизации: ведь новая, светская культура была перенесена в Россию из Европы. Подобное мнение является доминирующим как в западноевропейской ⁵⁵, так и в дореволюционной русской литературе ⁵⁶. Столь возросшая обиходность понятий вроде «вестернизация» или «европеизация» вызвана, возможно, тем, что их находят весьма точно определяющими один из типов развития как политической, так и материальной культуры; во всяком случае, термины эти использова-

⁵³ Шицгал А. Г. Русский гражданский шрифт 1708—1958. М., 1959, с. 5; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century. London, 1973, p. 37—38; Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 204—205, 217; Луппов С. П. Книга в России..., с. 86—88; Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры, с. 97—98.

⁵⁴ Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 210; Белявский М. Т. Основание Академии наук..., с. 21.

⁵⁵ Например: Raeff M. Imperial Russia, p. 131, 135; Lentin A. Russia in the Eighteenth Century, p. V, 38—41.

⁵⁶ Например: Пекарский П. Наука и литература..., т. I.

лись для характеристики петровских реформ как единого целого, в комплексе ⁵⁷.

Напротив, советские историки отрицали с самого начала научную ценность подобных понятий как поверхностных и малоприменимых, в сфере науки не действующих ⁵⁸. Советской историографией в свою очередь была выдвинута иная точка зрения: восприимчивость к другим культурам. Восприимчивость и светскость были характерными имманентными чертами новой культуры, которая тем самым отмежевалась от замкнутости старой, религиозно окрашенной культуры. И свидетельствовало это лишь о том, что теперь русская культура достигла стадии прогресса, присущей западноевропейским культурам, которые следовали тем же общим законам развития и которые точно так же были весьма восприимчивы по отношению одна к другой.

Согласно этому положению советской историографии, какой-либо общей западноевропейской культуры не существовало, а имелся ряд национальных культур, каждая из которых обладала своими особыми чертами. И русская культура также сохранила свою национальную индивидуальность, так что в эпоху Петра и речи быть не могло о рабском копировании всего западноевропейского, но лишь о критическом и выборочном восприятии отдельных элементов различных европейских культур ⁵⁹.

Впрочем, и западноевропейские историки подчеркивают иногда, что прогресс при Петре I носил характер селективной и целеустремленной культурной ассимиляции ⁶⁰ или что преобразователь заменил пассивную

⁵⁷ См. выше, гл. I, прим. 24—26.

⁵⁸ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, кн. I, с. 518—519; Томсинский С. Значение реформ Петра I, с. 19.

⁵⁹ Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры, с. 110; Он же: Русская культура, с. 34, 37; Лунпов С. П. Книга в России..., с. 7; Троицкий С. М. Русское дворянство XVIII века в изображении американского историка, с. 210—211.

⁶⁰ Rauff M. The Enlightenment in Russia and Russian Thought in the Enlightenment (The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973), p. 27—42, см. также предисловие издателя: с. V—VII; Hinz W. Peter des Grossen Anteil, S. 90—91.

и постепенную европеизацию активным и ускоренным процессом⁶¹.

На практике же многие исследования предпринимались с целью (высказанной вслух или подразумевавшейся) выявить относительное влияние различных наций⁶² или отдельных личностей⁶³ на культурную жизнь России в петровскую эпоху.

Национальное самосознание

Х. Роджер особенно подчеркивает, что результатом мощных стимулов такого влияния, имевших зарубежное происхождение, стало национальное самосознание, которое, по его мнению, возникло у русских в качестве своеобразного психологического защитного барьера и стало предпосылкой для сложившегося позднее критически-прагматического отношения к западно-европейской культуре⁶⁴ *.

В более конкретном плане исследователи обсуждали в своих дискуссиях, к примеру, возможные зарубежные прототипы и стимулы для учреждения российской Академии наук⁶⁵. Советская наука не менее зарубежной выдвигала на первый план своеобразие Петербургской академии, подчеркивая, что последняя, в противоположность европейским академиям, была чи-

⁶¹ Lewitter L. R. Peter the Great, Poland and the Westernization of Russia (Journal of the History of Ideas, № 19, 1958), p. 493, 506. Об аналогичной точке зрения на развитие военного искусства см. выше, гл. II, прим. 77.

⁶² Например: Puttkamer E. v. Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Grossen (Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, 19, 1—3, 1958), S. 369—384; Florovskij A. Peter I und die tschechische Kultur (Zeitschrift für Slawistik, 7, 1962), S. 537—555.

⁶³ Например: Boss V. Newton and Russia: The Early Influence 1698—1796. Cambridge, Mass., 1972; Кольман Э. Вклад Эйлера в развитие математики в России. — Вопросы истории естествознания и техники, 1957, № 4, с. 15—25; Суймарев V. I. G. W. Leibniz und die russische Kultur zu Beginn des 18. Jahrhunderts (Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 8, 1960), S. 94—107; Truesdell C. Leonard Euler, Supreme Geometer (1707—1783) (Studies in Eighteenth—Century Culture, II. London, 1972), p. 51—95.

⁶⁴ Rogger H. National Consciousness in Eighteenth—Century Russia. Cambridge, Mass., 1960, p. 3—9, 276—277.

⁶⁵ Ср.: Wittram R. Peter I. Bd, II, S. 207ff., 557ff.

сто государственным институтом, рассчитанным, кроме того, и на выполнение задач университета и гимназии⁶⁶.

Постоянный государственный контроль культурной жизни

Некоторые историки видят существенное значение реформ Петра именно в том, что исследовательская и преподавательская деятельность была под контролем государства*. Таким образом, преобразователь создал стойкую традицию, которая претерпевала в отдельных случаях некоторые изменения, но тем не менее сохранила жизнеспособность до сегодняшнего дня⁶⁷.

Раскол национальной культуры

Почти столь же старым и глубоко укоренившимся, как сама теория европеизации, является мнение о том, что реформы Петра стали причиной глубокого раскола культуры русского народа, поскольку европеизация охватила лишь правящий класс, тогда как широкие круги населения в общем остались не затронутыми новым культурным процессом. Разделение («разрыв») русских на «две нации», которым стало тяжело понимать друг друга, было излюбленным сюжетом работ славянофилов и постоянной темой общественных дебатов XIX в.; оно было поэтому принято большинством дореволюционных русских историков как нечто аксиоматичное⁶⁸. Впрочем, и в более современной литера-

⁶⁶ Краснобаев Б. И. Очерки..., с. 108; Белявский М. Т. Основание Академии наук..., с. 20—21; Левшин Б. В. Начало Академии наук, с. 96.

⁶⁷ Прежде всего в: Vucinich A. Science in Russian Culture, p. 52, 73. См. также: Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 195, а также: Миллюков П. Н. Очерки..., ч. II, с. 400—401.

⁶⁸ Ср.: Десницкий В. А. Реформа Петра I и русская литература XVIII века. — В кн.: Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.-Л., 1958, с. 34. Особой точки зрения придерживался П. Н. Миллюков (Очерки..., ч. II, с. 392—394), утверждавший, что культурный раскол стал свершившимся фактом еще при восшествии Петра на престол и что он был не результатом, но предпосылкой для процесса быстрой европеизации в годы его правления.

туре подобная точка зрения обычна для авторов, отстаивающих теорию европеизации ⁶⁹.

Но среди этих историков дискутировался вопрос о том, насколько подобный результат соответствовал намеченной цели и был ли Петр виновен в духовном расколе. Утвердительный ответ дает М. Ф. Владимирский-Буданов, который рассматривает образовательную политику Петра вкупе с происходившим одновременно введением сословного законодательства. По мнению этого историка права, царь сознательно порвал с национальной традицией, стремясь ввести «сословно профессиональное образование» по европейскому образцу, т. е. организовать систему различного рода учебных для определенных функций и к тому же для определенных сословий — прежде всего для дворянства и духовенства ⁷⁰.

Против изложенной гипотезы (привлекшей многих сторонников ⁷¹) некоторые историки выдвинули возражение, утверждая, что петровские школы были рассчитаны на учеников из различных сословий и что культурная политика царя была нацелена, в соответствии с идеологией эпохи, на «общее благо», т. е. рассчитана на все население. Если же в результате ее проведения все же образовался культурный раскол, то лишь из-за того, что эти намерения потерпели крушение, разбившись об острые скалы социальной действительности ⁷² или же оттого, что правящий класс после смерти Петра монополизировал новую систему образования, которое стало при этом отличительным

⁶⁹ Anderson M. S. Peter the Great. London, 1969 (Historical Association Pamphlets, General Series, v. 71), p. 28—29; Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great. Englewood Cliffs, N. J., 1969, p. 145—146; Dmytryshyn B. Modernization of Russia under Peter I and Catherine II. New York, 1974, p. 5—6; Raeff M. Peter the Great, p. XIII; Ріасановску N. V. A History of Russia, p. 263.

⁷⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование..., ч. I, с. V—VI, 88—89, 143—144, 146—147, 154—155.

⁷¹ Архангельский А. Духовное образование..., с. 27; Милюков П. Н. Очерки..., ч. II, с. 303—305. См. также: Бакланова Н. А. Школа и просвещение, с. 655, 681; Краснобаев Б. И. Очерки..., с. 40, 50 и далее.

⁷² Wittram R. Peter I. Bd. II, S. 201—202, 211, 215; Десницкий В. А. Реформа Петра I..., с. 33, 37.

качеством при определении различных социальных статусов⁷³.

Национальная культурная общность

Тезис о культурном расколе был целиком принят марксистским историком Г. В. Плехановым⁷⁴ *. Напротив, отношение к этому тезису советских историков несло отпечаток известной двойственности. С одной стороны, на него могли опираться те историки, которые делали в своих трудах акцент на социальные противоречия петровского периода, но, с другой стороны, тезис этот был трудносовместим с точкой зрения, согласно которой русская нация находилась в это время в состоянии формирования и что процесс этот нашел выражение в «культурной общности»⁷⁵.

Некоторые авторы избрали иной путь. Они преуменьшали значение культурного раскола, указывая на то, что народная культура упорно продолжала свое развитие в старом направлении — к большей светскости⁷⁶.

Между тем, судя по работам, написанным советскими историками позднее, они совершенно оставили тезис о культурном расколе в пользу иного — о культурном единстве («культурной общности»). Так, они подчеркивали, что политика Петра дала толчок подъему грамотности населения, что его школы воспитали плеяду просвещенцев, представлявших собой новый тип человека и образовавших стержень, вокруг которого позднее стала формироваться недворянская (разночинная) интеллигенция, вышедшая из народной среды.

Наконец, как это в особенности подчеркивается в работах Б. И. Краснобаева, между новой культурой и широкими слоями населения не было никаких антаго-

⁷³ Рождественский С. В. Очерки..., с. 4—5, 70—71, 123—124; Alston P. L. Education and the State, p. 8; Raef M. Imperial Russia, p. 136—137; Okenfuss M. J. The Jesuit Origins, p. 129.

⁷⁴ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1918, т. I, с. 115.

⁷⁵ Подобная двойственность была выражена, например, в кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 316, 631,— т. е. в формулировках самих редакторов Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко.

⁷⁶ Например: Десницкий В. А. Реформа Петра I..., с. 34—35.

нистических, противоречивых отношений. Новая культура была культурой национальной, тесно связанной со всем лучшим, что было в народной традиции, и охватившей постепенно все крестьянское сословие⁷⁷. Но одновременно все же указывается, что ростки новой культуры, которую создало петровское государственное управление, можно было обнаружить уже во второй трети XVII в. Другое дело, что преобразования Петра обусловили их расцвет и в сильнейшей степени способствовали прогрессу⁷⁸.

⁷⁷ Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры, с. 93—94, 97, 105, 109, 111; Луппов С. П. Книга в России..., с. 54, 359—360; Бакланова Н. А. Школа и просвещение, с. 680.

⁷⁸ Краснобаев Б. И. Русская культура..., с. 36—37, 39; Он же: Основные черты новой русской культуры, с. 94.

ПЕРЕМНЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ

сферу преобразовательской деятельности Петра I включается, наконец, и его внешняя политика. Во-первых, чрезвычайно резкое изменение международного положения, которое заняла Россия, часто рассматривается как преобразование само по себе¹. В исторической литературе сложилось устойчивое мнение: эпоха правления Петра I означала в политическом отношении исторический поворот во взаимоотношениях России и Европы, сама же Россия благодаря победе над Швецией вошла в европейскую систему государств в качестве великой державы². При этом неко-

¹ Платонов С. Ф. Лекции..., с. 440; Лебедев В. И. Реформы Петра I, с. 9; Sumner В. Н. Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1962, p. 188; Anderson M. S. Europe in the Eighteenth Century. London, 1962, p. 179.

² Например: Брикнер А. Г. Россия и Европа при Петре Великом. — Исторический вестник, 1880, № 2, с. 409; Томсинский С. Значение реформ Петра I, с. 13—15; Поршнев В. Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII веках. — Ученые записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), 1948, вып. II. Вопросы всеобщей истории, с. 25; Riasanovskiy N. V. A History of Russia. Oxford, 1969, p. 249; Клокман Ю. P. Вопросы военной истории России..., с. 34; Anderson M. S. Peter the Great. London, 1969 (Historical Association Pamphlets, General Series, v. 71), p. 11—16; Некрасов Г. А. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историче-

торые авторы считают указанные результаты важнейшими во всей деятельности Петра³, другие же — вообще важнейшим событием в истории Европы XVIII в.⁴

Хотя отдельные западные историки и склонялись к тому мнению, что действительно великой державой Россия стала лишь в более поздние десятилетия XVIII в.⁵ (правда, один советский автор в своей монографии развенчал это положение^{6*}), в научных спорах о фактическом подъеме России до статуса великой державы обсуждалось в основном все же время правления Петра I. При этом некоторые ученые называли решающим, поворотным пунктом события на поле боя (прежде всего — победу под Полтавой в 1709 г.⁷), в то время как другие — которые предпочитали исследовать ход развития дипломатических акций — указывали в том же смысле на годы 1716—1717⁸.

Затем сама война рассматривалась с распространенной среди исследователей точки зрения, согласно которой она являлась постоянной причиной собственно петровских преобразований (имеются в виду внутрен-

ском процессе. [Сб. статей.]/Под ред. Пашуто В. Т и др. М., 1972, с. 384; Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII века. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 9—10, 36—39; Zernack K. Von Stolbovo nach Nystad. Russland und die Ostsee in der Politik des 17. und 18. Jahrhunderts (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 20, 1972), S. 98, 100.

³ Wittram R. Peter der Grosse. Der Eintritt Russlands in die Neuzeit. Berlin — Göttingen, 1954, S. 96; Павленко Н. И. Петр I, с. 101.

⁴ Anderson M. S. Europe, p. 28; См. также: Соловьев С. М. История России..., кн. IX, с. 312, 541.

⁵ Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952, S. 613—615; Jägerskiöld O. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. II, d. 2, 1721—1792. Stockholm, 1957, s. 17.

⁶ Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725—1739. М., 1976.

⁷ Ср.: Doerries H. Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen. Studien zur zeitgenössischen Publizistik und Staatenkunde. Berlin, 1939, S. 22—24.

⁸ Anderson M. S. Europe, p. 154, 177; idem: Peter the Great, p. 14—16; Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав..., с. 30.

ние реформы⁹). Хотя эта точка зрения и не разделяется большинством советских историков (которые чаще всего приводят обратное причинно-следственное отношение, а именно что военные и дипломатические успехи России были обусловлены экономическими, военными, административными реформами Петра¹⁰), но отдельные из них указывают все же на значение «внешнего фактора» для направления внутреннего развития государства. Так, особенно подчеркивается, что благодаря выходу к побережью Балтийского моря государственной экономике России была сделана «инъекция соленой воды», которая содействовала развитию капиталистического уклада¹¹, или что престиж, которого монархия достигла благодаря своим военным победам, стал одной из предпосылок окончательного установления в России абсолютизма¹².

Заслуга в том, что литература о международном положении России при Петре I сравнительно обширна и многопланова, принадлежит, во-первых, советским систематично организованным научным разработкам в послевоенные годы, а во-вторых, тому обстоятельству, что иностранные исследователи этой темы обладали чрезвычайно богатыми возможностями для эмпирических изысканий, поскольку они могли широко пользоваться огромными собраниями дипломатических актов западноевропейских архивов.

Слабее выглядит в общей картине исследований позиция дореволюционных русских историков — они, как правило, не очень интересовались историей внешней политики, кроме того, им в течение длительного времени был закрыт доступ к зарубежным архивам¹³.

⁹ Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 544—546; Ключевский В. О. Сочинения, т. IV, с. 49—50, 60—63, 200, 206—207; Schirren C. Zur Geschichte des Nordischen Krieges. Rezensionen. Kiel, 1913, S. 105.

¹⁰ Ср., например: Некрасов Г. А. Международное признание..., с. 385—386.

¹¹ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959, с. 35; Он же: Россия в системе европейских держав..., с. 36.

¹² Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России, с. 74; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке, с. 116.

¹³ Ср.: Полиевктов М. А. Литература по внешней русской истории XVIII—XIX вв. за 1900—1915 гг. — Исторические известия, 1916, № 1, с. 42—43, 45.

Их вклад в разработку темы ограничивается в основном всесторонним, но описательного характера обзором дипломатических отношений, сделанным С. М. Соловьевым¹⁴, и монографией М. А. Полиевктова о балтийской политике Петра за четыре последних года его правления¹⁵.

С монографией М. А. Полиевктова имеют сходство многие масштабно задуманные фундаментальные труды, посвященные сравнительно более коротким периодам. Сказанное относится прежде всего к работам К. И. Хартмана, С. А. Фейгиной и Л. А. Никифорова, в которых освещены события 1716—1721 гг.¹⁶ История внешней политики в первую половину эпохи правления Петра I раскрыта (более фрагментарно) в докторской диссертации Т. К. Крыловой, опубликованной в виде ряда тематически разбросанных, но весьма значительных по содержанию статей¹⁷, а также некоторых более мелких работ авторов, композиционным стержнем которых является международное положение России до и после битвы под Полтавой¹⁸.

¹⁴ Соловьев С. М. История России..., кн. VII—IX. М., 1962—1963.

¹⁵ Полиевктон М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира, 1721—1725 гг. — Записки Ист.-филол. факультета Императорского С.-Петербургского ун-та. Спб., 1907, т. 85.

¹⁶ Hartman K. J. Tsar Peters underhandlingar 1716 om landgång i Skåne. Helsingfors, 1887; idem: Aländska kongresen och dess förhistoria, Bd. I—V, Abo, 1921—1931; Фейгина С. А. Аландский конгресс; Никифоров Л. А. Внешняя политика России.. (см. прим. 11). Ништадтский мир с точки зрения шведской историографии рассмотрен в: Wensheim G. Studier kring freden i Nystad (Bibliotheca Historica Lundensis, XXXIX), Lund, 1973. Здесь в противоположность труду Л. А. Никифорова, отрицается значительное влияние проблемы шведского престолонаследия на результат мирных переговоров.

¹⁷ Например: Крылова Т. К. Россия и «Великий союз». — Исторические записки, 1942, т. 13, с. 84—129; Она же: Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. — Исторические записки, 1946, т. 19, с. 17—62; Она же: Полтавская победа и русская дипломатия. — В кн.: Петр Великий. [Сб. статей.]/Под ред. Андреева А. И. М.-Л., 1947, с. 104—166.

¹⁸ Например: Полтава. К 250-летию Полтавского сражения; Полтавская победа. [Сб. статей.]/Под ред. Грекова И. Б. и Королюка В. Д. М., 1959.

Имеются работы и другого рода — в них исследуются функции отдельных внешнеполитических вопросов в отношениях России и западноевропейской системы государств на протяжении несколько более значительного периода¹⁹. Но все-таки большая часть литературы рассматривает историю отношений России с отдельными государствами.

Естественно, не в меньшей степени интересовала ученых история отношений между Россией и ее военными противниками — Швецией²⁰, Турцией и Персией²¹, а также ее союзниками²², как и позиция третьих держав в ходе развития конфликтов, в которых

¹⁹ Mediger W. Mecklenburg, Russland und England — Hannover 1706—1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967 (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens, Bd. 70); Bagger H. Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad. En studie i det slesvigske restitutionsspørgsmaal indtil 1732. København, 1974 (Københavns Universitets Slaviske Institut, Studier, Bd. 4).

²⁰ Например: Stille A. Carl XII:s fälttågsplaner 1707—1709. Lund, 1908; Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Del 1—3. Stockholm, 1924—1927; Haintz O. Karl XII und Peter der Grosse vor Pultawa 1709 (Preussische Jahrbücher, Bd. 215, 1929, S. 30—47, 136—151); Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964. См. также выше прим. 16.

²¹ Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. — Исторические записки, 1941, т. 10, с. 250—279; Sumner B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949; Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951; Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1974; Benignsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire, and the Caucasus (Canadian-American Slavic Studies, v. VIII, 1974, 311—318).

²² Holm E. Studier til den store nordiske Krigs Historie, Bd. I; Frederik IV og Czar Peter i Aaret 1716 (Historisk Tidsskrift, Bd. 5, h. 3, 1881—1882, S. 1—160); Богословский М. М. Русско-датский союз 1699—1700 гг. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, 1929, т. 4, с. 123—152; Jensen B. Dansk-russiske relationer 1697—1709 (Historie, Bd. VIII, h. 4, 1970, s. 397—465); Возгрип В. Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г. — Исторические записки, 1974, т. 93, с. 309—327; Каминьский А. Первые годы польско-русского союза 1704—1709. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 213—223; Lewitter L. R. Russia, Poland and the Baltic 1697—1721 (The Historical Journal, v. XI, 1968, p. 3—34).

принимала участие Россия²³. Кроме того, особое внимание исследователей привлекали двусторонние отношения с Китаем²⁴ и с европейскими великими державами — Англией²⁵, Францией²⁶ и Австрией²⁷.

Накопец, имеется довольно значительная литература о средствах ведения внешней политики, причем авторы не просто интересовались военными реформами Петра²⁸, но также становлением российских дипломатии и посольского аппарата²⁹. Напротив, управлению

²³ Chance J. F. *George I and the Northern War. A Study of British—Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709—1721*. London, 1909; Grönroos H. *England, Sverige och Ryssland 1719—1721* (Historisk tidskrift för Finland, 1931, s. 1—26, 57—66); Jacob I. *Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei in den Jahren 1718—1727. Eine historisch-diplomatische Studie*. Basel, 1945; Hassinger E. *Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700—1713*. München, 1953; Schenk H. *Zur Vermittlung Frankreichs im Nordischen Krieg* (Archivalische Fundstücke zu den russische-deutschen Beziehungen. Berlin, 1973, S. 9—28).

²⁴ Cahen G. *Histoire des Relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand, 1689—1730*. Paris, 1912; Яковлева П. Т. *Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958*; Mancall M. *Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1971.

²⁵ Никифоров Л. А. *Русско-английские отношения при Петре I*. М., 1950; Chance J. F. *George I and Peter the Great after the Peace of Nystad* (English Historical Review, v. 26, 102, 1911, p. 278—309).

²⁶ Брикнер А. Г. *Отношения России и Франции при Петре Великом*. — Журнал Министерства народного просвещения, 1883, февр., с. 264—300; май, с. 14—50; июль, с. 161—187; Крылова Т. К. *Франко-русские отношения в первую половину Северной войны*. — Исторические записки, 1940, т. 7, с. 115—148.

²⁷ Флоровский А. В. *Страницы истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в.* — В кн.: *Феодальная Россия...*, с. 389—397; Leitsch W. *Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724—1726* (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 6, 1958, S. 33—91).

²⁸ См. выше, гл. II, примеч. 66—110.

²⁹ Александренко В. Н. *Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов*. — Варшавские университетские известия, 1894, № 8, с. 1—29; Он же: *Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке*. Варшава, 1897, т. I; Ульяновский В. А. *Русские консульства за границей в XVIII веке*. М., 1899, ч. I; Грабарь В. Э. *Материалы к истории литературы международного права в России*, с. 38—77; Bohlen A. *Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great* (Cahiers du monde russe

внешней политики и центральными ее органами не уделялось достаточного внимания³⁰.

Бросается в глаза и отсутствие структурно-аналитических исследований внешней политики Петра, а также фундаментальных обобщающих работ, в которых рассматривались бы главные черты политического планирования на протяжении всего времени правления Петра. Имеющиеся обзоры или носят научно-популярный характер³¹, или же отличаются военно-исторической направленностью³².

Научные дискуссии в этой области касались главным образом частных проблем³³, посвящались толкованию отдельных актов и реконструкции истории различных событий, например битвы под Полтавой³⁴. Многие постановки проблем имели к тому же гипотетический характер. Так, например, велась полемика о том, мог ли Карл XII в случае, если бы он применил иную военную стратегию, избежать поражения или мог бы Петр добиться более раннего заключения мира со Швецией, если бы он проводил иную политику.

et soviétique, v. VII, 1966, p. 341—358); Amburger E. Das diplomatische Personal des russischen auswärtigen Dienstes unter Peter I (Das Vergangene und die Geschichte. Festschrift für Reinhard Wittram zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1973, S. 298—311).

³⁰ Очерк истории Министерства Иностранных Дел, 1802—1902. Спб., 1902, с. 35—50.

³¹ Например: Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.

³² Например: Тельпуховский Б. С. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946; Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.

³³ Многие точки зрения на эти частные проблемы приведены в аппарате примечаний у: Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. I, S. 420—421, 426—431, 436—490; Bd. II, S. 560—587, 598—618.

³⁴ Например: Petri G. Slaget vid Poltava (Historia kring Karl XII. Stockholm, 1964), s. 65—100. Ключ к пониманию содержания довольно широкой дискуссии шведских историков о Северной войне дан в следующих проблемных работах: Rosén J. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. II, d. 1, 1697—1721. Stockholm, 1952. Haintz O. König Karl XII von Schweden. Bd. I—III. Berlin, 1958; Hatton R. M. Charles XII of Sweden. London, 1968.

КАКИМИ БЫЛИ МОТИВЫ РОССИИ В ЕЕ БОРЬБЕ ЗА ДОСТУП К МОРЮ?

Согласно самому распространенному мнению, главная цель внешней политики Петра I заключалась в том, чтобы добиться для России выхода к морям — Балтийскому, Черному и Каспийскому. Таким образом, основная часть литературы вопроса может рассматриваться как материал, освещающий попытки Петра различными путями и на различных стадиях своего правления достичь этой цели.

Собственно, отличающихся друг от друга точек зрения в ответах историков на вопрос, что же двигало Россию к морю, также нет (в крайнем случае можно обнаружить лишь незначительные нюансы).

Экономические интересы

Если не считать Милюкова, который полагал, что Петр не преследовал в своей политике ни торговых, ни экономических интересов и что внешнеполитические триумфы России были оплачены разорением страны³⁵, то остальные историки, начиная с С. М. Соловьева, довольно единодушно провозглашают существеннейшим мотивом этой политики нужды экономики³⁶. Такое мнение часто конкретизируется ссылкой на планы Петра наладить крупномасштабную торговлю России (транзитную) между Балтийским морем и Центральной Азией³⁷.

На этом основании утверждалось, что войны со Швецией, Турцией и Персией нельзя рассматривать как альтернативные возможности, предполагавшие

³⁵ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России..., с. 543, 546.

³⁶ Соловьев С. М. Публичные чтения..., с. 73.

³⁷ Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в. — Исторические записки, 1956, т. 57, с. 254; Kellenbenz H. Der russische Transithandel mit dem Orient im 17. und zu Beginn des 18. Jahrhunderts (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 12, 1964/65), S. 496; Ульяновский В. А. Русские консульства, ч. I, с. 71—72, 200—201; Jacob I. Beziehungen Englands, S. 70—73; Wittram R. Peter I. Bd. I, S. 141, 197—198; Bd. II, S. 43; Mediger W. Mecklenburg, S. 174.

какой-то выбор, но лишь как осуществление устремлений к той же основной цели ³⁸.

Военно-стратегические интересы и необходимость культурного развития

Между тем необходимо заметить, что советские историки со времени развенчания теорий М. Н. Покровского избегали однозначно доказывать наличие примата во внешней политике торгово-политических интересов. Хотя ценность самого доступа к путям мировой торговли и определяется как наиболее жизненно необходимая, но лишь наряду с военно-политическими интересами или программами национального культурного развития ³⁹.

Несколько более разнообразны точки зрения в ответе на вопрос о том, в какой мере внешняя политика была выражением чисто личных устремлений Петра или же она была обусловлена «внутренним давлением», вызванным социально-экономическими процессами.

Интересы московского торгового капитала

Некоторые историки (в особенности М. Н. Покровский) утверждали, что источником активного нажима на проводимую Россией внешнюю политику был торговый капитал Москвы и, далее, что русские купцы доказали в XVII в. различными смелыми инициативами, что они «созрели» для ведения более активной внешней торговли. Утверждалось, что государственная

³⁸ Svensson S. Czar Peters motiv för kriget mot Sverige. En problemställning (Historisk Tidskrift, Bd. 51, 1931), s. 458—462.

³⁹ Барер И. Внешняя политика Петра I и образование Российской империи. — Исторический журнал, 1938, № 6, с. 46; Джервис М. В. Внешняя политика русского самодержавия в XVIII в. в изображении Покровского. — В кн.: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского./Ред. Греков Б. Д. и др. М.-Л., 1940, ч. II, с. 177—197; Лысцов В. П. Персидский поход..., с. 8—10; Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения..., с. 254; Фейгина С. А. Аландский конгресс..., с. 3; Никифоров Л. А. Внешняя политика России..., с. 33—34; Некрасов Г. А. Международное признание России, с. 386. В то время как Н. Г. Куканова рассматривает торговые интересы как пример продолжения старомосковской внешней политики при Петре, Л. А. Никифоров выдвигает в качестве таковых военно-стратегические интересы.

власть была лишь орудием (в том числе и военным) для осуществления стремления предприимчивых торговых домов добыть гавань более удобную, чем Архангельск⁴⁰.

Чисто личные устремления Петра

Такая точка зрения была встречена возражением — московские купцы были противниками перевода торговли из Архангельска на Балтийское море, поэтому именно Петра, и только его, можно рассматривать как собственно «*primus motor*» внешней политики (которая, однако, ни в коей мере не была по этой причине выражением своевольной страсти царя к завоеваниям)⁴¹.

Интересы правящего класса (дворянства)

В послевоенной советской литературе часто встречается высказывание, что внешняя политика Петра служила интересам правящего класса, т. е. дворянства⁴². Между тем создается впечатление, что эта точка зрения является результатом не собственно исследований, а, скорее, чисто теоретического толкования истории. Если не считать трудов по крестьянским восстаниям в петровский период⁴³, то конкретных исследо-

⁴⁰ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке, кн. III, с. 92, 98; Nyström P. Mercatura Ruthenica (Scandia. Bd. X, 1937), p. 294—295; Шаскольский И. П. Важная предпосылка борьбы России за Балтику в XVII—начале XVIII в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. [Сб. статей.]/Под ред. Пашуто В. Т. М., 1972, с. 368—373.

⁴¹ Mediger W. Mecklenburg, S. 149—151. О роли Петра во внешней политике в целом см. также выше — гл. I, примеч. 51.

⁴² Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 434; Клокман Ю. Р. Северная война 1700—1721 гг. Борьба России за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель в Прибалтике. — В кн.: Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России./Ред. Бескровный Л. Г. М., 1968, с. 112; Никифоров Л. А. Русско-английские отношения..., с. 14—15.

⁴³ Например: Санин Г. А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII—начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения./Ред. Черепнин Л. В. М., 1974, с. 370—379; Kentrschynskuj V. Peter I och upproret vid Don (Karolinska Förbundets Årsbok, 1963), s. 141—148.

ваний о том, как влияла классовая борьба на внешнюю политику эпохи, не имеется ⁴⁴.

КАКИЕ ЦЕЛИ СТОЯЛИ ПЕРЕД ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИИ ПОСЛЕ НИШТАДСКОГО МИРА?

Исследователи петровской темы традиционно уделяют большое внимание борьбе России за доступ к морю. Между тем европейская политика России после Ништадтского мира интересовала их гораздо меньше, ибо основная цель была достигнута и Россия, как принято считать, получила статус великой державы. Поэтому, если не брать в расчет раннюю новаторскую работу М. А. Полиевктова, историки довольствовались вплоть до последних лет полемикой на тему подлинности «завещания Петра Великого», где был набросан далеко идущий план непрерывных завоеваний ⁴⁵. (См. с. 22.— *Прим. ред.*).

Целей вообще не было

Можно предположить, что именно под влиянием упомянутой дискуссии советские историки выдвинули категорическое утверждение, что в результате присое-

⁴⁴ При разработке этой проблемы можно использовать материалы, содержащиеся в следующих работах: Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. [Сб. статей.]/Под ред. Павленко Н. И. М., 1973, с. 172—198 (здесь освещается двойственная позиция фельдмаршала Шереметева в отношении его лояльности к монарху и высшей аристократии); Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., гл. V (автор исследует частную торгово-предпринимательскую деятельность президента коллегии Меншикова и кабинет-секретаря Макарова).

⁴⁵ Например: Bresslau H. Das Testament Peters des Grossen (Historische Zeitschrift, Bd. 41, 1879), S. 335—409; Lockhart L. The «Political Testament» of Peter the Great (Slavonic and East European Review, v. 14, 1935/36), p. 438—441; Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого. — Исторический журнал, 1941, № 12, с. 128—133; Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого. — Труды ист.-архивн. ин-та, 1946, т. 2, с. 203—270; Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand (Cahiers du monde russe et soviétique, v IX, 1968), p. 265—293; Subtelny O. «Peter I's Testament»: A Reassessment (Slavic Review, v. 33, IV, 1974), p. 663 678

динения Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии балтийская проблема России была решена и что после Ништадтского мира никакой опасности для обладания этими провинциями более не было — ведь Швеция уже не являлась великой державой⁴⁶.

Территориальная консолидация

По поводу приведенного тезиса в более современных советских исследованиях русско-шведских отношений в период после Ништадтского мира доказывалось, что русское правительство считало существенно важным упрочивать обладание завоеванными территориями и нормализовать отношения с побежденным противником.

Торговая экспансия

Но, продолжают советские историки, этим основные задачи правительства Петра не ограничивались. Как указывал еще М. А. Полиевктов, правительство уделяло много внимания покровительству балтийской и европейской торговле России — так, оно требовало отмены Зундской пошлины и пыталось создать политические опорные пункты в западной части Балтийского моря, в Мекленбурге и Шлезвиг-Гольштейне⁴⁷.

Решение вопроса «шлезвигской реституции»

Некоторые историки полагают, что стремление России поддержать требование готторпского герцога о восстановлении его прав на Шлезвиг (о «реституции») претерпело эволюцию: из средства давления на Данию оно превратилось в самодовлеющую цель балтийской политики Петра⁴⁸ или даже в настоящий пробный

⁴⁶ См.: Вопросы истории, 1958, № 2, с. 173 (рецензии В. А. Александрова, Г. А. Новицкого и Л. А. Никифорова).

⁴⁷ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения..., с. 5, 63, 134—135, 224, 265; Полиевктов М. А. Балтийский вопрос..., с. 6—11, 106, 109—110; Misiunas R. J. The Baltic Question After Nystad (Baltic History. Publications of the Association for the Advancement of Baltic Studies, v. 5. Columbus, Ohio, 1974, p. 74. Здесь подчеркивается наличие противоречия между территориальной политикой (статус кво) и торговой (экспансионистской).

⁴⁸ Полиевктов М. А. Балтийский вопрос..., с. 176, 227, 283, 300.

камень для влияния новой великой державы на систему европейских государств ⁴⁹.

С другой стороны, утверждается, что восстановление прав герцога на готторпскую часть Шлезвига вошло в число целевых установок русского правительства позже — лишь после смерти Петра I ⁵⁰.

Признание императорского титула

Наконец, в своих позднейших работах советские историки подчеркивают прежде всего наличие престижно-политических целей, стремления добиться от европейских правительств признания титула императора, которым российский монарх удостоил себя после заключения Ништадтского мира ⁵¹.

Если не считать нескольких кратких периодов (например, 1713—1715 гг.), то можно признать, что внешняя политика Петра I на нынешнем этапе является хорошо исследованной (имеются в виду ее основные линии). По крайней мере, именно такое убеждение сложилось, судя по всему, в современной советской исторической науке. Наиболее актуальной задачей советской историографии считается теперь концентрация внимания исследователей вокруг послепетровских десятилетий XVIII в., поскольку они недостаточно изучались историками внешней политики России ⁵².

⁴⁹ Bagger H. Ruslands alliancopolitik, s. 78—79, 132, 136—137, 143—144, 151—152.

⁵⁰ Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения..., с. 126, 173, 176—177, 226—227, 242, 253, 266.

⁵¹ Некрасов Г. А. Международное признание России, с. 387—388; Никифоров Л. А. Россия в системе европейских держав..., с. 38.

Касательно значения престижно-политических мотивов см. также: Bagger H. Ruslands alliancopolitik efter freden i Nystad, s. 47; Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel (Historische Zeitschrift. Bd. 187, 1959), S. 576—577. Здесь, напротив, подчеркивается, что внимание к престижно-политическим мотивам стало играть заметную роль лишь начиная с середины XVIII столетия.

⁵² Ср.: Назаров В. Д. и др. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии. — Вопросы истории, 1976, № 4, с. 47; Некрасов Г. А. Роль России..., с. 3—4, 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Литература на русском языке

Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза.]/Под ред. Дружинина Н. М. и др. М., 1964.

Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. — История СССР, 1968, № 2, с. 82—104.

Аврех А. Я. Утраченное «равновесие». — История СССР, 1971, № 4, с. 60—75.

Александренко В. Н. Посольский церемоннал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов. — Варшавские университетские известия, 1894, № 8, с. 1—29.

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897, т. 1.

Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге. — В кн.: Петр Великий. [Сб. статей.]/Под ред. Андреева А. И. М. — Л., 1947, с. 284—333.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719—1728. Л., 1982.

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая в годы конфликта с Османской империей 1709/10—1714. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1975.

Архангельский А. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883.

Бабурин Д. С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939.

Бабурин Д. С. Реформа высших и центральных органов государственного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века, с. 291—317.

Базилевич К. В. Петр Великий. — Вольшевик, 1943, № 17, с. 49—64.

Бакланова Н. А. Школа и просвещение. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, Россия в первой четверти XVIII века, с. 655—681.

Барер И. Внешняя политика Петра I и образование Российской империи. — Исторический журнал, 1938, № 6, с. 41—56.

Бахрушин С. В. О классовой природе монархии Петра I. — Известия Академии наук СССР. Сер. истор. и фило-соф., 1944, т. 1, № 2, с. 87—92.

Белявский М. Т. Основание Академии наук в Рос-сии. — Вопросы истории, 1974, № 5, с. 16—27.

Берлин П. А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.

Бескровный Л. Г. Реформа армии и создание воен-по-морского флота. — В кп.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века, с. 342—370.

Бескровный Л. Г. Военные школы в России в пер-вой половине XVIII века. — Исторические записки, 1953, т. 42, с. 285—300.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII ве-ке. М., 1958.

Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия во время Се-верной войны. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1980.

Бетяев Я. Д. Общественно-политическая и философ-ская мысль в России в первой половине XVIII в. Саранск, 1959.

Бобровский П. О. Военное право в России при Пе-тре Великом. Ч. 2. Артикул Воинский. Спб., 1882—1886, т. I—II.

Богословский М. М. Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах. — Ученые записки Института исто-рии РАНИОН, 1927, т. II, с. 219—250.

Богословский М. М. Областная реформа Петра Ве-ликого. Провинция 1719—27 гг. М., 1902.

Богословский М. М. Петр Великий и его реформа. М., 1920.

Богословский М. М. Петр I. Материалы для био-графии. М., 1940—1946, т. I—III.

Богословский М. М. Русско-датский союз 1699—1700 г. — Ученые записки Института истории РАНИОН, 1929, т. IV, с. 123—152.

Брикнер А. Г. Отношения России и Франции при Петре Великом. — Журнал Министерства народного про-свещения, 1883, февр., с. 264—300, май с. 14—50, июль с. 161—187.

Брикнер А. Г. Россия и Европа при Петре Великом. — Исторический вестник, 1880, № 2, с. 409—434.

Булыгин И. А. Церковная реформа Петра I. — Вопро-сы истории, 1974, № 5, с. 79—93.

Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в пер-вой четверти XVIII века. М., 1977.

Вавилов С. И. Академия наук СССР и развитие оте-чественной науки. — Вестник АН СССР, 1949, № 2, с. 38—53.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910.

Веретенников В. И. Очерки истории генерал-проку-ратуры в России до екатерининского времени. Харьков, 1915.

Верховской П. В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Ростов н/Д., 1916, т. I—II.

Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Спб., 1893, вып. 1.

Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Спб.—Киев, 1909.

Возгрин В. Е. Заключение русско-датского союзного договора 1709 г.—Исторические записки, 1974, т. 93, с. 309—327.

Возгрин В. Е. Датско-голландское соперничество при русском дворе весной 1714 г.— В кн.: Социально-экономическая история СССР. М.—Л., 1974, ч. 1, с. 191—206.

Возгрин В. Е. Травентальский договор и его значение в истории Северной войны.—Скандинавский сборник, Таллин, 1975, т. XX, с. 81—93.

Возгрин В. Е. Петровская эпоха в новейшей скандинавской историографии.—История СССР, 1981, № 3, с. 206—209.

Возгрин В. Е. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы.—Скандинавский сборник, Таллин, 1984, т. XXIX, с. 145—155.

Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков./Под ред. Шункова В. И. М., 1969.

Воровский В. В. О природе абсолютизма в России.—Соч., М., 1932, т. 1.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957.

Голикова Н. Б. Из истории классовых противоречий в русской армии (1700—1709).— В кн.: Полтава, с. 269—285.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913—1919, т. I—II.

Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М., 1958.

Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII-го века и генерал-прокуроры.—Собр. соч., Спб., 1899, т. 1.

Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого.—Труды Историко-архивного ин-та, 1946, т. 2, с. 203—270.

Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— В кн.: Абсолютизм в России, с. 206—242.

Десницкий В. А. Реформа Петра I и русская литература XVIII в.— В кн.: Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв., с. 5—37.

Девятисильная Д. И. Фабрики и заводы в царство-

вание императора Петра Великого. Историко-экономическое исследование. Киев, 1917.

Джервис М. В. Внешняя политика русского самодержавия в XVIII веке в изображении М. Н. Покровского. — В кн.: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского, ч. 2, с. 177—197.

Дискуссия о расслоении крестьянства в эпоху позднего феодализма. — История СССР, 1966, № 1.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Города России в XVIII столетии. М., 1875, т. 1.

Дмитрев А. Петр I и церковь. — В кн.: Религия и церковь, с. 166—183.

Епифанов П. П. К вопросу о военной реформе Петра Великого. — Вопросы истории, 1945, № 1, с. 34—58.

Епифанов П. П. Воинский устав Петра Великого. — В кн.: Петр Великий, с. 167—213.

Епифанов П. П. Россия в Северной войне. — Вопросы истории, 1971, № 6, с. 116—128; № 7, с. 117—134.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Житков К. История русского флота. Период Петровский. 1672—1725. Спб., 1917.

Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники./Сост. Воскресенский Н. А. М. — Л., 1945, т. 1.

Законодательные акты Петра I./Под ред. Софроненко К. А. — Памятники русского права, 1961, вып. VIII.

Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII века. — В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России. М., 1959, с. 144—188.

Заозерская Е. И. Мануфактура при Петре I. М. — Л., 1947.

Заозерская Е. И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-е гг. XVIII в. М., 1960.

Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века. М., 1953.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени. — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 172—198.

Зейдель И. К. Очерк истории Морского устава, изданного при Петре Великом. — Морской сборник, август, 1860, с. 510—529.

Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958.

Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. [Сб. статей.]/Под ред. Носова Н. Е. и Шаскольского И. П. Л., 1970.

История Академии наук в трех томах. Т. 1, 1724—1803. М. — Л., 1958.

История русской экономической мысли./Под ред. Пашкова А. И. М., 1955, т. 1.

К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). [Сб. статей.]/Под ред. Бескровного Л. Г. и др. М., 1958.

Каминьский А. Первые годы польско-русского союза 1704—1709 гг. — В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966, с. 213—223.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909—1912, т. I—II.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Paris, YMCA press, 1959, т. I—II.

Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки. — В кн.: Петр Великий, с. 334—389.

Кафенгауз Б. Б. Финансовая реформа и государственный бюджет. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в., с. 381—394.

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М. — Л., 1949, т. 1.

Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1951.

Кафенгауз Б. Б. Купечество. Города. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в., с. 211—228.

Кафенгауз Б. Б. Общественно-политическая мысль. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Первая четверть XVIII в., с. 631—654.

Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958.

Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М., 1942.

Кафенгауз Б. Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого. — Исторический журнал, 1944, № 9, с. 24—42.

Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX—XIX ст. Исторический очерк. Пг., 1917.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903.

Кизеветтер А. А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества. — Русское богатство, 1896, № 10, с. 20—46.

Клокман Ю. Р. Северная война 1700—1721 гг. Борьба России за выход к Балтийскому морю и возвращение русских земель в Прибалтике. — В кн.: Страницы боевого прошлого, с. 73—114.

Клокман Ю. Р. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX в. в советской историографии. — В кн.: Вопросы военной истории, с. 16—45.

Клочков М. Население России при Петре Великом. По переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения 1678—1721 гг. Спб., 1911.

Клочков М. Очерк подушной переписи при Петре Великом. — Журнал Министерства народного просвещения, янв., 1915, с. 110—150.

Ключевский В. О. Курс русской истории. — Сочинения. Ч. 3—4. Т. III—IV. М., 1957—1958.

Коган Ю. Р. и др. Церковь и русский абсолютизм в XVIII веке. — В кн.: Церковь в истории России, с. 162—205.

Кольмап Э. Вклад Эйлера в развитие математики в России. — Вопросы истории естествознания и техники, 1957, № 4.

Комиссаренко А. И. Вопрос о сущности социального расслоения крестьянства России в XVII—XVIII веках в советской исторической литературе. — Труды Моск. гос. ист.-архивн. ин-та, 1965, т. 22, с. 133—149.

Коничев К. И. Петр Первый на Севере. Л., 1973.

Королюк В. Д. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. — Вопросы истории, 1948, № 4, с. 43—67.

Королюк В. Д. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. — Известия Академии наук СССР. Сер. истор. и философ. 1958, т. VIII, № 1, с. 82—87.

Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861.

Костомаров Н. И. Мазепа и мазепинцы. — Собр. соч. Спб., 1905, т. XVI.

Кошман Л. В. Русская дореформенная буржуазия. Постановка вопроса и историография проблемы. — История СССР, 1974, № 6, с. 77—94.

Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972.

Краснобаев Б. И. Основные черты новой русской культуры. — Вопросы истории, 1976, № 9, с. 93—111.

Краснобаев Б. И. Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения. — История СССР, 1976, № 6, с. 29—45.

Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения./Под ред. Черепнина Л. В. М., 1974.

Крылова Т. К. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. — Исторические записки, 1946, т. 19, с. 17—62.

Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. — Исторические записки, 1940, т. 7, с. 115—148.

Крылова Т. К. Полтавская победа и русская дипломатия. — В кн.: Петр Великий, с. 104—166.

Крылова Т. К. Россия и «Великий союз». — Исторические записки, 1942, т. 13, с. 84—129.

Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. — Исторические записки, 1941, т. 10, с. 250—279.

Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в. — Исторические записки, 1956, т. 57, с. 232—254.

Кулишер И. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. — Архив истории труда в России, 1921, т. 1, с. 11—33.

Курмачева М. Д. Вопрос о первоначальном накоплении в России в советской исторической литературе. — В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России, с. 9—37.

Лаппо-Данилевский А. С. Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Спб., 1914.

Лаппо-Данилевский А. С. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Спб., 1899.

Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). Спб., 1909.

Лебедев Б. И. Реформы Петра I. [Сб. документов]. М., 1937.

Лебедев Б. И., Юшков С. В. Рецензия на кн. Сыромятникова «Регулярное» государство Петра Первого... — Исторический журнал, 1944, № 10—11.

Левшин Б. В. Начало Академии наук в России. — История СССР, 1974, № 2, с. 94—108.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951.

Львов А. Н. Попытки Петра I к распространению среди русского народа научных сельскохозяйственных знаний. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Исследования, 1892, кн. I, ч. III, с. 1—11.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, Т. I. Докапиталистические формации. М., 1956.

Мавродин В. В. Петр Первый. Л., 1948.

Мавродин В. В. Основание Петербурга. Л., 1983.

Майкова Т. Петр I и православная церковь. — Наука и религия, 1972, № 7, с. 38—46.

Маньков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—25 гг. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв., с. 112—126.

Мартынов М. Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

Мартынов М. Н. Промышленность России в эпоху Петра Великого в исторической литературе. — Записки Ленингр. планового ин-та, 1947, т. 6, с. 212—238.

Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России. Спб., 1891, вып. 1.

Мачанов А. Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929.

Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966.

Мещеряков Г. П. Из истории военно-теоретической мысли в России в первой четверти XVIII века. — В кн.: Вопросы военной истории России, с. 16—45.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Спб., 1905.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1905, ч. II.

Мильштейн А. А. Восемнадцатый век в русской истории и некоторые методологические замечания к постановке

вопроса. — Труды Вятского педагогического ин-та, 1926, № 1, с. 34—40.

М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й П. Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708—1719 гг.). М., 1876.

М ы ш л а е в с к и й А. З. Северная война 1708 г. от р. Улы и Березины за р. Днепр. Спб., 1901.

М ы ш л а е в с к и й А. З. Офицерский вопрос в XVII веке. Очерк из истории военного дела в России. Спб., 1899.

Н а з а р о в В. Д. и др. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии. — Вопросы истории, 1976, № 4, с. 25—48.

Н е в о л и н К. А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого. — Полн. собр. соч. Спб., 1859, т. VI.

Н е к р а с о в Г. А. Международное признание русского великодержавия в XVIII веке. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 381—388.

Н е к р а с о в Г. А. Роль России в европейской международной политике. 1725—1739 гг. М., 1976.

Н е к р а с о в Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.

Н е к р а с о в Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII века. — В кн.: Вопросы военной истории России, с. 238—250.

Н е к р а с о в Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство. — В кн.: Общество и государство феодальной России, с. 334—343.

Н е ч а е в Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го ст. М., 1944.

Н и к и ф о р о в Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 9—39.

Н и к и ф о р о в Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

Н и к и ф о р о в Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.

Н и к о л ь с к и й Н. М. Церковная реформа Петра. — В кн.: Три века, с. 180—197.

Н и к о л ь с к и й Н. М. История русской церкви. М. — Л., 1931.

Общество и государство феодальной России. [Сб. статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина.] / Под ред. Пашуто В. Т. М., 1975.

О г о р о д н и к о в В. И. Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом. Приказы, канцелярии, коллегии. Казань, 1917.

О р е ш к о в а С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971.

Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802—1902. Спб., 1902.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I./Под ред. Кафенгауза Б. Б. и Павленко Н. И. М., 1954.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962.

Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. — В кн.: Абсолютизм в России. М., 1964.

Павленко Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России. — История СССР, 1970, № 4, с. 54—74.

Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII веке. История СССР, 1961, № 2, с. 71—87.

Павленко Н. И. Петр I (к изучению социально-политических взглядов). — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 40—102.

Павленко Н. И. Петр Первый. [Сер. биографий «Жизнь замечательных людей».] М., 1975.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. М. — Пг., 1923.

Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. — Соч. Спб., 1909, т. I, с. 1—297.

Павлов-Сильванский Н. П. Иван Тихонович Пошхов. — Соч. Спб., 1910, т. II, с. 42—73.

Павлов-Сильванский Н. П. Мнения верховников о реформах Петра Великого. — Соч. Спб., 1910, т. II, с. 373—401.

Павлов-Сильванский Н. П. (под псевдон. «Лесовик»). Об историческом самоуничижении. — Санкт-Петербургские Ведомости, 10 сент. 1901, № 248.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб., 1897.

Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. — История СССР, 1968, № 4, с. 71—85.

Пажитнов К. Очерк развития буржуазии в России. — Образование, 1907, № 2а, с. 1—23.

Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963.

Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Спб., 1870, т. I.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Спб., 1862, т. I—II.

Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии./Под ред. Шункова В. И. М., 1969.

Петр Великий. [Сб. статей.] /Под ред. Андреева А. И. М. — Л., 1947.

Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. Историко-юридическое исследование. М., 1875.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917.

Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Paris, 1927.

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1918, т. 1.

Подьяпольская Е. П. Военные советы 1708—1709 гг.— В кн.: Полтава, с. 112—136.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен.— Избр. произведения. М., 1966, кн. I, т. I—II.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке.— Избр. произведения. М., 1967, кн. III.

Покровский С. А. К вопросу о классовой природе абсолютизма.— Известия АН СССР. Отделение экономики и права, 1964, № 4.

Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. [Сб. статей.]/Под ред. Бескровного Л. Г. и др. М., 1959.

Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. [Сб. статей.]/Под ред. Грскова М. Б., Королюка В. Д. М., 1959.

Полиевктов В. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира, 1721—1725.— Записки Ист.-филол. факультета Императорского С.-Петербургского университета. Спб., 1907, т. 85.

Полиевктов В. А. Литература по внешней русской истории XVIII—XIX вв. за 1900—1915 гг.— Исторические известия, 1916, № 1, с. 42—68.

Полиевктов В. А. Европеизация России при Петре Великом. Пг., 1920.

Полянский М. М. Петр Великий и его реформа. М., 1920.

Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., 1956.

Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958.

Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960.

Порфирьев Е. И. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952.

Поршнева Б. Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII веках.— Ученые записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), 1948, вып. II. Вопросы всеобщей истории, с. 5—33.

Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России.— В кн.: Общество и государство феодальной России.

Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в петровскую эпоху.— Христианское чтение, 1877, № 3—4, с. 331—370.

Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского./Под ред. Грекова Б. Д. и др. М.—Л., 1940, ч. 2.

Просина А. Б. Теоретическое обоснование Ф. Прокоповичем реформ Петра I.— Вестник Моск. ун-та. Право. 1969. № 6, с. 63—71.

Путята А. Д. Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой северной войны.— Сборник Моск. главного архива Министерства иностранных дел, 1880, вып. I, с. 81—138.

Пушкарев Л. Н. Академия наук и русская культура XVIII века.— Вопросы истории, 1974, № 5, с. 28—38.

Пыпин А. Путешествия за границу времен Петра Великого. — Вестник Европы, 1897, № 9, с. 244—287, № 10, с. 692—741.

Рабинович М. Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны. — В кн.: Вопросы военной истории России, с. 221—232.

Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 133—171.

Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. — История СССР, 1972, № 4, с. 65—88.

Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство. — Вестник права, 1902, № 9—10, с. 1—128.

Религия и церковь в истории России. Советские историки о православной церкви в России. /Ред. Сахаров А. М. М., 1975.

Репин Н. Н. К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Архангельского порта). — Вестник Моск. ун-та, 1970, т. IX. История. № 6, с. 56—72.

Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. Спб., 1912, т. 1.

Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 5. Конец дворянской революции в России. Ее третий момент. Пг. — М., 1923.

Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв. — Вопросы истории, 1970, № 8, с. 42—56.

Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Спб., 1870.

Романовский В. А. Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII — начале XVIII в. — В кн.: Полтава, с. 286—310.

Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.

Россия в период реформ Петра I. [Сб. статей.] /Под ред. Павленко Н. И., Никифорова Л. А., Волкова М. Я. М., 1973.

Рубинштейн Н. Л. Русская исторнография. М., 1941.

Рункевич С. Г. История Русской Церкви под управлением Св. Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Св. Прав. Синода (1721—1725 гг.). Спб., 1900.

Сальман Г. Я. Морской устав 1720 года — первый свод законов русского флота. — Исторические записки, 1955, № 53, с. 310—322.

Санин Г. А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII — начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков, с. 370—379.

Сахаров А. М. К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России. — Вопросы истории, 1959, № 1, с. 99—107.

Сборник документов по истории СССР. XVIII век./Под ред. Мавродина В. В. М., 1973, ч. V.

Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974.

Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: первая половина XVIII в. Л., 1982.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Спб., 1888, т. 1.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. Спб., 1883.

Слицан Б. Г. Реформа церковного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма, с. 371—380.

Слицан Б. Г. Реформы местного управления. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века, с. 318—341.

Соколов А. Русский флот при кончине Петра Великого, 1725 г. — Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1848, ч. VI, с. 254—328.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962—1963, кн. VII—IX.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1872.

Сомов В. И. Промышленная политика Петра Великого. Основные принципы. — Ученые записки Моск. гос. ун-та, 1947, вып. 123. Полит. экономия, с. 211—249.

Софроненко К. А. Законодательные акты Петра I. М., 1961.

Спирidonова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952.

Стешенко Л. А. Фискалы и прокуроры в системе государственных органов России первой четверти XVIII в. — Вестник Моск. ун-та. Право, 1966, № 2, с. 51—58.

Стешенко Л. А. Образование Коллегии юстиции (1719—1725). — Вестник Моск. ун-та. Право, 1966, № 6, с. 63—69.

Стешенко Л. А. и Софроненко К. А. Государственный строй России в первой четверти XVIII века. М., 1973.

Страницы боевого прошлого. Очерк военной истории России./Ред. Бескровный Л. Г. М., 1968.

Струмилин С. Г. История черной металлургии в России. М., 1954, т. 1.

Струмилин С. Г. К вопросу об экономике петровской эпохи. — В кн.: Полтава, с. 179—189.

Струмилин С. Г. О внутреннем рынке России XVI—XVIII вв. (По поводу книги Б. Б. Кафенгауза). — История СССР, 1959, № 4, с. 75—87.

Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1890, т. II.

Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М. — Л., 1943, ч. I.

Тарле Е. В. 250 лет указа Петра I о создании русского флота. Общее собрание Академии наук СССР 29 нояб. — 4 дек. 1946 г. М. — Л., 1947, с. 176—204.

Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I, М., 1949.

Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

Тельпуховский Б. С. Северная война 1700—1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.

Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Спб., 1837, ч. I—II.

Тимирязев В. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии. — Исторический вестник, 1898, т. 72, с. 243—266, 267—281.

Титлинов Б. Феофан Прокопович. — Русский биографический словарь. Kraus Reprint Corporation, New York, 1962, с. 399—448.

Титов Ю. П. Абсолютизм в России. — Социалистическое государство и право, 1973, № 1, с. 107—112.

Тихонов Ю. А. Феодальная рента в помещичьих имениях Центральной России в конце XVII—начале XVIII в. (владельческие повинности и государственные налоги). — В кн.: Россия в период реформ Петра I, с. 199—214.

Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII—начале XVIII в. М., 1974.

Томашівський С. Из записок Каролинців про 1708—9 р. (Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1909, т. 92, кн. 6, с. 66—92).

Томсинский С. Значение реформ Петра I. — Историк-марксист, 1936, 2/54, с. 9—21.

Три века. Россия от смуты до нашего времени. М., 1912, т. III.

Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

Троицкий С. М. Русское дворянство XVIII в. в изображении американского историка. — История СССР, 1970, № 5, с. 205—211.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М., 1974.

Троицкий С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века. — Вопросы истории, 1977, № 2, с. 67—75.

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Спб., 1898, т. 1.

Ульяницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899, ч. 1.

Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII—первая половина XIX в.). — Вопросы истории, 1971, № 7, с. 46—65.

Фейгина С. А. Алапский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. [Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину.] / Под ред. Пашуто В. Т. и др. М., 1972.

Филиппов А. И. Правительствующий Сенат в цар-

ствование Петра Великого. — В кн.: История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911. Спб., 1911, т. 1, с. 47—341.

Флоровский А. В. Из истории торговой политики Петра Великого. (Отзвуки распоряжений 1714 г. в Средней Европе). — В кн.: Prazská universita Moskovské université. Praha, 1955, s. 74—93.

Флоровский А. В. Страницы истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 389—397.

Церковь в истории России (IX в.—1917 г.). Критические очерки. М., 1967.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. — Сб. статей, изданных в Отделении русского языка в словесности Императорской Академии наук. Спб., 1868, т. IV.

Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. Спб., 1883.

Шапиро А. Л. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. — Исторические записки, 1948, т. 27, с. 202—239.

Шапиро А. Л. Крестьяне. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века, с. 152—184.

Шапиро А. Л. Об абсолютизме в России. — История СССР, 1968, № 5, с. 69—82.

Шапиро А. Л. и Козинцева Р. И. Промышленно-экономическая политика русского правительства в царствование Петра I. — В кн.: Сборник документов по истории СССР./Под ред. Мавродина В. В., ч. V, с. 14—16.

Шаскольский И. П. Важная предпосылка борьбы России за Балтику в XVII—начале XVIII в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 368—373.

Шидгал А. Г. Русский гражданский шрифт 1708—1958 гг. М., 1959.

Штейн В. Петр Великий и франко-русский союз. — Исторический вестник, 1903, № 5, с. 494—512.

Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, 1708—1885. М., 1947.

Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1961, ч. 1.

Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого. — Исторический журнал, 1941, № 12, с. 128—133.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.

II. Литература на иностранных языках

Alexeiev N. N. Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert (Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. VI, 1958, S. 7—81).

Alston P. L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, California, 1969.

Amburger E. Das diplomatische Personal des russischen

auswärtigen Dienstes unter Peter I (Das Vergangene und die Geschichte, S. 298—314).

Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917 (Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. X. Leiden, 1966).

Anderson M. S. Europe in the Eighteenth Century. (A General History of Europe. London, 1962).

Anderson M. S. Peter the Great (Historical Association Pamphlets. General Series, vol 71. London, 1969).

Anderson M. S. Russia under Peter the Great and the Changed Relations of East and West (The New Modern Cambridge History, vol. VI, p. 716—740).

Anners E. Den karolinska militärstrafätten och Peter den Stores krigsartiklar (Kungliga Vetenskapssamhällets i Uppsala handlingar, bd. 9. Stockholm, 1961).

Bagger H. Ruslands alliancepolitik efter freden i Nystad. En studie i det slesvigske restitutionsspørgsmål indtil 1732 (Københavns Universitets Slaviske Institut, Studier, bd. 4. København, 1974).

Bagger H. Det petrinske Imperium (Politikens Ruslandshistorie., bd. 2, s. 7—138).

Baltic History. Publications of the Association for the Advancement of Baltic Studies, vol. 5. (Edit. of Ziedonis A. & o. Columbus, Ohio, 1974).

Baron S. H. The Fate of the Gosti in the Reign of Peter the Great (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. XIV, 1973—1974, p. 488—512).

Becker Ch. Raznochintsy: The Development of the Word and of the Concept (The American Slavic and East European Review, vol. XVIII, № 1, Febr. 1959, p. 63—74).

Bennigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire, and the Caucasus (Canadian—American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 311—318).

Benson S. The Role of Western Political Thought in Petrine Russia (Canadian—American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 254—273).

Benz E. Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit (Leibniz zu seinem 300. Geburtstag 1646—1946. Herausgeg. von Hochstetter E. Berlin, 1947).

Bergengrün. Die Große moskowitzische Ambassade von 1697. Riga, 1892.

Bidrag til den store nordiske Krigs Historie. Udgivet af Generalstaben. Bd. I—VIII. København, 1899—1927.

Bissonette G. The Church Reform of Peter the Great as a Problem in Soviet Historiography (Études slaves and européennes, vol. I, 1956—1957, p. 146—157, 195—207).

Bissonette G. Peter the Great and the Church as an Educational Institution (Essays in Russian and Soviet History, p. 3—19).

Black C. E. The Reforms of Peter the Great (Rewriting Russian History, p. 233—259).

Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. IX, 1968, p. 265—293).

Blanc S. Pierre le Grand. Paris, 1974 (Documents histoire, dirigés par Claude Fohlen).

Blanc S. La pratique de l'administration russe dans la première moitié du XVIII-e siècle (Revue d'histoire moderne et contemporaine, vol. 10, 1963, p. 46—64).

Blanc S. A propos de la politique économique de Pierre le Grand (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. III, 1962, p. 122—139).

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, N. J., 1972.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. VII, 1966, p. 341—358).

Bonnesen S. Peter den Store. Stockholm, 1925.

Boss V. Newton and Russia: The Early Influence 1698—1796. Cambridge, Mass., 1972.

Breitner E. Peter der Große Zar. Rußland an der Wende. Berlin — Leipzig — Wien, 1936.

Bresslau H. Das Testament Peters des Großen (Historische Zeitschrift, Bd. 41, 1879, S. 385—409).

Brückner A. Iwan Possoschkov. Ideen und Zustände in Rußland zur Zeit Peters des Großen. Leipzig, 1878.

Brückner A. Peter der Große (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, Bd. III, № 6, Berlin, 1879).

Brückner A. Zur Geschichte Peter's des Großen (Historische Zeitschrift. Bd. 45, 1884, S. 468—487).

Cahen G. Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand, 1689—1730. Paris, 1912.

Chambre H. Posoškov et le mercantilisme (Cahiers du monde russe et soviétique, vol. IV, 1963, p. 335—365).

Chance J. F. George I and the Northern War. A Study of British — Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709—1721. London, 1909.

Chance J. F. George I and Peter the Great after the Peace of Nystad (English Historical Review, vol. XXVI, № 102, 1911, p. 161—187).

Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. London, 1971.

Cracraft J. Feofan Prokopovich (The Eighteenth Century, p. 75—105).

Cracraft J. Some Dreams of Peter the Great: A Biographical note (Canadian — American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 173—197).

Cracraft J. More «Peter the Great» (Canadian — American Slavic Studies, vol. XIV, 1980, p. 535—544).

Crummey R. O. Peter and the Boiar Aristocracy, 1689—1700 (Canadian — American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 274—287).

Čučmarev V. I. G. W. Leibniz und die russische Kultur zu Beginn des 18. Jahrhunderts (Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1960, № 8, S. 94—107).

Curtiss J. S. Essays in Russian and Soviet History. In Honour of G. T. Robinson. Leiden, 1963.

Doerris H. Rußlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Großen. Studien zur zeitgenössischen Publizistik

und Staatenkunde. Berlin, 1939 (Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 26).

E. W. von Tschirnhaus und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa. Berlin, 1960 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. VII).

The Eighteenth Century in Russia. Edit. Garrard J. G. Oxford, 1973.

Esper Th. Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Moscovite Russia (Slavic Review, vol. 28, 1969, p. 182—208).

Esper Th. Recent Soviet Views of Russian Absolutism (Canadian—American Slavic Studies, vol. VI, 1972, p. 620—630).

Essays in Legal History. Edit. Vinogradoff P. Oxford, 1913.
Essays in Russian and Soviet History. In Honour of G. T. Robinson. Edit. Curtiss J. S. Leiden, 1963.

Falkus M. E. The Industrialization of Russia, 1700—1914. London, 1972 (Studies in Economic History by the Economic History Society).

Fink H. Die Auswirkungen der Reformen Peters des Großen auf das Kirchenrecht der russischen orthodoxen Kirche. Erlangen—Nürnberg, 1963.

Fleischhacker H. 1730. Das Nachspiel der petrinschen Reform (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 6, 1941, S. 201—271).

Florovskij A. V. Peter I und die tschechische Kultur (Zeitschrift für Slawistik, Bd. 7, 1962, S. 537—555).

Freeze G. L. Social Mobility and the Russian Parish Clergy in the Eighteenth Century (Slavic Review, vol. 33, 1974, № 4, p. 641—662).

Garrard J. G. The Eighteenth Century in Russia (Oxford, 1973).

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, Mass., 1962.

Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. London, 1970.

Gerschenkron A. Soviet Marxism and Absolutism (Slavic Review, vol. 30, 1971, № 4, p. 853—869).

Geyer D. «Gesellschaft» als staatliche Veranstaltung. Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 14, 1966, S. 21—50).

Geyer D. Peter und St. Petersburg (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 10, 1962, S. 181—200).

Goehrke C. Die Theorien über Entstehung und Entwicklung des «Mir». Wiesbaden, 1964. (Schriften der Arbeitsgemeinschaft für Osteuropaforschung der Universität Münster).

Graham S. Peter the Great. London, 1950.

Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler V. N. Tatišev (1686—1750). Berlin, 1963.

Gregory P. R. Russian Industrialization and Economic Growth. Results and Perspectives of Western Research (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 25, 1977, S. 200—218).

Grey I. Peter the Great. Emperor of All Russia. New York, 1960.

Grönroos H. England, Sverige och Ryssland 1719—1721 (Historisk tidskrift för Finland, 1931, s. 1—26, 57—66).

Härtel H.-J. Bysantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970 (Das östliche Christentum. Abhandlungen im Auftrage des Ostkirchlichen Instituts der deutschen Augustiner. N. F., Bd. 23).

Haintz O. Karl XII und Peter der Große vor Pultawa 1709 (Preussische Jahrbücher, Bd. 215, 1929, S. 30—47, 136—151).

Haintz O. König Karl XII von Schweden. Bd. I—III. Berlin, 1958.

Handbuch der europäischen Geschichte. Bd. 4. Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung. Stuttgart, 1968.

Hartman K. J. Tzar Peters underhandlingar 1716 om landgång i Skåne. Helsingfors, 1887.

Hartman K. J. Åländska kongressen och dess förhistoria. Bd. 1—5, Åbo 1921—1931.

Hassell J. Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century (Slavic Review, vol. 29, 1970, p. 283—295).

Hassinger E. Brandenburg—Preussen, Schweden, und Rußland 1700—1713. München, 1953 (Veröffentlichungen des Osteuropa—Institutes, Bd. 2).

Hatton R. M. Charles XII of Sweden. London, 1968.

Hellie R. The Petrine Army: Continuity, Change Impact (Canadian—American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 237—253).

Herlitz N. Den polska frågan 1708—1709 (Karolinska Förbundets Årsbok, 1914, s. 149—177).

Hinz W. Peters des Großen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit. Breslau, 1933.

Historia kring Karl XII. Under red. av Gustaf Jonasson. Stockholm, 1964.

Hjärne H. Svenska reformer i tsar Peters välde (Ur det förgångna. Historia och politik. Stockholm, 1912, s. 89—131).

Holm E. Studier til den store nordiske Krigs Historie. Bd. I. Frederik IV og Czar Peter i Aaret 1716 (Historisk Tidsskrift, Bd. 5, Hf. III, 1881/1882, S. 1—160).

Jacob I. Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei in den Jahren 1718—1727. Eine historisch—diplomatische Studie. Basel, 1945.

Jensen B. Dansk—russiske relationer 1697—1709. (Historie. Jyske samlinger. Bd. VIII, h. 4, s. 397—464).

Jägerskiöld O. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. II, d. 2. 1721—1792. Stockholm, 1957.

Kafengauz B. B. Die wirtschaftliche Entwicklung Russlands im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts und die Reformen Peters I. (E. W. von Tschirnhaus und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa. S. 223—233).

Kahan A. Continuity in Economic Activity and Policy During the Post-Petrine Period in Russia (The Journal of Economic History, vol. 25, № 1, 1965, p. 61—85).

Kahan A. Observations on Petrine Foreign Trade (Canadian — American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 222—236).

Kaplan F. I. Tatiščev and Kantemir. Two Eighteenth Century Exponents of a Russian Bureaucratic Style of Thought (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. Y. 13, 1965, S. 497—510).

Kellenbenz H. Der russische Transithandel mit dem Orient im 17. und zu Beginn des 18. Jahrhunderts (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 12, 1964/1965, S. 481—498).

Kentrschynskij B. Peter I och upproret vid Don 1707—1708 ((Karolinska Förbundets Årsbok, 1963, s. 141—158).

Kersten K. Peter der Große. Vom Vesen und von den Ursachen historischer Größe. Amsterdam, 1935.

Krüger H.-J. (Herausg.). Archivalische Fundstücke zu den russisch-deutschen Beziehungen. Berlin, 1973.

Krupnickij W. Zu den polnischen Teilungsprojekten 1709—1711 (Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, Bd. IX, 1935, S. 388—402).

Kuttler W. Gesellschaftliche Voraussetzungen und Entwicklungstyp des Absolutismus im Rußland (Jahrbuch für Geschichte der socialistischen Länder Europas, Bd. 13/2, Berlin, 1969).

Lamb H. The City and the Tsar. Peter the Great and the Move to the West. 1648—1762. New York, 1948.

Lappo-Danilevskij A. S. L'Idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis les troubles du XVII-e siècle jusqu'au réformes du XVIII-e (Essays in Legal History. p. 356—383).

Leitsch W. Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724—1726 (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., Bd. 6, 1958, S. 33—91).

Lentin A. Russia in the Eighteenth Century. From Peter the Great to Catherine the Great (1696—1796). London, 1973.

Leontief W. Peter der Große: seine Wirtschaftspolitik und sein angeblicher Merkantilismus (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 2, 1937, S. 234—271).

Lewitter L. R. Peter the Great, Poland and the Westernization of Russia (Journal of the History of Ideas, vol. 19, 1958, p. 493—506).

Lewitter L. R. Russia, Poland and the Baltic 1697—1721 (The Historical Journal, vol. XI, 1968, p. 3—34).

Lockhart L. The «Political Testament» of Peter the Great. (Slavonic and East European Review, vol. 14, 1935/1936, p. 438—441).

Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Harvard, 1971.

Mediger W. Mecklenburg, Rußland und England — Hannover 1706—1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967 (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens, Bd. 70).

Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen. Braunschweig, 1952.

Meehan — Waters B. The Russian Aristocracy and the Reforms of Peter the Great (Canadian — American Slavic Studies, vol. VIII, 1974, p. 288—302).

Milioukov P. Pierre le Grand et sa réforme (le Monde Slave, 1925, février, p. 157—185).

Misiunas R. J. The Baltic Question After Nystad (Baltic History, p. 71—90).

Mitchell M. The Maritime History of Russia 848—1948. London, 1949.

Modernization of Russia under Peter I and Catherine II. Edit. Dmytryshyn B. New York, 1974. (Major Issues in History).

Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Del 1—3. Stockholm, 1924—1927.

Neubauer H. Car und Selbstherrscher. Beiträge zur Geschichte der Autokratie in Rußland. Wiesbaden, 1964 (Veröffentlichungen der Osteuropa — Institutes München, Bd. 22).

The New Modern Cambridge History. Vol. VI. (The Rise of Great Britain and Russia 1688—1725. Cambridge, 1970, p. 716—740).

Nikolaieff A. M. Peter the Great as a Military Leader (The Army Quarterly and Defence Journal, vol. 80, 1960, p. 76—86).

Nyström P. Mercatura Ruthenica (Scandia, vol. X, 1937, p. 239—296).

O'Brien C. B. Russia under Two Tsars, 1682—1689. The Regency of Sofia Alekseevna. Berkeley—Los Angeles, 1952 (University of California Publications in History, vol. 42).

Okenfuss M. J. The Jesuit Origins of Petrine Education (The Eighteenth Century in Russia, p. 106—130).

Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great (The Eighteenth Century in Russia, p. 131—145).

Oliva L. J. Russia in the Era of Peter the Great. Englewood Cliffs, N. J., 1969 (New Insights in History Series).

Olmer E. Om ryssfruktan i Sverige för 200 år sedan (Historisk tidskrift, 1903, s. 295—317).

Onasch K. Grundzüge der russischen Kirchengeschichte. Göttingen, 1967. (Die Kirche in ihrer Geschichte. Ein Handbuch, Bd. 3).

Peter the Great. Reformer or Revolutionary? Edit. Raeff M. Boston 1963 (Problems in European Civilization).

Peterson C. Der Morskoj Ustav Peters des Großen. Ein Beitrag zu seiner Entstehungsgeschichte (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 24, 1976, S. 345—356).

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception (Skrifter utgifna av Institutet för rättshistorisk forskning. Serien I. Rättshistoriskt bibliotek, bd. 29. Stockholm, 1979).

Petri G. Slaget vid Poltava (Historia kring Karl XII. S. 65—100).

Pierre le Grand. Edit. Blanc S. Paris, 1974 (Documents histoire, dirigés par Claude Fohlen).

Politikens Ruslandshistorie. Bd. I—III. København, 1983—1984.

Portal R. L'Oural au XVIII-e siècle. Étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950.

Portal R. Pierre le Grand. Paris, 1961.

Puttkammer E. V. Einflüsse schwedischen Rechts auf die Reformen Peters des Großen (Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, Bd. 19, T. 1—3, 1958, S. 369—384).

Raeff M. The Enlightenment in Russia and Russian Thought in the Enlightenment (The Eighteenth Century in Russia, p. 25—47).

Raeff M. Imperial Russia 1682—1825. The Coming of Age of Modern Russia. New York, 1971 (Borzoj History of Russia, vol. IV).

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth—Century Nobility. New York, 1966. (An Original Harbinger Book, vol. 50).

Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia 1730—1905. Englewood Cliffs, N. J., 1966 (Russian Civilization Series).

Raeff M. Staatsdienst, Aussenpolitik. Ideologien. (Die Rolle der Institutionen in der geistigen Entwicklung des russischen Adels im 18. Jahrhundert) (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 7, 1959, S. 147—181).

Rewriting Russian History. Soviet Interpretations of Russia's Past. Second Edition, Revised. Edit. Black C. E. New York, 1962.

Riasanovsky N. V. A History of Russia. Second Edition. Oxford, 1969.

Roetter J. H. Russian Attitudes Toward Peter the Great and His Reforms Between 1725 and 1910 (Phil. Dr. Dissertation, University of Wisconsin, 1951).

Rogger H. National Consciousness in Eighteenth—Century Russia. Cambridge, Mass., 1960 (Russian Research Center Studies, vol. 38).

Rosén J. Den svenska utrikespolitikens historia. Bd. II, d. 1, 1697—1721. Stockholm, 1952.

Rosenfeldt N. E. Kapitalismens genesis. Et periodiseringsproblem i sovjetisk historiskrivning. En analyse af sovjetiske historikers debat 1947—1951 om historikers periodisering, med særligt henblik på spørgsmålet om kapitalismens opståen i Rusland. København, 1971 (Københavns Universitet. Institut for økonomisk Historie. Publikation № 3).

Roux R. La politique extérieure de Pierre le Grand. 1699—1721 (Revue d'histoire diplomatique, t. XVIII, 1903, p. 182—215).

Schenk H. Zur Vermittlung Frankreichs im Nordischen Krieg (Archivalische Fundstücke zu den russisch-deutschen Beziehungen, S. 9—28).

Schirren C. Zur Geschichte des Nordischen Krieges. Rezensionen. Kiel, 1913.

Schmemmann A. The Historical Road of Eastern Orthodoxy. London, 1963.

Sepp H. Zar Peters Kriegsplan gegen Est-, Liv- und Finnland für das Jahr 1704 (Opetatud Eesti seltsi aastaraamat. Sitzberichten der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1931. Tartu, 1932).

Serech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideolo-

gies in the Age of Peter the Great. (The Slavonic and East European Review, vol. XXX, № 74, 1951, p. 40—62).

Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche 1700—1917. Erster Band, Leiden, 1964 (Studien zur Geschichte Osteuropas, № 9).

The Spiritual Regulation of Peter the Great. London, 1972. Edit. Muller A. V. (Publications on Russia and Eastern Europe of the Institute for Comparative and Foreign Area Studies, № 3).

Stenius S. Peter den Store och den tyska neutralitetären 1709—1710 (Karolinska Förbundets Årsbok, 1972, s. 101—132).

Stenius S. Sachsen, Preussen och Ryssland året 1710 (Karolinska Förbundets Årsbok, 1973, s. 63—120).

Stille A. Carl XII:s fälttågsplaner 1707—1709. Lund, 1903.

Stökl G. Gab es im Moskauer Staat «Stände» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 11, 1963, S. 321—342).

Stökl G. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Den 2, erweiterte Auflage. Stuttgart, 1965.

Studies in Eighteenth—Century Culture. Vol. II. Edit. Pagliaro H. E. London, 1972.

Stupperich R. Staatsgedanke und Religionspolitik Peters des Großen. Berlin, 1936 (Osteuropäische Forschungen, N. F., Bd. 22).

Stupperich R. Ursprung, Motive und Beurteilung der Kirchenreform unter Peter dem Großen (Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Bd. 17, 1974, S. 42—61).

Subtelný O. Peter I's Testament: A Reassessment (Slavic Review, vol. 33, № 4, 1974, p. 663—678).

Sumner B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949.

Sumner B. H. Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1962.

Sumner B. H. Peter's Accomplishments and Their Historical Significance (Peter the Great. Reformer or Revolutionary?, p. 102—106).

Svensson S. Czar Peters motiv för kriget mot Sverige. En problemställning. (Historisk Tidskrift, bd. 51, 1931, s. 446—462).

Tetzner J. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung (Zeitschrift für Slavistik. Bd. 3, 1958, S. 351—368).

Torke H.-J. Die neuere Sowjethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 20, 1973, S. 113—133).

Torke H.-J. Die Staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613—1689. Leiden, 1974 (Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XVII).

Truesdell C. Leonard Euler, Supreme Geometer (1707—1783) (Studies in Eighteenth—Century Culture, vol. II, p. 51—95).

Das Vergangene und die Geschichte. Festschrift für Reia-

hard Wittram zum 70. Geburtstag. Herausg. Thadden R. Göttingen, 1973.

Vierhaus R. «Absolutismus» (Sovietsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie, Bd. I, Freiburg — Basel — Wien, 1966, S. 17—37).

Vucinich A. Science in Russian Culture: A History to 1860, Stanford, Calif., 1963.

Wagner F. (Hrsg). Handbuch der europäischen Geschichte, 4, Europa im Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung. Stuttgart, 1968.

Wensheim G. Studier kring freden i Nystad (Bibliotheca Historica Lundensis, vol. XXIX. Lund, 1973).

Wittram R. Peter I, Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. I—II. Göttingen, 1964.

Wittram R. Peter der Große. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit. Berlin — Göttingen, 1954.

Wittram R. Peters des Großen Verhältnis zur Religion und den Kirchen. Glaube, Vernunft, Leidenschaft (Historische Zeitschrift, Bd. 173, 1952, S. 261—296).

Wittram R. Peter der Große und Livland. Zur Kernfrage des Nordischen Krieges (Deutschland und Europa. Festschrift für Hans Rothfels. Düsseldorf, 1954, S. 230—269).

Wittram R. Peter des Großen erste Reise in der Westen (Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. 1955, Bd. 3, H. 4, S. 374—403).

Wittram R. Das Russische Imperium und sein Gestaltwandel (Historische Zeitschrift, Bd. 187, 1959, S. 568—593).

Wittram R. Russland von 1689 bis 1796 (Handbuch der Europäischen Geschichte, Bd. IV, S. 477—510).

Zernack K. Von Stolbovo nach Nystad. Rußland und die Ostsee in der Politik des 17. und 18. Jahrhunderts. Zu einigen Neuerscheinungen der sechziger Jahre (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. F., Bd. 20, 1972, S. 77—100).

Zernack K. Die diplomatische Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Giesen, 1958.

Zernov N. Peter the Great and the Establishment of the Russian Church (The Church Quarterly Review, vol. 125, CCL, 1938, p. 265—293).

ПРИМЕЧАНИЯ

К с. 25

* Автор констатирует «крайнее несходство точек зрения» по проблеме, но не раскрывает причин этого явления. Он не предлагает своей концепции объяснения этого историографического факта. Очевидно, что его интерпретация должна исходить из анализа философских взглядов, историографической традиции, времени создания и источниковедческой базы трудов представителей каждого из рассматриваемых направлений. Х. Баггер проявляет известное негативное отношение (вслед за П. Н. Милюковым и М. М. Богословским) к влиянию «общефилософских систем» и «норм современной политики и морали» на историографию. Поэтому он группирует труды по критерию изучаемой проблемы.

К с. 27

* Дискуссии о характере и основных направлениях развития русского общества XVII—XVIII вв. в связи с проблемой периодизации продолжаются в новейшей буржуазной историографии: до сих пор отсутствуют общепринятые критерии периодизации, нет единства в вопросе о том, каковы те качественно новые черты развития русского общества петровской эпохи, которые отличают ее от предшествующего и последующего периодов истории. M. R a c f f. *Seventeenth — century Europe in Eighteenth — century Russia*; K e e n a n E. L. *Limitation of the Model; Madariaga I., de. Sisters under the Skin; Cracraft J. Nuts and Bolts.* — In.: *Slavic review*, volume 41, N 4, winter 1982.

К с. 28

* Новейшие специальные исследования раскрывают развитие взглядов С. М. Соловьева, их эволюцию под влиянием общественно-политической борьбы эпохи. В свете этих работ спорен тезис Х. Баггера о неизменности оценки петровских реформ в трудах С. М. Соловьева. Если в начальный период

своего творчества С. М. Соловьев рассматривал реформы как крутой перелом в истории России, сравнивая их с Великой французской революцией, то в начале 70-х гг. XIX в. он подчеркивал их эволюционный характер, сравнивая с эпохой Возрождения. Подробнее см.: Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980; Пушкарев Л. Н. «Публичные чтения о Петре Великом». — Вопросы истории, 1980, № 6.

К с. 31

* Точка зрения П. Н. Миллюкова о «разорении страны» в результате петровских реформ подверглась критике уже в дореволюционной историографии: было показано, что приводимые им данные об убыли населения отражают стремление крестьян скрыться от фискального гнета государства и, как следствие этого, укрупнение дворов в период подворного обложения. См.: Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Спб., 1911. См. также работы советских историков: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963; Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.

К с. 32

* Вопреки утверждению автора в современной буржуазной историографии тезис В. О. Ключевского и П. Н. Миллюкова о бесплановости реформ Петра I и войне как решающим фактором в их проведении еще пользуется значительным влиянием. См. напр.: Vallotton H. Pierre le Grand. Paris, 1958; Putnam P. Peter, the revolutionary tsar. New York, 1973.

К с. 33

* Автор несколько схематично изложил марксистское учение о базисе и надстройке, их взаимодействии. Базис, безусловно, оказывает определяющее влияние на развитие надстройки, однако марксисты никогда не утверждали, что «тип государственной власти и ее политика аксиоматично обусловлены базисом». Наоборот, хорошо известны положения научного социализма об активной роли государства и его относительной самостоятельности по отношению к базису. Это тем более справедливо для переломных этапов истории.

** Представители «государственной» (или «юридической») школы действительно видели в государстве решающий фактор исторического развития России, но рассматривали его в органической связи с историей общества. Реформы Петра I характеризовались видными представителями этой школы (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин) как закономерное, прогрессивное и исторически обусловленное явление. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. II; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

К с. 34

* Требуется уточнения вопрос о философских основах воззрений упоминаемых в тексте представителей русской

исторической науки этого периода. Преимущественное влияние на западников оказала философия Г. Гегеля, а на славянофилов — Ф. Шеллинга. Гегелевское учение интерпретировалось по-разному правыми и левыми гегельянцами. Правое гегельянство использовало преимущественно консервативные черты философии Гегеля (философия права и учение о государстве). К этому направлению принадлежал С. М. Соловьев и другие видные представители государственной школы. См.: Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. М., 1974; Куприц Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). М., 1980; Гулыга А. В. Шеллинг. М., 1982.

** Неясно отношение автора к употребляемым им понятиям «европеизация» и «модернизация». С одной стороны, он рассматривает «модернизацию русского народа» как его «вхождение в круг европейских наций» в результате петровских преобразований, с другой — отмечает «двусмысленность» используемого понятия. Теория модернизации и концепция европеизации как ее частного случая получила значительное распространение в современной буржуазной социологии прежде всего применительно к развивающимся странам. Понятие модернизации призвано выразить совокупность новых явлений, характеризующих процесс социальных изменений. В буржуазной историографии истории России появилась тенденция рассматривать русское общество и государство, реформы Петра I в контексте модернизации. В имевшей место дискуссии по этому вопросу группа авторов (К. Блек, Н. Рязановский, М. Раев) высказывалась за приемлемость использования понятия «модернизация» для объяснения развития русского общества петровского периода: *The development of the USSR. An exchange of views.* Seattle, 1964. Стремление определить сущность петровских реформ понятиями модернизации и европеизации нашло выражение в значительном числе конкретных исследований: Rogger H. *National consciousness in eighteenth century Russia.* Cambridge, Mass., 1960; *The eighteenth century in Russia.* Oxford, 1973. Но многие зарубежные авторы не считают понятие «европеизация» удачным. Так, А. Каан отмечает расплывчатость, неопределенность и многозначность этого термина, считая более правильным термин «модернизация». Л. Олива, хотя и использует это понятие, пишет о возможности его применения ко многим странам Европы изучаемого периода. Самыми разнообразными оказываются трактовки понятия «европеизация» и у других авторов. См.: Kahan A. *The costs of «westernisation» in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century.* In: *Slavic Review*, vol. XXV, March 1966; Oliva L. J. *Russia in the Era of Peter the Great.* New Jersey, 1969.

К с. 37

* Об эволюции взглядов М. Н. Покровского на историю России и место абсолютизма в ней: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

* Неточно утверждение автора о господствующем влиянии концепции Н. А. Рожкова в советской историографии с середины 30-х до середины 60-х гг. Критику взглядов Н. А. Рожкова см.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. IV. О развитии советской историографии этого периода см.: Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982.

* С. М. Троицкий говорит лишь об относительной независимости политики абсолютной монархии от интересов разных социальных слоев господствующего класса: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 13. Троицкий связывает развитие абсолютной монархии и ее относительную самостоятельность с новыми явлениями в экономике страны. Троицкий С. М. О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России. — История СССР, 1969, № 3.

* Автор излагает не все точки зрения на проблему, высказанные в ходе дискуссии об абсолютизме в советской историографии 1968—1972 гг. Основное внимание историки уделяли проблеме соотношения феодальных и буржуазных элементов в социальной природе абсолютизма. В ходе этой дискуссии ряд историков не поддержал тезис о «равновесии сил» между дворянством и буржуазией как необходимом и достаточном условии существования русского абсолютизма. Л. В. Черепнин в ряде работ и выступлений предложил не вкладывать в понятие «баланс» представление о механическом равенстве сил дворянства и буржуазии. Согласно мнению Л. В. Черепнина, «баланс сил» не обязательно означает их равновесие (ибо равновесие в смысле равенства сил вообще не существовало даже в эпоху классического французского абсолютизма), а должен пониматься как их соотношение, исторически изменяющееся и находящееся в развитии. Важнейшее место в этом соотношении классовых сил занимает дворянство как класс, органически связанный с абсолютизмом и составляющий его классовую базу. Именно поэтому противоречия между дворянством и буржуазией, некоторое время примиряемые абсолютизмом, могут быть разрешены окончательно лишь в ходе буржуазной революции. См.: Черепнин Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). — III конференция советских и итальянских историков. М., 1968; Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981; Рахматуллин М. А. К дискуссии об абсолютизме в России. — «История СССР», 1972, № 4.

В зарубежной марксистской историографии точка зрения на социальную природу абсолютизма развита в работе венгерского историка Э. Мольнара: Molnar E. Les fondements économiques et sociaux de l'absolutisme. — Rapports du XII Congrès International des sciences historiques, v. IV, Vienne, 1965.

Дискуссия об абсолютизме дала импульс изучению вопросов складывания предпосылок, утверждения и развития абсолютизма в России. Об этом см., напр., работы историков ГДР: Donnert E. Politische Ideologie der Russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharinas II. Gesellschaftstheorien und Staatslehren in der Ära des aufgeklärten Absolutismus. Berlin, 1976; Hoffmann P. Aufklärung, Absolutismus, Aufgeklärte Absolutismus in Russland. In.: Studien zur Geschichte der Russischen Literatur des 18. Jahrhundert. Bd. IV, 1970; Hoffmann P. Entwicklungsetappen und Besonderheiten des Absolutismus in Russland. In.: Der Aufgeklärte Absolutismus. Köln, 1974.

Социально-экономические предпосылки становления и упрочения абсолютизма рассмотрены в работе: Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London, 1974.

В новейшей буржуазной историографии дискуссия советских историков об абсолютизме нашла отражение в ряде работ: Gerschenkron A. Soviet Marxism and Absolutism. — In.: Slavic Review, vol. 30, № 4, décembre 1971; Crummeу R. Russian Absolutism and the Nobility. — In.: Journal of modern history. Vol. 49, N 3, september 1977; Esper T. Recent Soviet Views of Russian Absolutism. — In.: Canadian-American Slavic Studies, vol. 6, № 4, winter 1972; Torke H.-J. Die neuere Sowiethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus. — In.: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1973; Orlovsky D. Recent Studies on the Russian Bureaucracy. — In.: The Russian Review, vol. 35, october 1976, N 4; Mosse W. Some Recent Trends in the Historiography of the Russian Ancien Régime. — In.: The Historical Journal, vol. 24, N 4, december 1981.

** Биографический жанр представлен в современной буржуазной историографии рядом новых работ. В оценке личности Петра I прослеживается влияние концепций русской дореволюционной историографии: Grey J. Peter the Great emperor of all Russia. New York, 1960; Buzzi G. The life and times of Peter the Great. New York, 1967; Anderson M. Peter the Great. London, 1978; Troyat H. Pierre le Grand. Paris, 1979.

В советской историографии биография Петра I и его современников рассматриваются в следующих работах: Бугапов В. И. Отечественная история в серии «Жизнь замечательных людей». — Вопросы истории, 1984, № 1; Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1976. Важно отметить введение в научный оборот сведений об имущественном положении и хозяйственной деятельности крупнейших деятелей петровской эпохи: Троицкий С. М. Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова). — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Павленко Н. И. А. Д. Меншиков. М., 1981.

К с. 45

* Роль Петра I в определении внешней политики освещается также в работах: Гарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию М., 1958; Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959 и др. Богатый фактический материал и литература по этому вопросу приведены в работе: Андреев А. И. Петр I в Англии в 1698 г. — В кн.: Петр Великий. М. — Л., 1947.

К с. 46

* Анализ зарубежной историографии этой проблемы дан в работах: Люблинская А. Д. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. М. — Л., 1961; Каштанов С. М. Изучение социальной и внутривластной истории России периода феодализма во Франции в 1960—1964 гг. — История СССР, 1966, № 3.

К с. 48

* Ценная работа М. М. Богословского об областной реформе 1719 г. вызвала, однако, ряд критических замечаний в современной ему историографии: отмечалось, что автору не удалось до конца провести сопоставление уставных положений и практики функционирования государственных учреждений, источники использовались неполно. Об этом см.: Филиппов А. Н. Разбор сочинения М. М. Богословского «Областная реформа Петра Великого» (Уваровская премия). Спб., 1904.

К с. 51

* Петровским реформам посвящена книга шведского историка К. Петерсона: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedente and Process of Reception. Stockholm, 1979. См. рецензию на эту книгу — Советские архивы, 1982, № 1.

К с. 52

* Критика концепций заимствования была дана еще в дореволюционной историографии: Берендт Э. Несколько слов о коллегиях Петра Великого. Ярославль, 1896; Филиппов А. Н. Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711—1741 гг.). Спб., 1911.

** Анализ этих проблем с использованием широкого круга архивных материалов дан в работах советских историков: Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века. — Исторические записки, т. 1, М., 1937; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975; Устюгов Н. В. Классы и классовая борьба в России в XVII веке. — В кн.: Н. В. Устюгов. Научное наследие. М., 1974; Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования). — Исторические записки, т. 90. См. также:

Crummey R. Aristocrats and servitors. The boyar Elite in Russia 1613—1689. Princeton, 1983.

К с. 53

* Взгляды американского историка М. Раева на петровские реформы во многом противоречивы. Если в одних работах он уделяет основное внимание отличию нового государственного аппарата от старого, то в других подчеркивает преемственность в его развитии. Raeff M. Plans for political Reforms in Imperial Russia. 1730—1905; Introduction. — Prentis-Hill, 1966; Raeff M. L'Etat, le gouvernement et la tradition politique en Russie impériale avant 1861. — In.: La revue d'histoire moderne et contemporaine, tome IX, octobre — décembre 1962; Raeff M. Imperial Russia. 1682—1825. The coming of age of modern Russia. New York, 1974; Raeff M. Comprendre l'ancien régime russe. Etat et société en Russie impériale. Paris, 1982.

К с. 54

* Основные тенденции развития государственного аппарата русского абсолютизма первой четверти XVIII в. рассмотрены в новых работах: Преображенский А. А. Эволюция классово-сословного строя в России. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке. — Исторические записки, т. 108, М., 1982; Медушевский А. Н. Развитие государственного аппарата управления России в первой четверти XVIII века. — История СССР, 1983, № 6.

См. также новые зарубежные работы: Yaney G. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. Chicago — London, 1973; Russian Officialdom. Chapel Hill, 1980.

К с. 57

* Характеристика приказной системы государственного управления, ее основных черт, эволюции и причин перестройки дана в работе: Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964.

К с. 62

* Работы советских авторов по истории государственного управления этого периода: Анпилов Г. Н. Фискалитет при Петре I. — Вестник МГУ, историко-филологическая серия, 1956, № 2; Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957; Автократов В. Н. Управление вооруженными силами России в начале XVIII века (по материалам приказа Военных дел). Автореф. канд. дисс. М., 1964; Стещенко Л. А. Образование коллегии Юстиции (1719—1725). — Вестник МГУ, серия XII, право, М., 1966; Маньков А. Г. Проект уложения Российского государства 1720—1725 гг. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.

К с. 63

* См. также: Аписимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. Л., 1982.

** Автор недооценивает значение проблемы связи преобразовательной политики и классовой борьбы. Эти вопросы исследованы в работах: Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (к теории проблемы). — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1979; Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина 1707—1709. М., 1962; Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705—1706. М., 1975.

См. также новые зарубежные работы: Jones R. The emancipation of the Russian Nobility. 1762—1785. Princeton, New Jersey, 1973; Blum J. Lord and peasant in Russia. Princeton, 1972; Avrich P. Russian Rebels. 1600—1800. New York, 1972.

К с. 68

* История военного дела петровской России освещалась и в довоенной советской литературе, особенно в связи с изучением событий Северной войны. Подробнее об этом см.: Кафенгауз Б. Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки. — В кн.: Петр Великий. М. — Л., 1947.

К с. 72

* Вопросы отечественных традиций в истории военного искусства эпохи Петра освещены в работах: Развитие тактики русской армии. XVIII — начало XX вв. М., 1957; Гарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958; Епифанов П. П. Россия в Северной войне. — Вопросы истории, 1971, № 6, 7 и др.

К с. 78

* Структура главы, иерархия решаемых в ней вопросов во многом определяется авторской интерпретацией роли государства в экономической политике Петра I.

В советской исторической науке петровские реформы в указанных областях изучаются в рамках исследования совокупности процессов социально-экономического развития страны, перехода от феодализма к капитализму, эволюции классовой борьбы эпохи позднего феодализма. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. III. Превращение России в великую державу. М., 1967; Генезис капитализма в промышленности. М., 1963; Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965; Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М.,

1973; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М., 1974; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России, М., 1980.

К с. 79

* Проблема государственного регулирования экономики России в первой четверти XVIII в. и экономической политики Петра I рассмотрена в работах: Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I, М., 1952; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960; Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952; Клокман Ю. Р. Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII—XVIII вв. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), М., 1964, и др. В современной зарубежной историографии обращается преимущественное внимание на отдельные направления государственной экономической политики: Blanc S. The economic policy of Peter the Great. — In.: Russian economic development from Peter the Great to Stalin. New York, 1974.

** В современной зарубежной историографии высказывается мысль о том, что в экономической и внешней политике Петра I проявляются черты «протомеркантилизма». См.: Kahan A. Observations on Petrine Foreign Trade. — Canadian-American Slavic Studies, vol. 8, № 2, summer 1974. Special issue: The Reign of Peter I.

К с. 81

* Тезис М. И. Туган-Барановского об «искусственности» петровской промышленности и насаждении ее сверху государством был подвергнут критике в советской историографии, отметившей ошибочность такой постановки вопроса о петровской мануфактуре. См., например: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954.

К с. 83

* Автор не анализирует литературу по проблемам формирования всероссийского рынка, что ограничивает последующее рассмотрение дискуссий о социальной природе петровской мануфактуры, характере труда и используемой рабочей силы. Подробнее об этом см.: Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958; Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М., 1974.

К с. 95

* Этому вопросу посвящены исследования советских ученых, в которых община рассматривается как сословный

институт, отражающий социальную организацию крестьянства в рамках феодальной формации. Подробнее о развитии этого феодального института и его социально-экономической сущности см.: Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). М., 1976.

К с. 98

* Вопрос о соотношении интересов господствующего класса и государства интерпретируется автором с точки зрения представлений о надклассовом характере государства. Под этим углом зрения анализируется и содержание ряда исследований о господствующем классе, государстве, его идеологии и политике.

К с. 99

* На развитие доктрины «общего блага» оказали влияние сочинения западных философов и юристов: Ж. Бодена, Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Х. Вольфа, С. Пуффендорфа. В России петровского времени их теории государства и монархической власти, особенно в связи с концепцией монархии как «общего блага», были развиты в книгах Ф. Прокоповича, ставшего официальным идеологом абсолютизма. См., например: Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин. Спб., 1912.

К с. 101

* Об изменениях в сословной структуре России в первой четверти XVIII в. более подробно см.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России, гл. XI.

К с. 105

* В данном случае имеет место неправомерное преувеличение роли личности Петра I в становлении сословного строя России. Существовала несомненная преемственность в развитии петровского и послепетровского абсолютизма, его классовой основы.

К с. 108

* Оценку действительности Табели о рангах в отношении социальной мобильности мы находим в высказываниях представителей различных социальных слоев петровской эпохи и последующих поколений. Характерна в этой связи негативная позиция родовитого дворянства, старой боярской аристократии, например М. М. Щербатова. Анализ этих взглядов на реформы Петра I и Табель о рангах см.: Lentin A. Introduction. — In: Prince M. M. Shcherbatov. On the corruption of Morals in Russia. Cambridge, 1969.

К с. 111

В новой зарубежной историографии петровская административная реформа рассматривается как переломный момент в формировании бюрократии: Clark son J. Some notes

on bureaucracy, aristocracy and autocracy in Russia. 1500—1800. — In: Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Berlin, 1970; Mediger W. Autokratie und Adel in Russland. — In: Aspekte des europäischen Absolutismus. Hildesheim, 1979; Crummeу R. The origins of the noble official: the boyare Elite 1613—1689. — In: Russian Officialdom. — Chapel-Hill, 1980.

К с. 115

* Критику сходных взглядов на историю господствующего класса России подробнее см.: Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М., 1982.

К с. 116

* См. комментарий к с. 31.

К с. 122

* См. также: Benz E. Die russische Kirche und das Abendländische Christentum. München, 1966; Freeze G. L. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass. — London, 1977.

К с. 123

* Авторство некоторых сочинений Ф. Прокоповича ставится под сомнение. Об истории составления и вопросах атрибуции сочинения Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей» см. работу: Craсcraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda Voli Monarshei? — Slavic Review, vol. 40, № 2, Summer 1981.

К с. 127

* В советской историографии анализируется социально-экономическая подоплека борьбы государства и церкви в петровский период. См., например: Комиссаренко А. И. Абсолютистское государство и духовные земельные собственники в борьбе за землю, крестьян и феодальную ренту. — В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983.

К с. 128

* О борьбе крестьян-раскольников подробнее см.: Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. См. также: Crummeу R. The old believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694—1855. Madison — London, 1970.

К с. 132

* О взглядах и деятельности В. Н. Татищева см.: Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1981; Юхт А. И. Государственная и общественно-политическая деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. (К характеристике социально-экономической политики абсолютизма). М., 1980

(автореф. докторской дисс.); см. также: Blanc S. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIII siècle. V. N. Tatiščev (1686—1750). Lille, 1972.

К с. 140

* В советской историографии показано, что подъем национальной культуры в первой четверти XVIII в. был подготовлен всем ходом экономического и политического развития страны, нуждавшейся в коренных внутренних культурных преобразованиях. Широкий комплекс экономических, военных и административных реформ Петра I был невозможен без всестороннего развития науки и культуры. См.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964; Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975; Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв. М., 1978.

К с. 141

* Просвещение выступало одним из важнейших факторов петровских реформ первой четверти XVIII в. Отсюда понятно то большое внимание, которое уделяло ему государство. См.: Академия наук СССР. Краткий исторический очерк, т. I. М., 1977.

К с. 143

* Рассматриваемая работа Г. В. Плеханова принадлежит к позднему периоду его творчества. В ней в ряде случаев отразилось некритическое отношение автора к взглядам русских либеральных историков на исторический процесс в России (концепция государственной школы о роли государства и «закрепощении» им сословий). См.: История философии в СССР. М., 1971, т. 4, с. 301.

К с. 146

* Г. А. Некрасов формулирует задачу своей монографии «Роль России в европейской международной политике в 1725—1739 гг.» следующим образом: определение места России как великой державы и ее роли в международной политике. Выдвижение России в ранг великой державы (последолтавский период Северной войны) и ее участие в крупнейших событиях европейской истории автор считает важнейшим фактором развития международных отношений эпохи. См. также: Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964; текст первого университетского курса истории России за рубежом в XVIII в. см.: Портан Х. Г. Основные черты русской истории. М., 1982.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Коротко об авторе)

Ханс Баггер, один из известных датских историков послевоенного поколения, родился в 1942 г. в семье рабочего. В 1961 г. он поступил в Копенгагенский университет, где изучал одновременно историю и русский язык. Завершить образование ему удалось в СССР — в 1965—1966 гг. он занимался на кафедре истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ под руководством профессора Г. А. Новицкого. В период пребывания в СССР Х. Баггер много и плодотворно работал в архивах ЦГАДА, ЦГИАЛ и ЛОИИ. Глубокий анализ русских источников позволил ему создать фундаментальный труд — «Российская политика альянсов в 1720-х гг.». Эта работа была отмечена Золотой медалью Копенгагенского университета, а в 1974 г. вышла отдельным изданием¹.

Одновременно с исследованием истории России XVIII в. Х. Баггер продолжает совершенствовать свои познания в русском языке и в 1970 г. защищает кандидатскую диссертацию по русской филологии и истории России.

Напряженную научную деятельность молодой ученый сочетал с активной политической деятельностью. Принадлежа к левому крылу датской социал-демократической партии, он редактировал журнал «Свободный форум» («Frit forum»), орган, выступающий против гонки вооружений, а во внутренней политике — за

¹ Bagger H. Ruslands alliancepolitik efter freden i Ny-stad. København, 1974.

построение социализма, демократизацию общественно-политического строя в Дании. Х. Баггер проявил верность своим убеждениям, демонстративно отказавшись отбывать срок обязательной воинской службы в армии, и был выпущен два года (1971—1972) находиться на тяжелых работах, предусмотренных в подобных случаях датским законом.

Вернувшись в университет, ученый продолжает исследования в области русской истории и историографии петровской эпохи и публикует свои работы, в частности обзор исследований по реформам Петра I, предлагаемый ныне советскому читателю.

В настоящее время ученый ведет большую преподавательскую работу, читая в Историческом институте Копенгагенского университета курс лекций и руководя семинарами по истории России, а также всеобщей истории XVIII в. Одновременно он продолжает научные исследования — вскоре должна выйти в свет его новая книга о скандинавской политике России в 1732—1773 гг., посвященная историческим связям трех соседних стран — России, Швеции и Дании.

В. Е. Возгрин

Указатель имен

- Аврех А. Я. 14, 15, 41, 42, 100, 112, 113
Адриан, патриарх 132
Александренко В. Н. 150
Александров В. А. 156
Алексей, царевич 121
Алексей Михайлович, царь 20, 70, 71, 127
Андерсон М. С. 12
Андреев А. И. 24, 131, 148
Аннерс Е. 17
Архангельский А. 130, 134, 142
Бабурин Д. С. 47, 49, 53, 57
Баггер Х. 7—23
Базилевич К. В. 38, 48, 56, 73, 75, 116
Бакланова Н. А. 137, 142, 144
Барер И. 153
Бахрушин С. В. 38, 39, 96, 109
Белявский М. Т. 136—138, 141
Берлин П. А. 112
Бескровный Л. Г. 45, 48, 67, 70, 72, 74, 76, 77, 106, 131, 154
Бетяев Я. Д. 97, 100
Бобровский П. О. 68, 69, 73, 75
Богословский М. М. 10, 11, 19, 26—28, 30, 35, 36, 38, 47—50, 52, 54, 55, 59—61, 63—65, 71, 75, 79, 82, 85, 99, 105, 107, 108, 111, 114, 117, 130, 135, 149
Бриклер А. Г. 145, 150
Буганов В. И. 23
Булыгин И. А. 117, 122, 127, 128
Вавилов С. И. 136
Веретенников В. И. 49
Верховской П. В. 49, 119, 124, 125, 127
Веселаго Ф. 69
Вирхаус Р. 19
Витрам Р. 9, 81, 101, 104, 105, 133
Владимирский-Буданов М. Ф. 59, 131, 142
Возгрин В. Е. 7, 149
Вольтер 8
Воровский В. В. 40
Воскресенский Н. А. 44, 45, 51, 98
Гегель 34
Гейер Д. 66, 67
Гердер 34
Гершенкрон А. 12, 17, 19, 20, 99
Глаголева А. П. 83, 89
Голикова Н. Б. 97, 106, 132
Готье Ю. В. 50, 55
Грабарь В. Э. 45, 150
Градовский А. Д. 49, 57, 60, 61
Греков Б. Д. 153
Греков И. Б. 148
Гурвич Г. 132

- Данилова Е. Н. 155
 Деятисильная Д. И. 85
 Демидова Н. Ф. 111
 Десницкий В. А. 141—143
 Джервис 153
 Дитятин И. И. 49, 63, 66, 113
 Дмитрев А. 120
 Добролюбов Н. А. 9
 Дружинин Н. М. 111
- Екатерина II 8, 50, 131
 Епифанов П. П. 71—75
 Ершкнн Н. П. 38, 48, 54, 57,
 60, 63, 111
- Заозерская Е. И. 83—85, 87—
 89, 93, 94, 98
 Заозерский А. И. 155
 Зейдель И. К. 69
- Иван Грозный 21
 Иван III 21, 59
 Игрицкий Ю. И. 6, 7
- Йерпе 69
- Каминьский А. 149
 Каптемир А. Д. 132
 Каптерев Н. Ф. 127
 Карташев А. 126, 129
 Карамзин Н. М. 8
 Кафенгауз Б. Б. 24, 30, 32, 83,
 90, 91, 97, 112, 116, 143, 151
 Кизеветтер А. 26, 63, 64, 66,
 105, 113
 Клибанов А. И. 16
 Клокман Ю. Р. 67, 77, 106, 145,
 154
 Клочков М. 116, 117
 Ключевский В. О. 11, 29, 30,
 32, 35, 46, 52, 54, 55—58, 63,
 79, 82, 103, 105, 107, 117, 147
 Коган Ю. Р. 122—124, 127
 Козинцева Р. И. 94
 Кольман Э. 140
 Комиссаренко А. И. 118
 Королюк В. Д. 148
 Корсак А. 81, 82
 Кошман Л. В. 40, 94, 113
 Краснобаев Б. И. 134, 137—
 139, 141—144
 Крылова Т. К. 148—150
 Кукапова Н. Г. 152, 153
 Кулишер И. 87
 Курмачева М. Д. 84
- Кутузов М. И. 75
- Лаппо-Данилевский А. С. 94,
 131
 Латкин В. Н. 57, 60
 Лебедев В. И. 38, 39, 43, 96,
 145
 Левшин Б. В. 137, 141
 Леонтьев В. 17
 Ломоносов М. В. 8, 31, 136
 Лупнов С. П. 132, 134, 135,
 137—139, 144
 Львов А. Н. 95
 Лысцов В. П. 149, 153
 Людовик XIV 69
 Лященко П. И. 91, 112
- Мавроднн В. В. 38, 43, 94
 Майкова Т. 128
 Макаров 155
 Маньков А. Г. 51, 54
 Маркс К. 14, 39
 Мартынов М. Н. 79, 83—85, 87,
 88
 Масловский Д. Ф. 69, 70
 Меншиков А. Д. 155
 Мещеряков Г. П. 72, 75
 Мильштейн А. А. 24
 Милоков П. Н. 10, 25, 26, 31,
 32, 35, 43, 44, 57—59, 61, 63,
 76, 79, 82, 85, 115—117, 121,
 133, 134, 141, 142, 147, 152
 Миронов Г. Н. 6
 Мрочек-Дроздовский П. Н. 49,
 59
 Мышлаевский А. З. 69, 70
- Назаров В. Д. 48, 54, 157
 Неволин К. А. 59
 Некрасов Г. А. 45, 51, 53, 54,
 73, 76, 77, 145—147, 149, 153,
 156, 157
 Нечаев Н. В. 131
 Никифоров Л. А. 146—148, 150,
 153, 154, 156, 157
 Никольский Н. М. 122, 127,
 130, 135
 Никон, патриарх 21, 121, 127
 Новицкий Г. А. 156
 Носов Н. Е. 51
- О'Брайен 11
 Огородников В. И. 50, 55, 61
 Орешкова С. Ф. 149

- Павленко Н. И. 22, 24, 30, 33,
 40, 47, 53, 83, 85, 88, 99, 101,
 103, 104, 109, 112, 113, 131,
 143, 146, 147, 155
 Павлов-Сильванский Н. П. 43,
 44, 46, 101, 104, 133
 Павлова-Сильванская М. П. 7,
 40
 Пажитнов К. 112
 Папкратова А. М. 83, 86, 87,
 89, 92, 97, 98, 113, 116
 Пашуто В. Т. 51, 108, 154
 Пекарский П. 131, 132, 136, 138
 Петровский С. А. 49, 59
 Пильняк Б. 42
 Платонов С. Ф. 11, 25, 26, 28,
 29, 42, 49, 52, 54, 57, 59, 60,
 61, 71, 74, 103, 104, 107, 117,
 127, 145
 Плеханов Г. В. 143
 Погодин М. П. 8, 9
 Подьяпольская Е. П. 45
 Покровский М. Н. 11, 13, 14,
 19, 28, 30, 37, 39, 42, 43, 85,
 92, 96, 139, 153, 154
 Покровский С. А. 40
 Полиевктов М. А. 147, 148, 155,
 156
 Полянский Ф. Я. 79, 84, 87,
 91—94, 112
 Перфирьев Е. И. 70, 73, 75, 77,
 109, 116
 Першнев Б. Ф. 145
 Посошков И. Т. 132
 Преображенский А. А. 107
 Прилежаев Е. М. 131
 Прокопович Феофан 47, 121,
 123, 125, 127, 132
 Просина А. Б. 132
 Пушкарев Л. Н. 136
 Пушкин А. С. 8, 9

 Рабинович М. Д. 71, 109, 111
 Радищев А. Н. 8
 Раев М. 11, 12, 19, 52, 115
 Рахматуллин М. А. 40, 42, 98
 Рейснер М. А. 19, 47, 99, 100,
 108, 131
 Роджер Х. 140
 Рождественский С. В. 131, 134,
 136, 143
 Рожков Н. А. 13, 38
 Романович-Славатинский А. 97,
 104, 108, 110, 115
 Ромашкин П. С. 69

 Рубинштейн Н. Л. 24
 Румянцев 75
 Рункевич С. Г. 119

 Сальман Г. Я. 72, 73, 75, 76,
 97
 Санин Г. А. 154
 Сахаров А. М. 97, 120
 Семевский В. И. 103
 Сергеевич В. И. 53, 59, 60
 Слищан Б. Г. 63—65, 122
 Соловьев С. М. 8, 10, 11, 12, 27,
 28, 30—32, 34, 35, 43, 52, 57,
 78, 123, 130, 146, 148, 152
 Сомов В. И. 80, 83
 Софроненко К. А. 30, 38, 41,
 48, 51, 56, 59, 60—63, 66, 97,
 109, 111
 Спиридонова Е. В. 80, 116
 Стещенко Л. А. 41, 48, 49, 51,
 56, 59, 60—63, 66, 97, 109, 111
 Струмилин С. Г. 83, 85, 90, 91,
 97, 117
 Суворов А. В. 75
 Суворов Н. С. 125, 126
 Сыромятников Б. И. 11, 14, 28,
 32, 38—40, 47, 78, 102, 103,
 104

 Тарле Е. В. 77, 151
 Татищев В. Н. 8, 132
 Тельпуховский Б. С. 151
 Титлинов Б. 125
 Тихонов Ю. А. 103, 118
 Толстой А. 42
 Томсинский С. 30, 32, 38, 56,
 139, 145
 Троицкий С. М. 40, 41, 45, 47,
 48, 50, 54, 56, 60, 61, 98, 102,
 105, 108—111, 113, 114, 116,
 139, 147, 155
 Туган-Барановский М. И. 93

 Ульяницкий В. А. 150, 152
 Устрялов Н. Г. 8, 9

 Федосов И. А. 40—41, 102, 111,
 114
 Фейгина С. А. 45, 148
 Филиппов А. Н. 49, 53, 58
 Флоровский А. В. 150
 Фляйшхакер Х. 101
 Фриз Г. Л. 110

Хартман К. И. 148
Хертель Х.-Й. 125

Черешнин Л. В. 28, 154
Чистович Я. А. 131
Чистович И. 121, 127

Шапиро А. Л. 94, 97, 113
Шаскольский И. П. 51, 154
Шереметев 155
Ширрен К. 32
Шницгал А. Г. 133
Штёкль Г. 11
Шунков В. И. 67

Щепетов К. Н. 116
Щербатов М. М. 8

Эйлер 140
Энгельс Ф. 14, 89

Юшков С. В. 38, 39, 43, 96,
108, 109

Яворский Стефан 132
Яковлев Н. 155
Яковлева П. Т. 150

Оглавление

«Реформы Петра Великого» Х. Баггера и изучение истории России конца XVII — первой четверти XVIII в.	5
Глава I. Постановка ключевых проблем	24
Глава II. Реформы государственного аппарата	46
Глава III. Экономические и социальные реформы	78
Глава IV. Реформа церкви и преобразования в культурной жизни России	119
Глава V. Перемены в международном положении России	145
Библиография	158
Примечания	181
Послесловие	193
Указатель имен	195

Х. Баггер

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ИБ № 13794

Редакторы *В. Д. Гапанович, Е. Н. Самойло*

Художник *В. К. Бессигалев*

Художественный редактор *И. М. Чернышева*

Технический редактор *Т. В. Левина*

Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 29.03.84. Подписано в печать 22.11.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обычн. новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,50. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 11,11. Тираж 75 000 экз. Заказ № 122. Цена 80 коп. Изд. № 39016.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Прогресс“ Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119847. РСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект. 29

3р
80к

